18+

УЛЬЯНА
БИСЕРОВА

# ПОД КОЖЕЙ — ТОЛЬКО Я

SHOUT
SHARE
IT

# Annotation

История двух братьев, одному из которых суждено стать наследником могущественной бизнес-империи, а другой с трудом зарабатывает на хлеб. У каждого из них свои горести и мечты, но судьба дает им шанс поменяться местами и переосмыслить все, что казалось непреложной истиной. В 2021 г. рукопись вошла в лонг-лист премии «Новая детская книга».


- Под кожей — только я
  - ○
  - ○
  - ○ Часть первая. Лука
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9
    - ■ Глава 10
    - ■ Глава 11
    - ■ Глава 12
    - ■ Глава 13
    - ■ Глава 14
    - ■ Глава 15
    - ■ Глава 16
    - ■ Глава 17
    - ■ Глава 18
    - ■ Глава 19
    - ■ Глава 20
  - ○ Часть вторая. Тео
    - ■ Глава 1
    - ■ Глава 2
    - ■ Глава 3
    - ■ Глава 4
    - ■ Глава 5
    - ■ Глава 6
    - ■ Глава 7
    - ■ Глава 8
    - ■ Глава 9

- Глава 10
- Глава 11
- Глава 12
- Глава 13

Послесловие от автора

# Под кожей — только я

# Ульяна Бисерова

*Дизайнер обложки* Павел Писклаков
*Корректор* Дарья Иванова

© Ульяна Бисерова, 2021
© Павел Писклаков, дизайн обложки, 2021

ISBN 978-5-0055-2642-7
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

***

— Что-то не так.

— Всё под контролем.

— Нет, что-то не так. Трансляция сбоит.

— Заткнись и займись делом. Проверь датчики и клеммы.

Голоса сталкиваются, мечутся по комнате, то чуть отдаляясь, то вонзаясь в висок, как стальная игла. Хочется отмахнуться, как от назойливой мухи, но рука превратилась в обломок скалы. Не чувствую ничего, кроме прохладной и твердой поверхности кушетки. И легкого щекочущего холодка где-то на загривке. Сердце сонно гонит кровь по венам — кажется, от одного удара до другого проходит целая вечность. В ушах нашептывает нездешнее море.

— Давление и пульс нестабильны.

Слепяще яркий свет пробивается даже сквозь сомкнутые веки. Хочется открыть глаза и осмотреться, но сил не хватает даже на это. Тревожный запах стерильной чистоты. Так пахнет только в клиниках. Разве я болен?

— Он что, в сознании?! Эй, парень!

— Ты сбрендил? Обычный поток сознания. Следи, чтобы шла фиксация.

Как я здесь оказался? Кто эти люди? Вчера… Черт, что же было вчера? Не помню… Хоть убей — не помню. Зато зачем-то помню, как в детстве учился кататься на велосипеде. После дождя, который прошел накануне, в саду было сыро и ветрено. Кто-то из взрослых — не помню кто, но точно не отец —

придерживал сиденье. Переднее колесо все время петляло. Так хотелось скорее вырваться из-под опеки. Крикнуть: смотри, я сам! Я поднажал на педали, дорожка пошла под уклон, велосипед разогнался, и я заорал от страха. Свалился в кусты акации, ощетинившиеся голыми ветками. Когда открыл глаза, увидел пролетающий в пронзительно синем небе птичий клин… Интересный парадокс: если птице вживить разум человека, она сможет решать математические задачки, но уже вряд ли выстроит путь из Африки к местам гнездовья без навигатора. Да и вообще не встанет на крыло. Чтобы взлететь, надо верить, что тебе это по силам, что воздух удержит и ты не рухнешь камнем вниз…

— Что он плетет?

Мысли путаются. Наверное, мне вкачали слишком маленькую дозу наркоза, и я проснулся посреди операции. Наверное, я умру от болевого шока.

— Сколько ты вколол?

— По инструкции.

Как они слышат мои мысли? Или я разговариваю во сне? Почему я не слышу звука собственного голоса? Мозг превратился в трусливо подрагивающий студень. Хотя это, кажется, как раз в рамках нормы… А если, наоборот, птичий разум вживить в тело человека, преодолеет ли он земное притяжение одной лишь силой мысли? Будет подпрыгивать на земле, нелепо размахивая руками, или поднимется на крышу самого высокого небоскреба в городе, чтобы поймать попутный ветер?..

Где-то хлопают двери, раздается звук быстро приближающихся шагов и взволнованные голоса.

Небо — далеко. И я — не птица. Или?.. Похоже, дела мои совсем плохи. Последнее, что я вижу — склонившееся надо мной лицо мужчины. Его лицо — умное, волевое, с ироничными складками у рта — кажется мне смутно знакомым. Я силюсь вспомнить его имя, но напрасно. Картинка медленно темнеет, как в старом фильме. Только где-то по краям, на периферии, пылают огненные дуги.

— Остановка сердца.

# Часть первая. Лука

*Когда пешка доходит до восьмого квадрата, игрок имеет право выбрать фигуру — независимо от того, была ли эта фигура ранее утрачена в игре или нет, — и пешка станет этой фигурой со всеми ее свойствами или решением игрока останется пешкой.*

***Вильгельм Стейниц. Введение в современные шахматы***

# Глава 1

— Эй, Снежинка!

Один из каменщиков, сгребающих лопатами бетонное крошево, устало распрямился. С расстояния в двадцать шагов подросток в заскорузлой от грязи и стылой февральской сырости робе казался нахохлившейся болотной птицей. С мрачной радостью Хьюго заметил, что после вчерашней драки кровоподтек под левым глазом Луки налился сизой спелостью. Впрочем, и для самого Хьюго потасовка прошла не без потерь: рассеченная губа распухла, отчего он пришепетывал еще заметнее, чем обычно. Ну да ничего, мстительно подумал он, сейчас крысёныш получит сполна.

Месяц назад Шлак сделал Хьюго подрывником, и в бригаде втайне выдохнули, надеясь, что это положит конец издевательствам и побоям. Не тут-то было. Хьюго не собирался отказываться от удовольствия, которые сулило верховенство над безропотными недомерками. А уж изобретательности ему было не занимать. Одна беда — белобрысый выродок, который напросился на грязную, тяжелую и плохо оплачиваемую работу — разбор завалов после взрывов — начал скалить зубы. То и дело встревал, когда Хьюго после смены собирал обычную дань. Вот и вчера, когда он планировал хорошенько прижучить косоглазого задохлика, который заныкал талоны и божился, что где-то обронил их, этот невесть откуда взявшийся робингуд перехватил его руку, уже занесенную для удара. Завязалась потасовка. И весьма неприятным сюрпризом для Хьюго, который всегда был крайне осмотрителен в выборе противника, стало то, что Лука, которого он рассчитывал уложить одним верным ударом, оказался жилистым и вертким. Так что — и при одной мысли об этом у Хьюго сводило челюсть, как от зубной боли, — если бы подручные Шлака не подоспели вовремя и не разняли сцепившихся мальчишек, еще неизвестно, кто одержал бы верх. Наглеца следовало проучить, и без промедления. Вчера, когда в груди еще жгла и полыхала бессильная ярость, он думал было улучить момент и столкнуть его вниз. Несчастные случаи на демонтажной площадке происходят чуть ли не каждый день, кто станет пересчитывать вечно голодных оборванцев! Но уязвленное самолюбие Хьюго, которое до сих пор желчью плескалось у самого горла, требовало красивого отмщения. Унизить. На глазах у всех. Мусорные крысы должны четко усвоить, кто здесь сила. Хьюго достал из кармана сверток, обернутый в промасленную бумагу и криво перетянутый клейкой

лентой.

— Взрывчатка, — выдохнул за спиной у Луки Флик.

Хьюго ухмыльнулся, заметив, как вытянулось от страха лицо грязного арабского заморыша, который вечно ошивался где-то поблизости от белобрысого Луки. Достав из кармана зажигалку, Хьюго запалил короткий обрывок фитиля. И, замахнувшись, швырнул взрывчатку.

Уже потом, когда течение времени вернулось к обычному темпу, Лука вряд ли сумел бы внятно объяснить, с какого перепуга бросился ловить летящую связку динамита, а не рухнул в бетонное крошево, обхватив голову руками, как это сделали все вокруг. Он вовсе не был героем. Но шашка мучительно медленно летела по высокой дуге, рассыпая искры и оставляя тающий дымный след, как павлин-альбинос. Зоркими, чужими глазами Лука видел Хьюго, еще не распрямившегося от броска, с перекошенным от злобы лицом. А еще — Флика, вцепившегося в его, Луки, правый рукав, — в широко распахнутых глазах друга плескался неподдельный ужас. Он чувствовал скрещение еще десятка взглядов, видел раскрытые в безмолвном крике рты. Спустя, казалось, целую вечность взрывчатка приземлилась прямехонько в его раскрытые ладони. Не сводя взгляда с крошечного быстрого огонька, Лука резким рывком отшвырнул Флика и рухнул на пол, накрыв шашку своим телом. Сердце гулко ухнуло и замерло.

Лука успел досчитать до десяти, а взрыва все не было. Приоткрыв правый глаз, он увидел Хьюго, который, согнувшись, заходился в беззвучном смехе.

— Смени штаны, Снежинка! Я-смейся сам-смерть! — выдавил он между приступами хохота.

Лука медленно поднялся, стряхивая с робы серую пыль. Отшвырнул связку фальшивого динамита. На бледном, покрытом веснушками лице проступили красные пятна. «Резкий скачок адреналина в крови. Источник потенциальной опасности не обнаружен. Осуществить связь со службой экстренной помощи?» — прозвучал в голове бесстрастный голос Эфора. «Запоздал ты что-то, приятель. Отмена». Лука с трудом сдерживал злость: вот придурок, купился на дурацкий розыгрыш. Хьюго, конечно, отмороженный на всю голову, но все же не свихнувшийся птичий профессор. Будь взрывчатка настоящей, ударной волной разнесло бы весь этаж, и он сам оказался бы в эпицентре взрыва.

— Что тут, черт подери, происходит?!

Услышав властный окрик бригадира подрывников, Лука быстро опустил взгляд. Не хватало еще, чтобы Шлак вышвырнул

его с площадки. О бригадире ходили легенды: перешептывались, что во время войны он был подрывником и чудом выжил, когда отряд взяли в кольцо и все вокруг превратилось в пылающий ад, — единственный из всего взвода. Все его тело было изрешечено, пробит позвоночник, — если бы не экзоскелет, он вряд ли бы смог сделать хоть шаг. Лицо стягивали уродливые шрамы от ожогов, а вместо левого глаза была стальная пластина. Что, впрочем, совершенно не мешало ему видеть то, что обычно ускользало от взгляда начальства.

— Отвечай, Хьюго.

— Непорядок, бригадир, — непривычно высоким голосом проблеял Хьюго. — Каменщики бросай-дело, шепотки-пускай. Ленивые крысы. Я иди-мимо и скажи: время-нет перерыв, солнце высоко.

— Ясно. Дай мне это.

— Что, бригадир?

Правая бровь Шлака едва заметно приподнялась.

— А-а, это? — Хьюго, метнувшись, как подстреленный, поднял запыленный брусок и поднес Шлаку. В руках бригадира муляж внезапно завибрировал и с шипением развалился, испустив жалкий фонтанчик разноцветного конфетти.

— Шутка, — пролепетал Хьюго, в лице которого не осталось ни кровинки.

Шлак с каменным лицом стряхнул с затертой штормовки рассыпавшиеся блестки.

— Обхохочешься. Отойдем-ка на пару слов, парень.

Провожая взглядом ссутулившегося, закоченевшего от ужаса Хьюго, Лука почти готов был посочувствовать недругу, которого еще пять минут назад рвался измочалить.

— За работу! Живо! — гаркнул кто-то из старших. И все, как будто только и ждали команды, засуетились, схватились за лопаты, молоты, кирки, тачки, и уже через пару минут на демонтажной площадке закипела повседневная муравьиная возня. Вчера подрывники обрушили перекрытия восемьдесят седьмого этажа высотки, где когда-то, как гласила выцветшая вывеска, располагалась штаб-квартира NDR Media. Пыль уже осела, и каменщикам предстояло разобрать завалы, сгрузить бетонные обломки в тачки и отвезти к транспортерной ленте, которая спускалась до самой земли, где на погрузке уже дожидались гигантские самосвалы.

Это в прежние времена люди строили. Небоскребы, дороги, мосты. Рыли подземные туннели, прокладывали рельсы, скрепляя мир стальными обручами. Только ничего путного не вышло: он все равно взорвался, распался на лоскуты. Сегодня каждый сам

за себя. Уцелевшие города, как средневековые княжества, устанавливают собственные законы и порядки, стараясь защитить земли от вторжения чужаков. Крепостные стены ограждают от нескончаемой вереницы голодных попрошаек, которые шатаются по дорогам, пробавляясь мелкими кражами и разнося смертельные вирусы, и от банд вооруженных головорезов.

Чтобы строить стену, нужны сталь, раствор и камни. Магистрат Гамбурга по примеру других городов Ганзейского союза издал постановление о демонтаже строений выше семи этажей. Обломки стен и перекрытий небоскребов можно снова превратить в стройматериал. Рекрутер магистрата, который вышел к толпе отчаявшихся безработных, сперва засомневался на счет белоголового долговязого пацаненка, но потом устало махнул рукой: может, хоть откормится на талонах.

В первый раз поднявшись на сотый этаж, Лука онемел, взглянув на раскинувшийся у ног Гамбург — суровый, краснокирпичный, с серой лентой холодной реки, готическим пиком Михеля, который оберегает город с незапамятных времен, и выпуклой изумрудной каплей озера Альстер. В Сити еще сохранилось пара десятков серых небоскребов, похожих на сторожевые башни. Иногда в воздухе поблескивали зеркальные капсулы аэротакси. На южной окраине белели кварталы богатых особняков, утопающих в зелени. С бешено колотящимся сердцем, задыхаясь от порывов ветра, Лука на краткий миг представил, что стоит на капитанском мостике трансатлантического лайнера, взрезающего безбрежную гладь моря.

Казалось странным, что еще каких-нибудь пятнадцать-двадцать лет назад в небоскребе располагались фешенебельные апартаменты и офисы. Что целая армия клерков в строгих костюмах, как у работников похоронной конторы, и с таким же застывшим выражением сдержанного прискорбия на лице, склонив головы, дробно и сухо стучала пальцами по клавиатуре лэптопов. Сейчас в выбитые окна свистел ветер, но воздух в заброшенном здании все равно был затхлый, неживой. Пахло слежавшейся пылью, отсыревшей ветошью и птичьим пометом. По углам намело груды хлама: побуревшие обрывки бумаги, осколки стекла, обломки мебели. Все, что было ценного, давно растащили. Даже электрические кабели и водопроводные трубы вырваны и раскурочены. Запустение повсюду: даже крысы не снуют, разве что изредка хрустнет под ногой истлевшая тушка, похожая на старую подошву.

Сначала площадку осматривают подрывники: находят слабые места в конструктиве, закладывают взрывчатку и обрушивают часть этажа. Потом приходится день-два переждать, пока осядет

пыль, и наступает черед каменщиков, которые разбирают завалы.

Обычная смена — шесть часов, с десяти до четырех, пока светло. Если не филонить и не трепаться, можно даже накидать сверх дневной нормы и получить лишний талончик. Новички — их сразу видно — конечно, норовят ухватиться за самые крупные обломки, как будто золотой самородок откопали: долго ходят кругами, примериваясь, как бы удачнее перехватить, тужатся, кряхтят — и только зря время теряют. А некоторые, наоборот, лопатой весь день машут, как заведенные, сгребая мелкое крошево. Но самое верное, как быстро вычислил Лука, — собирать осколки с кулак величиной. Спина к вечеру, конечно, гудит и ноет, а ноги, если приходится забираться выше семидесятого, горят так, как будто наступил на оголенный провод, но уже через месяц-другой это перестаешь замечать. Работа как работа. Бригадир талоны не зажимает, как не раз случалось на разборе ржавых трайлеров в доках, где к тому же приходилось ползать в узких, словно крысиных ходах между переборками, обдираясь в кровь и задыхаясь. Да и ребята тут неплохие, надежные. Правда, пылища на сломе день-деньской стоит столбом, так что приходится все время носить защитную маску. Уже через пять минут кожа под ней начинает невыносимо свербеть, и многие не выдерживают, срывают респиратор со злости. Но Лука каждый вечер распускает шов, чтобы достать и прополоскать фильтр, и видит, как стекают грязно-серые разводы. По инструкции маска рассчитана всего на четыре часа, но она еще вполне годная, хоть и досталась ему год назад уже не новой.

Бывает, конечно, что подрывники с взрывчаткой схалтурят — тротил все-таки денег стоит — и обваливают огромные куски стен и перекрытий, которые даже втроем не приподнять. Тогда сломщики, орудуя ломами и кувалдами, крошат бетон, выламывают струны арматуры: черный металл в цене. Дом в сто этажей исчезает за несколько месяцев — остаются лишь груды непригодного для переработки мусора на истоптанной, взрытой протекторами, окаменевшей земле. А через год-два смотришь — бурьяном в человеческий рост все заросло. Как и не было ничего.

В первый день на демонтажной площадке Лука, потерявший счет времени, с плавающими под веками темными кругами, сорвал маску и пробурчал, что заставлять людей вкалывать до седьмого пота там, где прекрасно справятся роботы-погрузчики, — попросту издевательство. Минуты три все хмуро молчали. А потом кто-то из старших сплюнул и сказал, что небоскреб можно сломать и голыми руками. Люди не сломе обходятся дешевле машин — нет нужды тратиться

на техобслуживание и ремонт износившихся деталей: если каменщик заболел, на его место всегда найдется пять трудяг, готовых с утра до ночи таскать тачку за талон. А если кто-то считает, что это слишком грязная работенка, так никто силой не держит.

На самом деле зря поговорку придумали: мол, ломать — не строить. Хорошо построенное ломать тяжело. Да и не слишком-то весело. Но Лука старался не задумываться о всяких глупостях. А просто честно делать свое дело и не нарываться на сердитые окрики бригадира. На демонтажную площадку не каждого возьмут: нужны крепкие ноги, чтобы каждый день взбираться по сотням лестничных маршей, потому что лифты давно обесточены. И чтобы голова не кружилась от высоты. Лука перевидал немало парней, с виду крепких, а как поднимутся на тридцатый или чуть выше, глянут в проем — и ползут к стенке на четвереньках. Выше пятидесятого ветер всегда сильный. И это даже хорошо: пыль уносит. Но может и с ног свалить. Некоторые во время смены специально карманы камнями набивают, чтобы не сдуло. Хотя по периметру здания на каждом пятом этаже специальная сетка натянута, чтобы задержать случайно упавший крупный обломок или тачку. Или зазевавшегося рабочего. Если мимо просвистишь, останется бесформенная груда переломанных костей. Похоронят за счет магистрата.

Один из старших дунул в свисток, объявляя пятиминутный перерыв. Лука расправил затекшие от напряжения плечи, отошел в сторону от каменщиков, угрюмо перекидывающихся короткими фразами.

Ветер уже весенний, сырой. Пахнет холодным морем и выцветшим, как заношенная майка, небом. Солнце пригревает еще не всерьез, но зима уже сдалась, отступила. Весной как-то легче поверить в то, что все как-нибудь наладится. Что Йоана поправится. Она простыла еще осенью: жар схлынул, но кашель — тяжелый, нутряной — остался. Исхудала так, что под глазами залегли лиловые тени, как тень от крыльев ночной бабочки.

Хорош бы он был, если бы до сих пор сидел на ее шее! За последнюю пару лет Лука успел побыть полотером в трактире, посыльным в мотеле и потрошителем ржавых барж в дальних доках, пока несколько месяцев назад не пришел на слом. Поначалу Йоана донимала уговорами: «Не голодаем, успеешь еще руки намозолить! Зря учебу бросил — ладно бы бездарь, а то ведь светлая голова!» Лука отмалчивался, зная — после той истории с Петером в класс он точно не вернется, — и гнул свою линию. Не маленький уже, пора самому на хлеб зарабатывать. В конце

дневной смены всем рабочим выдают талоны на еду, можно принять горячий душ, да еще и обедом накормят. Не королевская трапеза, конечно: картофельная или гороховая размазня с соевым брикетом, но зато дна хлебной корзины еще никто не видел. При мысли об обеде Лука ощутил в животе привычную тянущую пустоту. Есть хотелось всегда, сколько он себя помнил. Йоана даже смеялась: тощий, как спица, куда только все проваливается. Сама-то она до болезни была дородной, округлой, как румяная сдоба, хотя Лука не мог припомнить, чтобы накладывала себе полную порцию — так, случайные кусочки на бегу перехватывала, торопясь на дежурство в клинику.

Два коротких свистка — перерыв окончен. Порыв ветра донес отголосок истошного вопля: то ли человек, то ли чайка, и не разберешь. Лука встревоженно огляделся, но бригада все так же размеренно, монотонно складывала серые обломки в тачки.

Лука отыскал взглядом Флика. В последнее время они стали неразлучны. Вообще здесь, на сломе, ребята подобрались хорошие, без гнильцы. Когда тащишь с кем-то в паре носилки с инструментом пятьдесят пролетов без остановки, многое узнаешь о человеке, хотя сил и дыхания на разговоры не хватает.

Флик — это, конечно, не настоящее имя. На ID-карте значится что-то до невозможности витиеватое, на арабский манер. На сломе его второе имя — Фалих — тут же переиначили. Прозвище, которое на нидриге значило «муха», и это вынужден был признать и принять даже сам Флик, чрезвычайно ему шло. Лука любил бывать у приятеля: в доме собиралась большая шумная семья, не смолкали разговоры и смех, с кухни плыл одуряющий аромат горячего острого карри. При первом знакомстве Флик скороговоркой перечислил имена старших сестер — темноглазых, застенчивых, с длинными черными косами, которые на памяти Луки и слова не сказали, — только перешептывались и прыскали. Из комнаты в комнату все время сновали бесчисленные близкие и дальние родственники, соседи, чужая чумазая ребятня — кажется, никто во всем квартале и не думал запирать двери. Лука, который привык быть сам по себе, странным образом чувствовал здесь себя как дома.

Во время обеденного перерыва к их бригаде подошел Шлак.

— Сегодня на демонтажной площадке произошел несчастный случай, — негромко, отчетливо проговаривая каждое слово, сказал он. — Один паренек из бригады подрывников сорвался с высоты и разбился. В очередной раз обращаю внимание на необходимость соблюдения правил безопасности. Проведите внеплановый инструктаж, — обратился он к старшему, Кирку,

обводя каждого тяжелым взглядом. — А ты, парень, как там тебя?.. Снежинка?

Когда Шлак произнес издевательское прозвище, которое дал ему Хьюго из-за светлых, почти белых волос, Лука мучительно покраснел.

— Я — Лука, бригадир. Лука Стойчев.

— Что ж, запомню. Как я уже сказал, сегодня в моей бригаде освободилось место подрывника. Ты можешь его занять.

— Спасибо. Я доволен своим местом.

— Подумай до завтра. Дважды не предлагаю, — кивнув на прощанье, Шлак отошел.

— Ты голова-теряй? — затараторил, вцепившись в рукав Луки, ошарашенный Флик. — Это же шанс! Паек — сам-три, руки кровь-рви-нет, спина боль-гни-нет. Беда-забудь, иди-свисти. Ты-нет из-за Хьюго?

— Флик, потом. Жуй-молчи.

Приятель уткнулся носом в тарелку и засопел, но его обида, как уже не раз убеждался Лука, редко длилась долго. Вот и сейчас он, привалившись к его плечу, зашептал с заговорщицким видом.

— Смена-после ты-дом?

— Да, выспаться мечтаю. Голова тяжелая. Последние пару месяцев всякая ерунда снится, сил уже нет. А что?

— Слушай, дело есть. Ящики-таскай — десятка-держи. Брат-зови, обман-нет.

— Брат? — переспросил Лука. Он помнил, как Флик хвастался, что он — единственный сын, которого бог даровал родителям после восьми глупых и бестолковых дочерей.

— Дальний брат, по крови матери, — чуть заметно смешался Флик.

Лука вспомнил, как пару дней назад, когда все расходились после смены, рядом с ними резко опустилось аэротакси, которое в этом районе увидишь не часто. Стекло медленно опустилось. Хорошо одетый господин поманил Флика пухлым пальцем, на котором сверкал золотой перстень с крупным зеленым камнем. Тот подбежал и быстро забормотал что-то, склонившись в поклоне, как перед наследным принцем. Лука мысленно усмехнулся, глядя на этот спектакль, и поймал себя на том, что испытывает странную, необъяснимую неприязнь к богатому родственнику друга.

— Дело-тьфу. Два-час, много-три — и весел-гуляй, деньги-карман, — втолковывал Флик.

Лука нахмурился. Тяжелой работы он не боялся и частенько подрабатывал на разгрузке барж в порту. Живые деньги, не талоны, да еще и целая десятка — щедрая плата за несколько

часов работы. Но на сердце скреблась неясная тревога.

— Деньги-хорош. Но я пас.

— Сам-голова, — Флик старался сохранять невозмутимый вид, хотя Лука видел, что отказ друга его огорчил. — Сон-нет — приходи. Около Зелен-Конь, ночь-час.

# Глава 2

— Мир-я, — крикнул Лука, скидывая тяжелые запыленные ботинки. С общей кухни доносились уютное шкварчание масла на раскаленной сковороде и сытный дух оладий из картофельной муки.

— Эй, как дела? — спросила Йоана, окинув его быстрым и приметливым, особым «медсестринским», взглядом.

— Норм.

Лука налил в стакан воды и опустился на стул, чувствуя, как вся тяжесть дня, все нагруженные обломками строительного мусора тачки разом навалились, придавили, погребли его под собой. Глаза слипались, хотя время было еще не позднее, и он перед сном еще собирался прослушать лекцию и подготовиться к проверочной по гражданскому праву. В углу кухни шлепалась со стиркой Моника, которая снимала квартирку по соседству. Трое ее лохматых сопливых погодков возились тут же. Йоана, пританцовывая под мурлыкающую музыку — как обычно, что-то из пыльного ретро, — приподняла крышку сковороды, выпустив облако ароматного пара. Дети Моники тут же подняли носы, как голодные волчата. Йоана весело им подмигнула.

— Клиника ночь-весь? Опять?

— Я не разговариваю на нидриге, дорогой. Так что будь любезен изъясняться, как все образованные и воспитанные люди, и не коверкать язык, на котором творил Гете.

Лука вздохнул. «Правильная» речь — пунктик Йоаны. Нидриг — живой, кипящий язык улиц. После войны народы перемешались: люди срывались с места, спасаясь от бомбежек, обстрелов, эпидемий и голода. Официальным языком в Гамбурге, как и сто лет назад, был немецкий. Но это, скорее, дань традиции: языки и наречия спеклись в плавильном котле в пылающий нидриг. Фундаментом речи остался хохдойч, но усеченный до базовых слов и избавленный от галиматьи со временами, артиклями и падежами. Каждый народ привнес свои словечки, звучные и краткие, легко ложащиеся на проговор. Йоана, для которой, кстати, немецкий вовсе не был родным языком, сокрушалась, когда маленький Лука, как грязь на ботинках, приносил с улицы мешанину из слов, надерганных из разных наречий. А как иначе: «правильный» язык обитал в казенных учреждениях, банках и больницах. Нидриг же раскатывался по улицам, гремел на судоверфи, стрекотал на рынках. Школьные упражнения по грамматике напоминали Луке бессмысленную, монотонную муштру прусских солдат армии Фридриха

Вильгельма: вместо того чтобы учиться рубить с плеча и стрелять в цель, разряженные в белые лосины и припудренные парики вояки тянули носки на построениях. Но сегодня он слишком вымотался, чтобы препираться из-за пустяков.

— Окей, ма.

Строго говоря, Йоана не была его матерью. Когда Луке было лет семь, мальчишки на улице прицепились, отпуская шуточки по поводу цвета его волос, — в квартале мигрантов он выглядел чужаком, белой вороной, — и, как обычно, закончилось все дракой. Накладывая холодную заживляющую мазь на расквашенный нос, Йоана устало спросила, почему он вечно враждует и сражается со всем миром.

— Я хотел бы быть похожим на тебя. Чтобы у меня тоже были черные волосы и смуглая кожа. И твое огромное сердце. Но я другой. Выродок.

— Это мальчишки на улице так сказали?

Лука сердито дернул плечом и отвернулся. Йоана ласково провела рукой по белобрысым вихрам.

— Ты, и правда, другой. Наверное, пришло время рассказать эту историю — твою историю. Ну, слушай. Однажды поздно вечером в клинику пришла женщина. Светловолосая, голубоглазая — совсем как ты. И ужасно исхудавшая — буквально валилась с ног от голода и усталости. Но не выпускала из рук сверток. Там был младенец. Она рассказала, что попала в плохую историю: ее преследовали люди, которые собирались разлучить ее с сыном. Я пожалела ее и укрыла на какое-то время. Она мечтала выбраться из Ганзы: ей казалось, что здесь ее жизнь в опасности. Кто-то взялся достать ей поддельную ID-карту, чтобы она смогла начать новую жизнь под другим именем. Но, видимо, что-то пошло не так. Однажды вечером она ушла и так и не вернулась. А ты остался.

— Что же с ней стало?

— Я не знаю, милый. Я молчала, боялась расспросами навлечь беду. Да и кто мог бы знать? Потом я устроилась в другую клинику, переселилась в эту квартирку, и все соседи решили, что ты мой сын. Так оно и есть. Так и останется.

Она накрыла мягкой ладонью его руку и провела пальцем по маленькому рисунку на тыльной стороне его правой ладони — круг и три сходящиеся линии. Как голова птицы с крупным клювом. Это напоминало нанесенный хной рисунок-мехенди, которым украшали пальцы, запястья и ступни сестры Флика в дни больших праздников.

— Она говорила, что это оберег от зла и болезней, принятый в роду. Правда это или нет, но ты действительно ни разу

не болел, даже когда был совсем крошкой.

Лука обнял Йоану и вытер мокрые ресницы об ее плечо. Они никогда не возвращались к этому разговору, и он по-прежнему звал ее «ма». Но иногда во снах, будто пронизанных солнечным светом, ярким, почти слепящим, он раз за разом пытался поймать, ухватить что-то невесомое, ускользающее сквозь пальцы…

В музыкальную заставку врезался новостной выпуск. «Количество заболевших от нового штамма вируса Викимия превысило два миллиона шестьсот человек. Главный очаг распространения инфекции — восточное побережье Африки и страны Средней Азии… Правительство Ганзейского союза предпринимает экстраординарные меры… Курс ганзейской марки укрепился на вчерашних торгах…»

Лука поморщился — все та же набившая оскомину белиберда. Стряхнув дремоту, он потянулся было, чтобы убавить громкость приемника, но Йоана перехватила его руку. Новостной выпуск завершала светская хроника, ведущий рассказывал о вечеринке, которую закатил Теофиль Себастиан Вагнер. Юный наследник династии, которая держала в железном кулаке пол-Ганзы, швырял деньгами налево и направо. А Йоана, чтобы оплачивать их крошечную квартирку, вынуждена сутками дежурить в муниципальной больнице, куда со всех окрестных районов стекаются, чтобы хоть как-то облегчить свою участь, больные и увечные бедолаги, у которых нет денег на лекарства. После дневной смены она то и дело задерживается на всю ночь: в приемном покое вечно не хватает рук. Лука не раз замечал, что в последнее время она неважно выглядит. Все так же широко улыбается и напевает под нос, но в походке, жестах появилось что-то незнакомое, настороженное. Как будто прислушивается к звукам, слышным ей одной. Так капитан трансатлантического лайнера, зная, что через пробоину в корпусе в трюм медленно заливается черная арктическая вода, сохраняет невозмутимое спокойствие, чтобы не сеять напрасную панику среди пассажиров.

Наконец, Йоана закончила помешивать ароматное рагу в дымящейся жаровне и напекла золотистую гору картофельных оладий.

— Моника, тут еще много осталось, накорми детей, — сказала она и, отмахнувшись от рассыпавшейся в благодарностях соседки, добавила: — И, будь так добра, занеси старому Йоргенсу в пятнацатую, он вчера тяжело кашлял, как бы совсем не слег.

Лука подхватил с блюда несколько поджаристых оладий и посторонился, пропуская вперед Йоану. Она бедром толкнула хлипкую дверь в самом конце длинного полутемного коридора,

и та распахнулась, разом открыв скудную обстановку съемной квартиры: выкрашенные в мышиный цвет стены, два топчана, шаткий столик с кухонной утварью да несколько стопок книг.

— Ты что смурной сегодня? Что-то случилось? — спросила Йоана, деловито расстилая полотенце, которое обычно заменяло им скатерть, прямо на полу посреди комнаты.

— Нет, просто устал, — отмахнулся Лука.

Однажды он сглупил, рассказав матери о парнишке, который прямо на его глазах сорвался с пятьдесят восьмого. С тех пор Йоана пребывала в неизбывном страхе, что на сломе ему каждую минуту грозит смертельная опасность. Сама она панически боялась высоты — даже к виду из окна их квартирки, расположенной на пятом этаже, так и не привыкла. Браслет на ее руке тихо пиликнул. Йоана быстро пробежала глазами сообщение и нахмурилась.

— Плохие новости, ма?

— Напоминание о просроченной оплате за квартиру. Я собиралась заплатить еще на прошлой неделе, но в клинике опять задерживают оплату, выдают только продуктовые талоны. Попробую сегодня связаться с управляющим — может, удастся уговорить дать отсрочку. Или в крайнем случае попрошу Ханну одолжить.

— А много нужно?

— Пятнадцать марок.

— Ма, не надо просить у Ханны. Мы и так ей задолжали.

Лука, привстав на носки, достал с верхней полки чуть помятую жестяную коробку, в которой когда-то, по-видимому, хранилось рассыпчатое печенье — но было это так давно, что не осталось ни крошек, ни сдобного запаха. Да и рисунок на крышке — румяный белобородый старик в комичных круглых очках — выцвел и покрылся ржавыми пятнами. В детстве Лука хранил в коробке разные сокровища, которые находил во время вылазок с уличными приятелями: пеструю, похожую на чаячье яйцо морскую гальку с отверстием посередине, диковинное длинное перо с темно-синими крапинами, покалеченных в боях солдатиков… Теперь там лежали деньги, которые он откладывал на учебу в колледже. Все, что удавалось заработать. Он быстро отсчитал несколько мятых купюр и монет и протянул Йоане. Но она мягко отвела его руку и покачала головой.

— Нет, милый, только не из копилки. Я смирилась, что мой сын горбатится от зари до зари, только потому, что это поможет накопить первый взнос на колледж. Я ни монеты отсюда не возьму.

Кроме жестянки на полке стояла запылившаяся бутылка

с изящной моделью парусника и учебное пособие по морским узлам с истрепанным корешком. В детстве Лука рассматривал крошечную копию английского двухмачтового брига каждую ночь, пока не начинали слипаться глаза. Иногда во сне он оказывался на его палубе и бороздил воды тропических морей: когда багряное солнце почти опускалось за горизонт, из водной глади выпрыгивали быстрые стаи крылатых рыб, и их чешуя в закатных лучах отливала расплавленным золотом…

Лука бросил быстрый взгляд на обеспокоенную Йоанну, которая машинально отщипывала кусочки от лепешки, и лицо его прояснилось.

— Ма, я же как раз собирался рассказать: наша бригада в этом месяце план перевыполнила и всем премию выдали — по десять марок на нос, представляешь?

— Это было бы настоящим спасением. Но ты, наверное, планировал потратить деньги как-то иначе? Тебе давно нужны новые ботинки.

Лука небрежно пожал плечами. Йоана отвела прядь волос с его лба и грустно улыбнулась.

— Ты стал совсем взрослый, сын. Как же я это просмотрела?

Когда она ушла, Лука завел будильник на половину первого и, едва закрыв глаза, провалился в тяжелое забытье без тревожных, путанных сновидений — впервые за последние месяцы.

# Глава 3

Старая ратушная площадь, слабо освещенная желтыми огоньками уличных фонарей, напоминала декорации к спектаклю: вытянутые в струнку кирпичные здания с узкими окнами, выщербленная брусчатка. А в центре — покрытая зелеными разводами конная статуя. Поджидая Флика, который, как всегда, опаздывал, Лука со скуки вчитался в табличку на гранитном постаменте, украшенном барельефами: выгравированные буквы почти стерлись от времени, но еще можно было разобрать, что тучный господин с нелепым жестяным вантузом на голове — не кто иной, как славный император Вильгельм I, сплотивший немецкие земли.

Спустя пару минут после того, как часы на башне пробили один раз, на площадь влетел запыхавшийся Флик в компании уличных мальчишек. Увидев приятеля, он просиял. «Мусад, Заки, Басим, — перечислил он имена приятелей. — А это — Лука». Лука коротко кивнул. Ребята тихо переговаривались, Эфор автоматически переключился в режим живого перевода, но устройству удавалось выхватить из потока речи лишь отдельные бессвязные слова. Лука нахмурился: выходило, он подслушивает то, что не предназначалось для его ушей. Он приглушил звук и поднял ворот куртки повыше — с севера задул пронизывающий сырой ветер.

В том, что разгрузка была намечена на глубокую ночь, на первый взгляд не было ничего необычного: торговые баржи отправлялись в рейсы с восходом солнца, и в предрассветные часы в порту всегда царила суматоха. Но стоило Луке вспомнить масляные глазки Ибрагима, внезапно обретенного родственника Флика, как сердце царапала смутная тревога. Он устало провел ладонью по лицу: просто не выспался толком после тяжелой смены, вот и лезут в голову разные мысли.

В четверть второго на площадь въехал облезлый минивэн, покрытый многолетним слоем грязи. Мальчишки, пригнув голову, влезли в обшарпанный салон. Водитель удостоверился, что все перевели айдибрасы в спящий режим без геолокации (на экранчике тут же включился обратный отсчет разрешенного времени), и колымага покатила, тарахтя и выбрасывая клубы сизого дыма.

Минивэн притормозил у одного из огромных амбаров в Шпайхере. Когда все выгрузились, Ибрагим отбросил недокуренную сигарету и отрывисто крикнул что-то вооруженным громилам, которые переминались у дверей склада. Один

из амбалов рывком поднял на ноги подростка, чье лицо, как и у остальных, было закрыто черной балаклавой.

Лука огляделся. Огни города остались где-то далеко. Затхлая вода канала воняла водорослями и тухлыми яйцами. На маслянисто отсвечивающей глади покачивалась ржавая посудина, накрытая замызганным брезентовым тентом, в котором зияли прорехи с обгорелыми краями. «От выстрелов?» — удивился Лука.

— Мир-я, Ибрагим, — почтительно произнес Флик, но осекся, наткнувшись на холодный взгляд родственника.

Как видно, внезапно объявившийся «дядюшка» собирается разгрузить не вполне свой склад, догадался Лука. «Интересно, как он намеревается открыть биометрический замок? Если снесет ворота взрывчаткой, полицейский дрон сразу засечет и передаст сигнал в дежурную часть», — размышлял он. Как ни странно, страха и тревоги не было — наоборот, когда смутные подозрения Луки подтвердились, им овладела холодная, расчетливая собранность. По знаку Ибрагима один из громил ухватил прихрамывающего подростка в балаклаве за плечо и толкнул к запертым дверям склада. Тот повозился немного, замок тихо пиликнул, и створка сдвинулась в сторону, приоткрыв темный проход.

Сигнализация на складе была древняя: видимо, хозяин не слишком беспокоился о сохранности имущества, так что Ибрагим просто перекусил провода клещами. Когда лучи фонариков выхватили высоченные ряды палет, Флик невольно присвистнул.

— Джекпот, парни, — осклабился Ибрагим.

Мальчишки и пара амбалов выстроились в цепочку, чтобы перебрасывать коробки, которые оказались не слишком тяжелыми. Ибрагим вальяжно развалился на одном из тюков и закурил.

Спустя час просевший под весом груза катер отчалил, и перед следующим рейсом Ибрагим разрешил устроить маленькую передышку. Лука и Флик, как и другие мальчишки, уселись прямо на затоптанном полу посреди разоренных рядов.

— Эй, Флик, — прошептал Лука. — Смотри.

Он направил луч фонарика на маленькую черную эмблему, отпечатанную на одной из коробок.

— Это же…

— Ш-ш-ш!

Даже распоследнему бродяге в Гамбурге хватило бы беглого взгляда, чтобы узнать фамильную печать семьи Вагнеров. Этот знак чернел едва ли не на каждой вывеске в городе: на дверях

магазинов, аптек, банков, похоронных бюро, на бортах общественного такси и полицейских патрулей. Конечно, в Гамбурге был магистрат и бургомистр. Но скорее для видимости — своеобразная дань традициям, как королевская семья в Великобритании. Страшно представить, что за наказание грозит умалишенному, который осмелился взломать и ограбить склад, отмеченный знаком Вагнеров.

Лука огляделся: один из амбалов, притулившийся у груды ящиков, прикрыл глаза, хотя по-прежнему сжимал в руках автомат. Другой тихо переговаривался о чем-то с Ибрагимом. Еще один караулил у причала. До темного прямоугольника дверного проема, в котором виднелся кусочек звездного неба, было всего с десяток шагов.

— Сматываемся. Прямо сейчас. Другого шанса не будет.

— А деньги?

— Забудь. Даже если полиция не заметет, эти макаки с автоматами уложат лишних свидетелей, как только мы перетаскаем все ящики. Если не улизнем сейчас, зуб даю, на рассвете мы станем кормом для рыб.

Снаружи послышались вой полицейских сирен и отрывистые крики. Затрещали выстрелы. Лука выключил фонарь и, схватив Флика за руку, бросился в дальний, погруженный в кромешную тьму угол склада. Его лицо пылало, по венам растекались волны восхитительного жара. Опасность как будто удесятирила его силы, необычайно обострила все чувства.

Лука знал, что некоторые старые склады в Шпайхере размером с целый квартал. Они с Фликом петляли в узком лабиринте между коробками и тюками, как мыши в амбарных застенках. Звуки перестрелки, исход которой был предрешен, быстро стихли. Лука задержал дыхание. Ему казалось, что гулкие удары сердца разносятся под сводами, как удары отбойного молотка. В темноте блеснули белки глаз. Лука увидел паренька, который взломал замок. Заметив, как он зажимает рукой рану на бедре, он и сам почувствовал медный привкус во рту и инстинктивно отпрянул. Черт, этот недоумок наверняка оставил кровавый след. И, похоже, уже плыл, теряя сознание.

— Туда. Там выход, — прошептал он.

Проклиная все на свете, Лука закинул руку раненого на плечо и поволок его вглубь склада, пока не уперся в глухую стену. Кирпичная кладка. Никаких шансов на спасение. Парнишка-взломщик отключился, потеряв сознание. Лука проклинал себя за то, что на какой-то краткий миг и вправду поверил, что тот знает, как незамеченными выбраться со склада.

— Что дальше? — отчаянным шепотом спросил Флик.

Лука знал: полицейские еще до рассвета методично обследуют каждый закоулок, каждый метр склада. Так что они заперты в мышеловке. С минуты на минуту их обнаружат и схватят. О том, что будет дальше, Лука старался не думать. В бессильной ярости он сжал зубы и ударил кулаком о стену. Раздался глухой, приглушенный отзвук, как если бы за стеной была пустая ниша. Лука вскочил на ноги и стал лихорадочно обшаривать кирпичную кладку. Безуспешно: ни выступа, ни даже крошечной щели. Внезапно правую руку обожгло, словно он схватился за оголенный провод. Лука отдернул онемевшую ладонь. Большой кусок стены плавно сдвинулся, приоткрыв темный проход. Пахнуло стылым, промозглым воздухом подземелья. Лука подхватил обмякшего взломщика и втащил его в лаз. Флик нырнул следом. Кирпичная кладка бесшумно встала на прежнее место.

Оказавшись по ту сторону, Лука включил фонарик и проморгался. Темный сводчатый потолок почти касался его головы. Вниз уходила крутая лестница с кривыми, обкрошившимися ступенями. Рассудив, что глупо торчать на месте, Лука решил осмотреться. Чем черт не шутит: возможно, удастся отыскать ход, который ведет на поверхность. А нет — отсидятся, пока полицейские не снимут оцепление.

Дав приятелю знак идти следом, он начал спускаться, обшаривая лучом фонарика своды подземелья. Иногда тоннель разветвлялся. Заметив в кирпичной кладке расположенные на уровне глаз серые камни, Лука решил держаться этого пути.

Его чувства обострились до предела. Он слышал, как сочится сквозь стены темная стылая вода, собираясь в тяжелые сонные капли. Как пробирается под сводами затаенное, как вздох умирающего, дуновение воздуха, пропитанного затхлой сыростью.

Спустя некоторое время Лука опустился на колени, чтобы уложить раненого на пол и перевести дух. Сквозь полусомкнутые веки парнишки виднелись закатившиеся белки глаз. Лука слышал его дыхание — сиплое, прерывистое.

— Жив?

— Вроде дышит.

— Слушай: брось-он. Сам-беда — сам-прыгай-вон!

— Так нельзя.

— Почему? — насупился Флик.

У Луки не было внятного ответа. Конечно, Флик прав. Этот парнишка — чужой, никто. Он и так вытянул его из полицейской облавы, а дальше — не его забота, каждый сам за себя. Но что-то удерживало его, не давало отвернуться, уйти. Зажав в зубах

фонарик, Лука стянул с головы взломщика грязную балаклаву.

Обычные зеркала, как известно, показывают перевернутое отражение предметов. Инверсию. Поэтому слова кажутся в зеркале написанными задом наперед. Но, слышал Лука, есть особые зеркала, которые показывают предметы такими, каковы они на самом деле. И, заглянув в такое зеркало, человек впервые в жизни видит свое лицо не таким, каким привык видеть его каждое утро в отражении, а как видят его все остальные. И от этого голова идет кругом. Когда луч мертвенного света выхватил из темноты истощенное лицо, Лука едва справился с внезапным приступом дурноты. Он увидел самого себя. Свое лицо. Услышав за спиной шаги Флика, он быстро отвел луч фонарика в сторону, точно его застали за чем-то постыдным.

Нахмурившись, Лука взял парнишку за руку — безвольную, прохладную, почти невесомую, на которой поблескивал широкий магнитный браслет. Скрюченные, сбитые в кровь пальцы с обломанными ногтями. По тыльной стороне ладони вилась татуировка — причудливые переплетения линий, фигур и точек. В тусклом свете фонарика казалось, что линии змеятся, извиваются, облизывая руку, как жадное пламя костра. Лука коснулся сплетения линий и тут же повалился, подкошенный белой, ослепляющей вспышкой боли.

— Эй, брат, ты как?

— Порядок, — машинально пробормотал Лука, хотя перед глазами плыли черные и красные круги, а все тело ныло, как после первой смены на сломе. — Уходим.

— Давно бы так, — Флик бросил быстрый взгляд на чужака, точно опасаясь, что он вот-вот очнется и поразит его молнией, как древнегреческий бог. Лука, прихрамывая, побрел следом. Парнишка издал едва слышный сдавленный стон, но Лука не обернулся.

# Глава 4

Примерно через полчаса тоннель вывел их в темный проулок Хеллтага — квартала на левом берегу реки, где теснились доходные дома, а из распахнутых дверей забегаловок доносились ругань и шум потасовок, которые нередко заканчивались беспорядочной пальбой. Здесь обитало отребье города: мелкие воришки, хакеры, наемные убийцы, шулеры всех мастей, контрабандисты и костоправы, промышляющие торговлей биозапчастями. Камеры и передающие антенны Эфора здесь были разбиты и варварски искорежены — магистрат уже махнул рукой и не тратился на замену.

Прежде Лука бывал здесь всего пару раз и, уж конечно, не под покровом ночи. Перед рассветом квартал стихал и замирал, точно проваливаясь в дурной похмельный сон. Ставни на окнах были крепко заперты, на улицах — ни души. Только облезлые бродячие коты шастали в придорожных канавах, среди куч отбросов и зловонных луж. В прошлый раз Лука по поручению Йоаны битый час разыскивал здесь Кривую Несси: один из ее сыновей, Громила Вилли, угодил в крутой замес и, хотя врачи клиники постарались подштопать раны, рисковал отправиться к праотцам еще до захода солнца. Йоана написала адрес, но геолокатор бестолково моргал. Замызганные, провонявшие тухлой рыбой проулки Хеллтага извивались и петляли, словно строились лишь для того, чтобы уходить от погони и подкарауливать припозднившихся ротозеев. Нумерация домов не поддавалась никакой логике. Так что в тот раз он отыскал развеселую Несси лишь благодаря чистой случайности, когда зашел в один из грязных баров без вывески, чтобы попросить стакан воды.

Вот и сейчас они пробирались по слабо освещенным улицам квартала, совершенно не представляя, что ждет за следующим поворотом. Время от времени Флик с тревогой бросал взгляд то на айдибрас, который выстраивал наиболее короткий и безопасный маршрут, то и дело сбиваясь и подвисая от самодельных глушилок, развешанных на каждом столбе, то на быстро светлеющее небо, похожее на грязную воду в тазу после стирки, с серыми опавшими хлопьями мыльной пены.

— Скорее! Сам-знай: смена-опоздай — мимо иди, парень, деньги-забудь!

Лука нахмурился и ускорил шаг. Таблички на дверях призывно нашептывали: «Руфь. Сны по заказу», «Доктор Ктос. Безболезненный уход», «Капли для волшебных сновидений», «ID-карта. Быстро. Без лишних вопросов». На углу обшарпанного

здания болталась неоновая вывеска. Буквы вкривь и вкось, конструкция барахлит и потрескивает. «Отель Эльдорадо. Койка и завтрак».

Лука улыбнулся: он узнал это место: сейчас в проулок, через три квартала направо, и они выйдут к Мосту висельников, а там уж до слома рукой подать. Он резко остановился.

— Слушай, дальше иди один. Я возвращаюсь.

— С ума сошел?

— Я айдибрас потерял.

— Да как так?! — глаза у Флика округлились. Даже ребенок знает: без идентификационного браслета ты, считай, никто, нелегал — не успеешь и десятка шагов сделать, как патрульный дрон засечет, выстрелит парализующим дротиком и вызовет летучий отряд. Айдибрас — из наностали, без специального инструмента его не разомкнуть, хотя черные искатели наловчились обчищать припозднившихся прохожих и бесчувственных забулдыг за считаные минуты.

— Сам-знай-нет. Может, слетел там, когда тяни-тащи тот придурок?

— Или на складе, — прошептал Флик, меняясь в лице.

— Нет, вряд ли. Там он еще был. Кажется.

Айдибрас на запястье Флика тихо пиликнул.

— Мать-волнуйся, где я, — нахмурился он. — Ну, выбор-нет, пошли назад.

— Нет. Я один. Ты беги, я догоню.

— Уверен? — во взгляде друга читалась тревога.

— Да. Я быстро, там-здесь!

Флик кивнул и вспорхнувшим воробьем нырнул в проулок. Лука проводил его взглядом и развернулся. Пройдя пару кварталов, он заметил лениво покачивающийся над крышами дежурный дрон, достал из кармана айдибрас и убедился, что тот по-прежнему переведен в спящий режим. До истечения максимально разрешенного времени отсоединения от Эфора оставалось около часа. По пути Лука купил у лоточника пару лепешек и бутылку воды, всем сердцем надеясь, что застанет взломщика замков живым. Хоть и выглядел он доходягой, Лука на сломе уже не раз убеждался: жилистые кузнечики подчас оказывались выносливее, чем здоровяки с бычьей шеей.

Убедившись, что его никто не видит, Лука юркнул в подземный лаз. Парень лежал там же, где он его оставил.

— Эй! Ты как, жив? — спросил он, подобравшись к нему.

Тот не откликнулся. Лука коснулся покрытого холодной испариной лба, а потом потянулся к шее, чтобы проверить пульс на сонной артерии. По кончикам пальцев пробежали слабые

электрические искры. Левое веко на лице парня дернулось. Лука инстинктивно отдернул руку.

— Ты это… держись, брат. Слышишь?

От густого, застоявшегося запаха крови Луку замутило. Сдерживая рвотные позывы, он стянул штормовку, уложил парня и волоком потащил к люку.

Приподняв крышку, он огляделся: закоулок был пуст. Отдышавшись, Лука подключился к Эфору и попытался вызвать неотложку, но айдибрас — обычное дело! — показывал, что все машины на вызовах, и время ожидания может растянуться до трех с половиной часов. «Уровень адреналина в крови повышен, чтобы справиться со стрессом, рекомендуем провести серию успокаивающих дыхательных упражнений», — с дежурной заботливостью произнес металлический голос в голове. Чертыхнувшись, Лука подхватил парня. Несмотря на худобу, тот оказался довольно тяжелым — странно, когда он тащил его в подземелье, то совсем не замечал этого. Ничего, до клиники, где работает Йоана, всего с десяток кварталов, подумал Лука.

Когда он перешагнул порог больницы, в глазах от напряжения и усталости плыли красные круги, а ноги предательски подкашивались. К счастью, Йоана была тут — она как раз закончила ночную смену и заносила в базу последние данные о поступивших пациентах. Она нажала кнопку на пульте и вызвала дежурных санитаров. Когда ее взгляд упал на лицо раненого, она на миг остолбенела.

— Так… ты все мне расскажешь. Но не сейчас.

Она помогла уложить парнишку на каталку. Лука поймал себя на мысли, что никогда прежде не видел ее такой: строгой, предельно сосредоточенной, раздающей четкие распоряжения.

Ханна, медсестра клиники, проводила Луку в ординаторскую, где он с облегчением повалился на прохладную колченогую кушетку. Где-то на границе яви и сна слышался далекий вой сирен и шум лопастей вертолета, но сил открыть глаза уже не было.

# Глава 5

— Эй! Просыпайся! Да скорее же!

Одного взгляда на встревоженное лицо Ханны хватило, чтобы обрывки сна улетучились без следа. Ухватив его за руку, медсестра потащила Луку по больничному коридору, залитому безжизненным светом.

— Я сразу знала, что все это закончится плохо. Я предупреждала.

— Да что случилось-то?

Ханна сбивчиво рассказала, что Йоана внесла данные генетического анализа бродяги, которого он притащил, в базу. Не прошло и получаса, как больницу взяли в осаду полицейские машины, заблокировав все улицы в округе.

— В небе кружат вертолеты. Сирены воют. Я чуть с ума не сошла от страха. Наверняка он опасный преступник. Сбежал из тюрьмы. Из-за твоей несусветной глупости все мы подверглись огромному риску!

— Не говори ерунды, Ханна. Никакой он не преступник. К тому же он так ослабел от ран, что едва волочил ноги.

— Так или иначе, вам, молодой человек, предстоит серьезный разговор с начальником полиции.

Остановившись перед кабинетом главного врача клиники, Ханна нервозно одернула униформу и нерешительно постучала. Из-за двери раздалось неразборчивое ругательство и надсадный кашель заядлого курильщика. Медсестра приоткрыла дверь и втолкнула Луку.

В кабинете царил полумрак. В пятне рассеянного света от лампы в зеленом абажуре, стоявшей на массивном столе, Лука увидел крепко сложенного человека лет пятидесяти, совершенно лысого, но с кустистыми бровями, который вальяжно развалился в кожаном кресле. Вероятно, в молодости он имел грозный вид, но годы жизни в довольстве размягчили узлы мускулов, превратив их в сгустки жира. Лука опустил голову, всем своим видом изображая легкое недоумение и на всякий случай — раскаяние. Смерив его цепким колючим взглядом, начальник полиции жестом указал подойти ближе, в круг теплого света лампы. А сам вынул из внутреннего кармана футляр из красного дерева, достал толстую сигару и с наслаждением вдохнул ее аромат.

— Давно ждал повода раскурить ее. Два чертовых месяца. Мои ищейки сбились с ног, обшаривая каждый грязный закоулок, каждый зловонный подвал, каждый склад в доках. А ты, значит,

разыскал его? Как же так вышло? — спросил он, неспешно раскуривая сигару.

Лука почувствовал, как желудок сжали стальные тиски. «Если бы он собирался упечь меня за решетку, то не церемонился бы — надел наручники и доставил на допрос в отделение, вот и все дела. А раз так, есть шанс выкрутиться», — лихорадочно соображал он.

— Я вообще тут не при делах, господин полицмейстер, — пробубнил он. — Сдуру попал в переделку в Хеллтаге. Ну, повздорили чуток с местными ребятами, пришлось уносить ноги. Завернул в какой-то проулок, чтобы отдышаться.. Услышал стон — и вот… Не мог же я просто бросить его там умирать? Даже если он беглый преступник…

— Преступник? — переспросил полицмейстер, прищурив левый глаз от струйки дыма.

Лука чертыхнулся про себя и судорожно сглотнул. «Включи голову, парень!»

— Ну, это я так, к слову. На самом деле я же первый раз его вижу. Просто подумал: с чего бы вдруг у ворот клиники собралась вся полиция города?

Усмехнувшись, начальник полиции забарабанил по столу короткими толстыми пальцами с отполированными ногтями. Дверь тихо скрипнула. Бросив недовольный взгляд, полицмейстер тут же спал с лица. Просияв подобострастной улыбкой, он бросился к высокому худому господину в сером костюме, с гладко зачесанными назад седыми волосами, чье лицо показалось Луке странно знакомым. В правой руке, затянутой в кожаную перчатку, незнакомец сжимал серебряный набалдашник трости.

— Итак, он здесь?

— Да, я распорядился оцепить квартал и приставить лучших бойцов к охране здания.

— Выражаю вам признательность от имени семьи.

Сияя, как начищенная бляха, полицмейстер слегка склонил голову, угодливо потирая потные руки.

— С вашего позволения, я должен лично проконтролировать ход операции.

— Разумеется. Благодарю вас.

Как только квадратная спина полицмейстера скрылась за дверью, высокий господин в сером издал сдавленный стон и, покачнувшись, прислонился к стене. Лука, который все так же стоял столбом, неловко переминаясь с ноги на ногу, тихо кашлянул. Незнакомец распрямился, как сжатая пружина.

— Что?… — он слегка прищурился, вглядываясь в его лицо в полумраке кабинета. — Как ты здесь оказался?

— Господин полицмейстер вызвал меня, чтобы я рассказал, как наткнулся на… Ну, на того парня.

— Как твое имя?

— Лука Стойчев.

В сумраке бледное лицо незнакомца казалось смутным пятном, парящим в воздухе отдельно от тела.

— Ясно. Так как же ты нашел его?

Лука тяжело вздохнул.

— Как я уже сообщил господину полицмейстеру только что, я просто оказался в неудачное время в неудачном месте. В Хеллтаге не слишком приветливы к чужакам, знаете ли. Я удирал от тамошних ребят и случайно наткнулся в проулке на этого парня. Увидел, что он тяжело ранен, и приволок в больницу.

— Он рассказывал что-то?

— Да вроде нет, — Лука задумался. — Иногда он бормотал что-то в бреду, но я не вслушивался.

Господин в сером, нахмурившись, медленно стянул перчатку с левой руки.

— Ты прикасался к нему?

— Что? Прикасался ли я? Ну понятное дело! Мне пришлось тащить его, как мешок с мукой, через полгорода! Возможно, следовало вызвать аэротакси, но, к сожалению, в кармане не завалялось лишних пяти марок, — вспылил Лука.

— И ты не заметил… ничего необычного?

— Если отбросить, что этого парня подстрелили как голубя, то, пожалуй, что нет.

Незнакомец поднял глаза на Луку.

— За любую информацию о том, где находится этот юноша, было объявлено щедрое вознаграждение…

Лука отпрянул. Его лицо пылало.

— Спасибо, конечно, но… я же не за деньги. Ну не мог же я бросить его там помирать, в самом деле.

Господин в сером холодно улыбнулся.

— Что ж, тогда возьми хотя бы мою карточку. Жизнь полна неожиданных поворотов.

Когда Лука машинально протянул руку, чтобы взять карту, и ненароком коснулся незнакомца, его сознание пронзила яркая, оглушающая вспышка. Он отдернул руку, как будто схватился за оголенный провод.

— Что… что, черт возьми, это было?

Незнакомец пожал плечами.

— Обычное статическое электричество. Разумеется, предстоит тщательно расследовать обстоятельства этого дела. Необходимо известить твоих родителей, что ты будешь

отсутствовать несколько дней. Свяжись с матерью, я переговорю.

Лука почувствовал, как ноги стали ватными, а тревога, которая было отступила, вновь сжала горло.

— Ну вообще-то она здесь, в клинике.

— Она нездорова?

— Нет, она работает здесь. Медсестрой, — буркнул Лука. Запираться все равно было бессмысленно, если за него возьмутся, то первым делом просветят все родственные связи и социальные контакты.

— Что ж, в таком случае придется разыскать ее.

Господин в сером стремительно вышел. Лука перевернул вощеную карточку из плотной бумаги. Ни адреса, ни телефона — только имя, выдавленное серебряной вязью. Вольфганг Вагнер. Не может быть. «Ну и угораздило же тебя вляпаться, парень, — обреченно повторил Лука. — Что же теперь будет?» Ясно было одно: ничего хорошего знакомство с советником мессера ему не сулит. Главное сейчас — хотя бы выгородить мать, которая по его вине тоже оказалась втянутой в эту муторную историю, потому что не оставила без медицинской помощи преступника, который вскрыл замок на складе с фамильной печатью Вагнеров. И он сам, вот ведь дурень, сам притащил его в клинику. Плохо соображая из-за шума в голове, Лука поплелся следом за высоким господином в застегнутом наглухо костюме.

Когда-то, когда Лука еще не бросил школу, на курсе мировой истории лектор рассказывал, что у каждого из городов Древней Греции был покровитель из склочной семейки олимпийских богов, в честь которого строили храмы, возносили моления и приносили в жертву кучерявых барашков и кувшины вина. Благополучие жителей Гамбурга, как и еще доброго десятка городов Ганзы, всецело зависело от Вагнеров. Когда после нескольких волн эпидемий и затянувшегося кризиса старая Германия, как и прочие европейские страны, с треском распалась на города и земли, корпорация Вагнеров, которая пустила корни во все сферы бизнеса, легко перехватила обязанности, возложенные на правительство: выпускала собственную валюту, издавала законы, строила больницы, прокладывала дороги, содержала полицию и охраняла границы территории. Разумеется, вовсе не из гуманистических соображений. Бизнес — превыше всего. И семейный капитал прирастал с каждым днем.

Лука нагнал Вагнера уже у сестринского поста, где тот подчеркнуто почтительно беседовал с Йоаной. Ханна с остекленевшим взглядом стояла чуть поодаль, даже не пытаясь вставить хоть слово, что было совсем не в ее привычках, и только нервически теребила пуговицу на сестринской униформе.

— Что ж, еще раз благодарю вас за содействие. И рассчитываю, что информация об этом… м-м-м… инциденте не выйдет за эти стены. Насколько я могу судить, клиника испытывает… некоторые финансовые трудности. От лица семьи позвольте сделать небольшое пожертвование.

Не снимая перчаток, Вагнер вынул из внутреннего кармана узкий блокнот, сделал несколько быстрых росчерков, оторвал лист и положил его на стойку.

— Предъявите это в любом банке Гамбурга, и деньги будут немедленно зачислены на указанный вами счет.

— Господин Вагнер… — начала было Йоана, но тот жестом прервал ее.

— Не стоит благодарности. К сожалению, я вынужден спешить.

— Да-да, конечно, — пробормотала Йоана.

— И да, ваш сын поедет со мной.

— Что? — Йоана прижала руки к груди, словно ей перестало хватать воздуха. — Но, господин Вагнер… Он же ни в чем не виноват.

— Просто необходимо уточнить… м-м-м… некоторые детали произошедшего. Уверяю вас, ему ничего не угрожает.

Йоана кусала губы, глядя в сторону, словно не слыша заверений Вагнера.

— Господин Вагнер, мой сын непричастен, уверяю вас. Он ни в чем не виноват.

— Повторяю: вам совершенно не о чем беспокоиться. Это простая формальность.

Слезы, которые Йоана сдерживала изо всех сил, все-таки брызнули из глаз. Она попыталась схватить Вагнера за рукав, но он отпрянул.

— Я жду снаружи, — холодно бросил он.

Йоана обвела невидящим взглядом комнату, словно ища что-то, и наконец заметила сына. Она порывисто обняла Луку.

— Я не пущу тебя, — прошептала она. — Не пущу. Не отдам ему.

— Все будет хорошо, ма, — натянуто улыбнулся он, отстраняясь. — Он же сказал: это просто формальность. День-два — и я буду дома, вот увидишь.

— Нет, нет…

— Ма, если Вольфганг Вагнер желает, чтобы я прокатился и в сотый раз рассказал о том, как я нашел этого парня, что в этом страшного?

— Ты не знаешь. Ты ничего не знаешь…

— Пойми же, выбора просто нет, — тихо сказал Лука. — Или

я сяду в его растреклятую колымагу сам, или на меня наденут наручники и затолкают силой. Не переживай, я выкручусь. Все будет хорошо. Обещаю.

Снаружи моросил дождь. Патрульные полицейские машины по-прежнему держали здание в плотном кольце. Дверь роскошного аэромобиля захлопнулась с мягким щелчком, отгородив пассажиров от шума внешнего мира.

Лука примостился в самом углу, стараясь не оставить грязных пятен на светло-бежевой обивке салона. Заметив, как вокруг стоптанных ботинок с присохшими комьями грязи растекается лужица, он мысленно чертыхнулся и отвернулся к окну. Нарочитая бравада, которой он пытался развеять страхи и тревоги матери, стерлась с его лица без следа. Сердце глухо стучало в висках, к горлу подступала тошнота. В голове бестолково метался рой мыслей. Кто же, черт возьми, этот парень, ради которого в Гамбург прилетел сам Вольфганг Вагнер? Вряд ли дело только в ограблении склада — стал бы советник мессера заниматься подобной ерундой. Если только там не хранилось что-то невероятно ценное. Но тогда это не оставили бы без надежной охраны. А вдруг там было что-то… что-то запретное, про что никто не должен был пронюхать? Знает ли Вагнер, что Лука был там? А если его будут принуждать назвать имена сообщников? А если на допросе его будут пытать?..

Аэромобиль легко и бесшумно поднялся в воздух. Сквозь затененные стекла показался лабиринт улиц, который вскоре скрылся за плотной пеленой облаков.

Украдкой бросив взгляд на Вагнера, который замер как каменное изваяние и, кажется, совершенно забыл о его существовании, Лука с удивлением отметил, что он вовсе не стар — скорее, ближе к сорока. Гладко зачесанные волосы были высветленного, как у альбиноса, оттенка — неудивительно, что в сумраке врачебного кабинета он принял это за седину. Представив, как вытянулось бы от изумления лицо Флика, узнай он, что его приятель прокатился под облаками в компании самого Вольфганга Вагнера, хоста и правой руки Герхарда Вагнера, который безраздельно владел не только Гамбургом и окрестностями, но и половиной Ганзы, Лука горько усмехнулся.

# Глава 6

— Через пятнадцать минут приземляемся, господин Вагнер.

Услышав измененный динамиком голос пилота, Лука вздрогнул — похоже, он все-таки задремал и сейчас даже отдаленно не представлял, как долго и, главное, в каком направлении они летели.

— Эту панораму стоит увидеть своими глазами хотя бы раз в жизни, — Вагнер нажал кнопку на подлокотнике, и затемненные стекла аэромобиля прояснились. Внизу раскинулся городок: маленький, не чета Гамбургу, но аккуратный и нарядный, как на рекламном постере. Приглядевшись, Лука заметил марево силового периметра, которое переливалось разноцветными разводами, как пленка бензина в дождевой луже. Когда аэромобиль проходил сквозь невидимую преграду, от кончиков пальцев по телу, приподнимая волоски на коже, пробежали сотни мелких иголок.

— Что это за город?

— Бремен.

Город, где находится главная резиденция Вагнеров. Дело, похоже, действительно принимало нешуточный оборот. Лука почувствовал, как желудок сжался в ледяной комок. Что, если тот доходяга все-таки пришел в сознание и проболтался, что его подстрелили во время ограбления торгового склада, отмеченного печатью семьи? И что не кто иной, как Лука, был пособником банды?… Лука не чувствовал за собой вины, он никогда бы сознательно не пошел на грязное дело, но вряд ли хоть кто-то в полиции будет вникать в его моральные принципы.

Аэромобиль плавно приземлился на идеально подстриженной лужайке. Сочная зелень газона упруго пружинила под ногами. Худшие ожидания Луки, что прямо у двери мобиля его скрутят полицейские, не оправдались. Их встречал только камердинер в форменном сюртуке, который расплылся в приветливой улыбке и услужливо раскрыл над Вагнером большой черный зонт, хотя дождь едва-едва накрапывал.

Тропинка, посыпанная белой мраморной крошкой, вела сквозь сад с цветущими клумбами, фонтанами и античными статуями к дворцу из светло-коричневого камня. Айдибрас Луки мигнул и погас.

— Матиас, проводите его в восточное крыло. Да, и обеспечьте надежную охрану, — бросил Вагнер, просматривая на планшете поступившие сообщения и все сильнее хмурясь.

— Господин Вагнер, — Лука кашлянул, чтобы голос

предательски не срывался. — Я под арестом?

— Что?.. А, разумеется, нет. Закончу дела через час, и переговорим.

Камердинер провел Луку по коридорам со скрытым светом, устланным тысячами погонных метров ковровых дорожек, поглощающих любой звук, через анфиладу светлых комнат с вощеным паркетом, где стояла антикварная резная мебель, а стены украшали картины старых мастеров, фамильные портреты и рыцарские доспехи.

После барочного роскошества дворца обстановка гостевой спальни показалась спартанской: стены, пол и даже потолок были зашиты светло-серыми панелями, высокие окна прикрыты тяжелыми бархатными шторами, зато кровать — королевское ложе размером с ту каморку, в которой они ютились с Йоаной.

— Осмелюсь предположить, что вам хотелось бы отдохнуть и освежиться после долгого перелета, — камердинер быстро нажимал кнопки на сенсорной панели, регулируя яркость освещения и температуру воздуха. — Завтрак будет подан через пятнадцать минут.

Едва только камердинер с поклоном удалился, Лука скинул тяжелые, заляпанные грязью рабочие ботинки и с разбегу плашмя бросился на кровать. Он не спал почти двое суток, и перина с прохладными белоснежными простынями казалась миражом в пустыне, но он был настолько взбудоражен, что вряд ли бы сомкнул глаза. Повалявшись пару минут, Лука прошлепал в ванную комнату и долго отмокал под горячим душем, а потом с удивлением обнаружил в гардеробной целый склад одежды на разные случаи жизни: от спортивной формы до фрака с атласными лацканами. Причем все было ему впору, словно шилось точно по его мерке.

В комнате уже ждал стол с накрытым завтраком — свежая выпечка и настоящие фрукты: яблоки, апельсины и множество других, названий которых он не знал. А еще — кофейник с настоящим, не сублимированным кофе! Лука собрался было отправить Йоане снимок с шутливой подписью, но айдибрас вырубился напрочь. Лука прислушался. Это было странное, непривычное ощущение: тишина в голове. Ни назойливой рекламы, ни уведомлений, ни сводок погоды, ни новостей. Эфор — это же фактически идеальный старший брат, который все время незримо маячит где-то рядом и приглядывает, как бы ты не вляпался в неприятности. Но все же иногда Лука уставал от его заботливого присмотра, бесчисленных неспящих глаз, заглядывающих через плечо: время от времени ему безумно хотелось спрятаться, уйти в тень. Как оказалось, резиденция

Вагнеров — одно сплошное слепое пятно размером в несколько гектаров. И это почему-то рождало смутную тревогу.

Лука осторожно потянул ручку двери. Не заперто. Выглянув в коридор, он увидел двух вооруженных до зубов громил. И вытянувшегося по струнке камердинера с угодливым и пустым, как чистая салфетка, лицом.

— Все в порядке, не беспокойтесь, — пробормотал Лука и аккуратно прикрыл дверь.

Со скуки он уселся на кровать и взял пульт управления. Наугад нажал кнопку. Тяжелые бархатные шторы медленно опустились, как театральный занавес, и комната погрузилась в кромешную темноту. Лука на ощупь нажал еще что-то. Панели на стенах, потолке и полу мягко мигнули, и он в тот же миг оказался посреди леса. Вокруг покачивались бронзовые стволы сосен, ветер гулко пел в их высоких кронах, терпко пахло прелой хвоей, мхом и осенней сыростью. Олень с ветвистыми рогами настороженно поднял голову, прислушался и величественно пересек комнату, скрывшись в густых зарослях папоротника. Пролетела сойка, едва не коснувшись плеча Луки лазурным крылом. Он нажал еще раз. Картинка мгновенно сменилась. Он оказался в Альпах: вереница горных пиков, покрытых вечным снежным панцирем, тянулась до самого горизонта. Разреженный воздух щекотал горло, пьянил, как ледяной сидр. Тишина давила на уши. Еще кнопка. Пустынное побережье лазурного моря, шум волн, просоленный ветер и крикливые чайки. Еще. Коралловый риф со снующими разноцветными рыбками. Еще. Ревущая арена футбольного стадиона во время Лиги наций. Еще. Восточный базар с буйством красок, гортанными криками зазывал и горами душистых пряностей — от смеси запахов у Луки засвербило в носу, и он звонко чихнул. Еще, еще, еще…

Внезапно вспыхнул яркий свет, и панели погасли. У дверей стоял Вагнер.

— Ты готов? Вот и отлично. Прогуляемся?

Следуя за Вагнером, Лука поначалу пытался запомнить внутреннее устройство резиденции, но потом махнул рукой: понадобился бы не один день, чтобы обойти все сквозные переходы, парадные залы и тайные закоулки дворца. Они вышли не в парк, а прямо на оживленную городскую площадь, похожую на декорации старого фильма, снятого еще до войны. Истертая брусчатка мостовой, ряды домов с увитыми цветами ажурными балкончиками, люди, пьющие утренний кофе за накрытыми белыми скатертями столиками уличных кафе. Сверкающие витрины магазинов подмигивали, искушали, завораживали. Они шли сквозь толпу, которая услужливо расступалась и тут же вновь

смыкалась за их спинами. Лука не мог избавиться от чувства, что все это — лишь иллюзия, ловкий обман зрения. Уж слишком наигранно благодушие горожан, слишком цветасты и вычурны их наряды, слишком безмятежны улыбки, слишком уклончивы взгляды.

Свернув на одну из боковых улочек, они вышли к странному сферическому строению, похожему на стальное яйцо. Или инопланетный космический корабль. Оказалось, это Клиника Калпио. Поднявшись на скоростном лифте, они оказались в огромном, безжизненно стерильном вестибюле. «Мы печатаем жизнь. Слой за слоем» было выгравировано на стойке регистратора. Молодая медсестра в кипенно-белой униформе проводила их в палату.

В центре комнаты стояла капсула. Через маленькое окошко в корпусе Лука увидел своего двойника, того самого подстреленного взломщика. В его лице не было ни кровинки, к телу тянулось множество разных проводов и трубок. Кажется, он спал.

— К счастью, его жизнь уже вне опасности. И все — благодаря тебе, — сказал Вагнер. — Рана была серьезной, он потерял много крови, счет шел буквально на минуты.

В палату вошел доктор. Он почтительно поприветствовал Вагнера и приветливо кивнул Луке, на несколько мгновений удивленно задержав взгляд на его лице.

— Как видите, господин Вагнер, я ничуть не преувеличивал: бринтер превосходно справляется с печатью живых тканей из стволовых клеток.

— А что служит чернилами? — не удержался от вопроса Лука.

— Это специальный гель, из которого сначала печатается трехмерная клеточная структура, а затем у пациента берут образцы клеток кожи, перепрограммируют их и превращают в стволовые, заполняя распечатанную матрицу. В результате получается живая ткань любого органа: от сердца до костей и связок. А поскольку используется ДНК самого пациента, при пересадке организм не воспринимает ее как чужеродную и не отторгает.

— Замечательно, господин Крау. Благодарю вас. Уверен, персонал клиники сделал все возможное. Если позволите, мы бы хотели остаться наедине.

— Да-да, меня и самого ждет врачебный консилиум, — доктор, смешавшись, быстро вышел.

— Хм-м, кажется, вышло несколько грубо, — озадаченно потер переносицу Вагнер. Лука заметил на его осунувшемся лице

следы усталости. — Но время не ждет. Итак, Лукас…

— Меня зовут Лука, господин Вагнер. Лука Стойчев.

— А парня, которого ты спас, — Теофиль Себастиан Вагнер. Сын и наследник мессера Герхарда Андреаса Вагнера. И мой племянник.

— Но… я только вчера слышал в новостях, что молодой Вагнер устроил вечеринку…

— Неужели ты всерьез полагаешь, что сообщения о том, что единственный наследник мессера бесследно пропал, имели хоть малейший шанс просочиться в прессу? Разумеется, все держалось в строжайшей тайне. А жадным до сенсаций репортерам светской хроники время от времени скармливали утиные перья. Мы развернули поиски, задействовав сеть агентов по всему миру, но все оказалось безуспешным. Кто бы мог подумать, что он все это время был здесь, под самым носом… А теперь расскажи, как ты его нашел.

— Но я уже сто раз повторил эту историю!

— Я имею в виду: как все было на самом деле.

Лука сглотнул. В горле пересохло. Он понимал, что врать было глупо и совершенно бессмысленно. При желании Вагнер мог до последней секунды отследить каждый его шаг в тот злополучный день. И он рассказал про неудавшееся ограбление склада и что главарь банды использовал парнишку в качестве универсальной отмычки. Что все шло по плану, а потом нагрянула полиция и возникла перестрелка. Вагнер слушал его довольно сбивчивый рассказ молча. Лука не пытался выгородиться, но с немалым облегчением заметил, что советник мессера, похоже, совершенно не заинтересован в том, чтобы упечь его в тюрьму до конца дней.

— Что-то не так… Что-то не сходится, — задумчиво пробормотал он.

Лука почувствовал, как по виску скатилась капля пота.

— Я рассказал, как все было, клянусь.

— Да нет, я верю, верю…

Нахмурившись, Вольфганг Вагнер отошел к окну, в задумчивости побарабанил пальцами по стеклу.

— А долго он еще пробудет в этой капсуле? — спросил Лука, чтобы прервать тягостное молчание.

— Доктор Крау полагает, что восстановительный процесс займет не меньше трех месяцев. Пока трудно сказать — все будет зависеть от внутренних резервов организма и его воли к жизни. Он потерял много крови. Но, к счастью, его жизни ничего уже не угрожает — сейчас это самое главное.

— Я рад. Нет, правда, искренне рад. Он показался мне

славным парнем. Передавайте пожелания скорейшего выздоровления, когда он очнется. Насколько я понимаю, моя миссия завершена?

— О, нет. Твоя миссия только начинается, Лукас.

— Лука, господин Вагнер.

— Нет, именно Лукас. Так принято в семье.

— Что?

— Мне нет нужды дожидаться результатов генного теста, чтобы с уверенностью утверждать, что ты — Лукас Август Вагнер, сын мессера и брат-близнец Тео. Вернее, его хост.

— Да бросьте! Ну, согласен, есть небольшое сходство, но это же не значит, что мы — братья?

— Спроси любого встречного, и он не сможет сказать, кто из вас Теофиль, а кто — Лукас. На самом деле, если присмотреться хорошенько, различия, конечно, есть. И существенные. Но главное — даже не внешнее сходство, а ментальная нить, которая связывает хаупта и хоста. Так что стоит возблагодарить судьбу, что после стольких лет, пусть даже и при довольно трагических обстоятельствах, ты вернулся в семью.

Лука, глядя во все глаза и на мгновение утратив дар речи, со свистом втянул воздух.

— Господин Вагнер… — сказал он, отступая на шаг назад.

— Ты можешь звать меня Вольф. Так принято в семье.

— Господин Вагнер, уверяю вас, это какая-то ошибка. Поэтому, если у вас нет ко мне еще каких-то вопросов, я хотел бы вернуться в Гамбург. Как можно скорее. Мать, наверное, уже с ума сходит от волнения.

— Хорошо, — устало вздохнул Вагнер. — При первом знакомстве мне показалось, что ты неглупый малый. Неужели ты собираешься горбатиться на сломе до последнего вздоха?

— Нет. К осени мы с Фли.. ну, с другом собирались скопить немного денег и поступить в морскую школу, чтобы стать матросами на трансатлантическом судне.

— В таком случае, раз уж до осени ты относительно свободен, предлагаю заключить сделку. Пока здоровье Тео не окрепнет настолько, чтобы он вернулся к своим обязанностям, его роль исполнишь ты. Он вел достаточно замкнутый образ жизни и не часто присутствовал на светских раутах, так что это будет не слишком обременительно. Ни одна живая душа во дворце, да и во всем Бремене не знала о том, где он находился в последние два месяца. Сама мысль о том, что наследник мессера мог быть похищен из дворца среди бела дня — кощунственна и абсолютно недопустима. Юный Вагнер отдыхал на фешенебельном курорте

в швейцарских Альпах — надеюсь, это ясно. Кроме того, я требую на это время оборвать любые контакты с прежним кругом общения и внешним миром вообще. Если ты прилежно исполнишь свою роль, в сентябре я положу на твой счет пятьсот тысяч марок, — Вагнер выдержал паузу, чтобы подчеркнуть весомость своих слов. — Поразмысли хорошенько, это неплохой стартовый капитал, на который можно даже зафрахтовать судно.

Лука не верил своим ушам. Пятьсот тысяч марок — это целое состояние. А до осени осталось не так уж много времени.

— Прекрасно. Я не сомневался, что мы быстро придем к согласию, — холодно улыбнулся Вагнер.

Но Лука все еще колебался.

— А где гарантии, что вы сдержите слово?

— Гарантии? — левая бровь Вагнера изогнулась, и лицо советника мессера превратилось в надменную маску. — Что ж, я распоряжусь, чтобы Матиас вечером принес для визирования контракт, который мы заключаем с каждым наемным работником во дворце. На твоем месте я бы обратил пристальное внимание на раздел о неразглашении сведений, представляющих конфиденциальную информацию.

— Я должен предупредить мать, что задержусь здесь до осени.

— Я сам сделаю это, не беспокойся. Уверен, она будет только рада.

Лука хмуро кивнул и отвернулся. Разлученные в детстве братья-близнецы, возвращение в лоно семьи — все это слишком напоминало слезливую мелодраму. В жизни так не бывает. Что бы там ни сулил Вагнер, Лука четко знал, кто он: сын Йоаны Стойчев, медсестры муниципальной клиники Гамбурга, выросший в квартале рабочих мигрантов. Он не Вагнер и никогда им не станет. Но, если уж советник мессера предлагает деньги, которые Лука и за сто лет бы не заработал на сломе, даже если бы вкалывал от зари до зари, просто за то, чтобы он немного пожил во дворце, разыгрывая роль избалованного наследного принца — почему бы и нет? Это все равно что выиграть в лотерею. Только простак отказался бы от такого подарка судьбы. Но сколько бы ни пытался Лука убедить самого себя, что обстоятельства складываются как нельзя лучше, он не мог отделаться от смутного ощущения, что за его спиной захлопнулась дверца мышеловки.

# Глава 7

Услышав неясный шорох, Лука открыл глаза и увидел приветливо улыбающегося камердинера, который диковато смотрелся посреди покрытых вечными льдами горных кряжей. Он не сразу вспомнил, что вчера ночью переключил панели в спальне на режим «горы» и, до самого подбородка натянув одеяло, вглядывался в россыпь ледяных звезд в черном небе, пока не уснул. Сейчас небо за белыми пиками на востоке уже налилось яблочным румянцем. Лука коснулся босой ногой пола и тут же отдернул ее: за ночь все покрыл невесомый налет инея.

— Что, уже утро? — хрипло спросил он, и изо рта вылетело легкое облачко пара. — Который час?

— Пять пятнадцать. Господин Вагнер просил передать, что ждет вас в комнате для занятий через четверть часа.

— В половину шестого?!

— Совершенно верно. Осмелюсь предположить, что свободный спортивный костюм будет наиболее уместен, — произнес он бесцветным голосом, ровным и лишенным каких бы то ни было эмоций, — словно все, что он произносил, стояло в скобках. — С вашего позволения, я накрою завтрак.

Так, а как же все эти россказни про богачей, которые нежатся на мягкой перине до самого обеда, хмуро размышлял Лука, разглядывая в зеркале заспанное лицо. Он поплескал холодной водой, чтобы наконец проснуться, и натянул майку и спортивное трико.

Камердинер — кажется, вчера Вагнер назвал его Матиасом? — накрыл к завтраку: одно вареное яйцо и крошечная чашка с черным кофе. «И это все? — мысленно отметил Лука. — А где же вчерашний роскошный стол с поджаренными тостами, настоящим, не соевым беконом и экзотическими фруктами?»

— Кажется, я не голоден, — выдавил он.

— В таком случае разрешите проводить вас в учебный класс, — поклонился камердинер.

Вольф ждал его в просторной, совершенно пустой комнате с зашторенными окнами. Он сидел на полу, скрестив ноги и закрыв глаза. Камердинер бесшумно притворил дверь. Лука тихо кашлянул, но хост мессера остался недвижим, как буддийская статуя.

— Кажется, вчера мы условились, что я буду просто изредка подменять наследника на светских приемах? — буркнул Лука вместо приветствия.

— Стоило повнимательнее изучить контракт. Там есть пункт

«Прочие обязанности». Распорядок дня Тео включал некоторые учебные занятия — не вижу смысла это менять, — ледяным тоном произнес Вольф, открывая глаза. — Ты готов приступить?

— Сразу предупреждаю: я не силен во всякой там грамматике, так что…

— Я не склонен питать особых иллюзий относительно глубины и обширности твоих познаний. Впрочем, базовым образованием займутся другие: насколько мне известно, сегодня в одиннадцать тебе предстоит пройти междисциплинарный срез, по результатам которого будет разработана учебная программа и график занятий. Я же буду преподавать… скажем так, спецкурс. Занятия будут проходить ежедневно с половины шестого до восьми. Без выходных. Предупреждаю сразу: я располагаю крайне ограниченным запасом времени, так что предлагаю приступить прямо сейчас.

Лука оглянулся — в пустом зале не было ни стола, ни стула, поэтому он опустился прямо на пол.

— Итак, сегодня я хотел бы остановиться на ментальной связи, которая существует между хауптом и хостом с самого момента появления на свет. К сожалению, из-за некоторых… м-м… прискорбных обстоятельств, на которых я бы не хотел сейчас останавливаться, ты рос вне семьи. Но Тео однажды поделился со мной, что никогда не терял надежды и все это время старался поддерживать связь.

— Что? Какую еще связь?

— Разве не было когда-нибудь снов о местах, где ты никогда в жизни не бывал?

— Такие сны есть у каждого!

— Да, но не настолько яркие. Не настолько настоящие, наполненные разговорами, звуками, запахами. Сны, где можно ощутить вкус блюд, которые ты никогда не пробовал, протянуть руку и взять любой предмет, чтобы рассмотреть хорошенько. Разве это идет хоть в малейшее сравнение с обычными снами? Телепатические способности — совершенно не редкость в связке хаупта и хоста, хотя этот феномен еще не до конца изучен. При длительных тренировках принимать определенные зрительные образы и прочую информацию можно и в режиме включенного сознания, но во сне, когда разум находится в покое, реципиент наиболее восприимчив.

— Получается, Тео посылал мне… сны?

— Однажды, когда я случайно застал его ночью в медитации — настолько глубокой, что я всерьез испугался, — он поделился этим маленьким секретом. С детской непосредственностью он каждую ночь зажигал огни маяка.

Рассыпал хлебные крошки. Чтобы однажды ты отыскал дорогу назад. И, как видишь, это сработало. Эм-м… в некотором смысле. Итак, приступим. Разумеется, оптимальны парные тренировки хоста и хаупта. Но поскольку пока мы вынуждены обходиться без Тео, используем это время, чтобы проработать технику медитации. Это крайне полезный навык, который освобождает тело и усмиряет ум. Сядь ровно. Спина прямая, плечи расслаблены. Руки положи на колени. Нет, ладонями вверх. Теперь закрой глаза и дыши. Медленно.

— Так, а дальше? — спросил Лука спустя пару минут.

— Ничего. Просто закрой глаза и дыши. Мысленно считай выдохи. Для начала — до тысячи. Если собьешься, начни заново. И не ускоряй дыхание, голова закружится.

Спустя полтора часа Лука выполз из спортивного зала — совершенно обессиленный, безвольный и легкий, как сдувшийся воздушный шар. Шея и плечи ныли, как будто он всю ночь разгружал баржу с мешками зерна, а в глазах все расплывалось и двоилось.

В коридоре его уже дожидался камердинер, который с услужливой улыбкой протараторил распорядок дня, в котором свободными — видимо, по чистой случайности — оказались лишь полчаса после обеда. Все остальное время занимали лекции и тренировки.

Вернувшись в спальню после письменного экзамена, который продлился больше трех часов, Лука плашмя повалился на кровать и зарылся лицом в подушку. Голова раскалывалась от боли: лоб словно стянула раскаленная пластина. Каждый звук отдавался внутри черепа, раздувшегося до размеров купола собора святого Михаэля. Лука закрыл глаза и выдохнул через сжатые зубы. Медленный, глубокий вдох. Он справится. Просто обязан справиться.

# Глава 8

Дверь приоткрылась совершенно бесшумно, но Лука сразу ощутил чужое присутствие. С трудом приподняв голову, он увидел Вольфа Вагнера и застонал.

— Ну что еще? Я сегодня просто вымотался, честно.

— Я лишь хотел пригласить тебя на тихий семейный ужин.

— Просто мечтаю познакомиться с остальной родней, — выдавил Лука, сползая с кровати.

— Отлично, так я и предполагал.

Увидев, что Лука натягивает черную свободную куртку с капюшоном, Вагнер чуть заметно поморщился.

— Рекомендовал бы отдать предпочтение чуть более элегантному стилю одежды.

— И так сойдет.

Вагнер слегка приподнял бровь, но воздержался от дальнейших препирательств.

Через пятнадцать минут аэромобиль опустился на покрытую белой мраморной крошкой площадку неподалеку от старого особняка, окруженного ухоженным парком. Минуя парадную лестницу с вазонами и статуями настороженных львов, Вагнер свернул к скромному флигелю, примыкающему к зданию с западной стороны.

— Итак, чей же это особняк?

— Господина Штефана Юнга, который долгие годы был советником великого мессера Манфреда Вагнера. Он и сам — в своем роде легенда. Так что будь почтителен, — предупредил Вольф, потянув тяжелую дверь.

Внутри царил полумрак. В нос ударяла дикая смесь запахов медикаментов, дезинфицирующего раствора и затяжной болезни. Но обстановка не походила на больничную палату. Это был, вероятно, кабинет. Стены были обшиты потемневшими от времени дубовыми панелями. В высоких шкафах теснились корешки книг в кожаных переплетах. Тяжелые бархатные портьеры скрадывали последние лучи заходящего солнца. В камине тихо потрескивали дрова. У ломберного столика с неоконченной партией в шахматы стояла пара кресел с высокой спинкой, развернутых к огню. Рядом с одним из кресел стоял странный аппарат с множеством датчиков и трубок, который что-то медленно, с усилием, перекачивал. Тощая рука с бледными аристократическими пальцами потянулась, чтобы безучастно передвинуть одну из черных фигур на доске.

Вольф опустился на кушетку и замер в ожидании, скрестив

ладони на набалдашнике трости. Тягостную тишину нарушало только тиканье старинных часов на каминной полке. Лука тоскливо вздохнул.

— О, так ты сегодня не один? Пусть подойдет к огню.

Лука прилагал немалые усилия, чтобы сохранить невозмутимый и независимый вид. Но эти пять шагов он проделал в снаряжении глубоководного водолаза, над головой которого сомкнулись все воды мирового океана.

— Добрый вечер, господин Юнг.

В кресле сидел высохший старик, похожий на ожившие останки фараона. На столике рядом с ним в тяжелой пепельнице тлела, испуская тонкую струйку дыма, сигара. Не удостоив Луку даже взглядом, он медленно переставлял на доске фигуры — белые, черные. На неподвижном лице с незримой печатью времени, как на гладко обтесанной гальке, живыми оставались только глаза, похожие на обсидианы. «А ведь он играет в партию сам с собой», — запоздало смекнул Лука.

— Знаешь правила игры? — безучастно поинтересовался Штефан.

Лука отрицательно помотал головой.

— Напрасно. Как сказал один поэт — слишком претенциозный, кстати, на мой вкус — жизнь слишком коротка для шахмат. И был чертовски прав. Присядь к огню. Вернемся к делам, Вольф. До меня дошли тревожные известия от Кольберга…

Его голос становился все тише и глуше, словно старый советник спускался в сырое подземелье, пока не оборвался на полуслове. Но диалог между ним и Вольфом продолжился — и, судя по плотно сжатым губам и остекленевшему, уставившемуся в пустоту взгляду Вольфа, советнику мессера было совсем не по нраву, что кто-то читает его сознание как открытую книгу. С каждой минутой воздух в комнате сгущался, как перед грозой, мочки ушей покалывали злые искры статического электричества. Лука оттянул ворот, борясь с дурнотой. Наконец он не выдержал этой безмолвной пытки.

— Эй, а может, бросите эти вагнеровские штучки и ради разнообразия побеседуете как нормальные люди?

Старик криво усмехнулся. На лице Вольфа отобразилось облегчение, как будто ему наконец выдернули больной зуб.

— В болотах за Грайфвальдом снова появились селения беженцев. Впрочем, агрессии они не проявляют и предпочитают держаться в отдалении, так что в Штральсунде все спокойно. Кольдберг усилил ополчение. В Северном море — сильные шторма, на острове Готбланд повреждены ветрогенераторы.

Но фон Фриз заверяет, что мощности альтернативных источников хватит еще на пару недель, так что ситуация пока не вызывает серьезных опасений…

Вольф все говорил и говорил, перечисляя названия городов, имена каких-то людей — в представлении Луки смысла в его словах было немногим больше, чем в мерном рокоте волн. Он смотрел на пляшущие язычки пламени в камине и чувствовал, как веки наливаются тяжестью. Лицо советника легендарного мессера Ганзы, подсвеченное красноватым отблеском огня в камине, наводило на мысли о высеченном из дерева древнем идоле, взирающем на мир из обманной глубины окружавшего его озера табачного дыма.

— Ты уже выяснил, кто похитил Тео? — неожиданно спросил он, оборвав доклад Вольфа на полуслове.

— Нет, господин советник. Пока нет. Распутываю клубок, но все нити оборваны. Кто-то искусно заметал следы.

— Настолько искусно, что ему удалось сбить с толку Вольфа Вагнера с его волчьим чутьем?.. А что ты думаешь насчет банды арабских взломщиков, которые промышляли по всей Ганзе, вскрывая торговые склады? И настолько уверовали в собственную неуловимость, что рискнули вскрыть замок склада, отмеченного печатью семьи?

— Полагаю, это не было пустой самонадеянностью или удачным стечением обстоятельств. Тео сам навел их на эту мысль.

— Тео?

— Разумеется. Мы бывали с ним прежде на этом складе. Он знал про потайной подземный ход и, полагаю, надеялся воспользоваться им при первом же удобном случае. К несчастью, дежурный дрон засек катер без регистрационного маячка, проследил его маршрут и выслал полицейский отряд. Возможно, план Тео действительно сработал бы, однако в завязавшейся перестрелке его зацепила пуля. Но, вероятно, его действительно вело само провидение: рядом оказался Лукас.

— История, достойная приключенческого романа, — усмехнулся Штефан. — Так ты полагаешь, за похищением Тео стояли другие люди?

— К сожалению, главарь этой шайки, некий Ибрагим Рушманди, и его люди мертвы, так что я лишен возможности допросить их. За последние два дня я поднял всю информацию: задержания, круг общения, привычки — всю их ничтожную жизнь вплоть до последнего часа. Еще полгода назад Рушманди был мелким прохиндеем. Ему не достало бы ни ума, ни смелости, ни изворотливости, чтобы провернуть похищение наследника,

разыграть все как по нотам и несколько месяцев водить за нос всю полицию Ганзы и наемных ищеек.

— Абсолютная посредственность тоже может быть неплохим козырем.

— Нет, здесь что-то другое… Боюсь, не остается ничего иного, как дождаться, пока Тео придет в сознание и он сам прольет свет на произошедшее.

— Что ж, прекрасно, мой мальчик, — пробормотал Штефан и медленно прикрыл веки. — Ступай теперь, я устал немного.

Вольф Вагнер поспешно поднялся, чтобы удалиться — как мстительно подметил Лука, с нескрываемым облегчением. Родственный визит оказался изощренной пыткой даже для серой тени мессера Герхарда Вагнера.

# Глава 9

Дни в фамильной резиденции Вагнеров тянулись чередой, наполненные бесконечными экзерсисами, лекциями, зубрежкой и промежуточными срезами. Никаких светских раутов и безбашенных развлечений золотой молодежи. Вдобавок к прочему, советник Юнг вызвался обучать хоста наследника игре в шахматы. Правда, нередко случалось, что за время занятия Луке не доводилось передвинуть на соседнюю клетку ни единой фигуры, потому что наставник пребывал не в лучшем расположении духа и сидел, нахохлившись, как старый ворон, погруженный в мрачное молчание и мизантропию.

Но все же худшим испытанием была медитация. Два с половиной часа полной, абсолютной неподвижности.

— Прижми язык к небу. Почувствуй, как вытягивается позвоночник. Ощути пространство между позвонками, — бесцветный голос Вольфа усыплял, погружал в транс.

Спохватившись, что его опасно повело вправо, Лука выровнялся. Пятнадцать минут прошли в молчании. По левой голени поползли щекотные мурашки — еще минута, и нога онемеет. Зачесалась правая бровь. Лука, стараясь не создавать колебаний воздуха, поерзал. Выгнул бровь, как будто услышал что-то небывалое. Зуд только усилился.

— Не дергайся, — велел Вольф.

— Спина уже задеревенела. И нога затекла, — буркнул Лука.

— Сядь ровно. Дыши.

Лука поморщился, чувствуя, как все тело стало свинцовым, неповоротливым. Напрасная трата времени. За эти два с лишним часа он вполне мог бы вызубрить три главы по истории или хотя бы вздремнуть, чтобы голова была ясной. Чтобы не сойти с ума от скуки, он пересчитал языком зубы. Потом в обратном порядке. Попробовал перенести вес тела на другую точку, борясь с непреодолимым желанием встать, встряхнуться, размять окаменевшие мышцы. Приоткрыл один глаз и увидел, что Вольф в упор смотрит на него.

— Время еще не истекло.

В отличие от Луки, Вольф, казалось, мог сидеть неподвижно сутками напролет. Хотя, будучи по натуре деятельным, советник мессера не терпел, когда время тратят впустую, и негодовал даже по поводу минутного опоздания. Но во время медитации он превращался в неподвижную статую, как будто был способен покинуть собственное тело и странствовать по миру.

В носу засвербело. Лука громко чихнул.

— Начнем отсчет заново, — с ледяным спокойствием объявил Вольф.

— Вы говорили, что в связке хаупта и хоста нередко развит навык телепатии. Советник Юнг — ни тот, ни другой. Он даже не Вагнер. Как же ему удается так легко читать ваши или мои мысли? — спросил Лука, чтобы еще хоть чуть-чуть потянуть время.

— Он истинный Вагнер по крови и по духу, хоть и носит другую фамилию. Его дар — генетически заложенная особенность, которой ни я, ни ты, увы, не обладаем.

— Мне не нравится, что кто-то может влезть в мою голову.

— Если бы ты прилагал чуть больше рвения и усидчивости, то освоил бы приемы, которые позволяют оградить сознание от постороннего вмешательства.

— Как, например?

— Есть специальные техники. Но это, скажем так, продвинутый уровень.

— А пока никак? Иногда мне кажется, что советник Юнг прикасается к моему мозгу тонкими прохладными щупами. Премерзкое ощущение.

— Кхм… Читай стихи.

— Стихи?

— Да. И лучше что-нибудь из античной поэзии. В идеале — на древнегреческом. Это не блокирует доступ для столь опытного мастера, как советник Юнг, полностью, но несколько затруднит проникновение.

— Кстати, сколько ему на самом деле лет?

— Через два месяца исполнится сто семьдесят три.

Лука тихо присвистнул.

— Не сомневайся, его ум по-прежнему ясен, а память — безупречна. Живая легенда. Ты должен быть несказанно благодарен, что он уделяет время для занятий с тобой.

— Угу. Я просто-таки преисполнен благодарности.

— И правильно, — словно не заметив его иронии, сказал Вольф. — Даже если иногда кажется, что это сущая пытка. Мы с братом тоже прошли через эту школу. Штефан Юнг был его наставником и советником в первые годы правления, как был им когда-то для прежнего мессера.

— Он был советником старого мессера, но при этом — не его братом-близнецом?

— Мессер Манфред был единственным ребенком в семье. Когда ему исполнилось сорок пять, он создал семь генетических заготовок для клонов. И активировал их по мере необходимости. Штефан — четвертый.

— А где же предыдущие трое?

— Кхм… Иногда обстоятельства требовали, чтобы вместо мессера на публичных мероприятиях при потенциально высоких рисках присутствовал его клон. И случалось, что подстраховка была обоснованной. Иногда требовалась выемка органов. Несовместимая с жизнью.

— То есть он просто разбирал хостов на запчасти?

— Они не были хостами в полном смысле этого слова. Клоны не являются отдельной личностью. Они — всего лишь точная биологическая копия.

— А оставшиеся три, получается, так и плавают в рассоле?

— Нет, из-за преступной оплошности дежурного оператора в депозитарии, где хранился биоматериал генетических копий мессера, произошел технический сбой. Системы жизнеобеспечения вышли из строя на критически долгий срок. К тому времени мессер уже был в слишком почтенном возрасте, чтобы создавать новые генетические слепки. А двойной слепок с клона, как оказалось, чреват серьезными сбоями в иммунной системе.

— Как все удачно сложилось для советника Юнга, не так ли?

— Не ерничай, это дурной тон. Все в семье были глубоко опечалены произошедшим.

— Ну разумеется. Почему же четвертого клона не разобрали, как его предшественников?

— К счастью, с развитием биотехнологий необходимость в донорских органах отпала.

— Это обнадеживает, не так ли? Как-то невесело жить с мыслью, что тебя растят, как свинью на убой, чтобы в один прекрасный день разрезать брюхо и вынуть ливер.

Вагнер поморщился: его коробила грубая прямота Луки, который, зная это, специально поддразнивал его, стремясь разбить ледяной панцирь спокойствия советника мессера.

— Это все давно уже в прошлом. В основе идеи создания пары хаупта и хоста лежит совершенно иной посыл. Из единого генетического материала создаются братья-близнецы, одному из которых изначально предначертано стать верховным лидером, а другому — его союзником, правой рукой.

— А если хост не хочет?

— Не хочет?

— Ну да, не хочет. Если вот это всё его совсем не прельщает? Если он хочет прожить свою жизнь иначе, идти своим путем? А не быть чьей-то там рукой или прочим придатком.

— Это исключено. Хост силен именно своей связкой с мессером: так в полной мере он реализует свой потенциал для

укрепления влияния семьи. В одиночку он… просто человек.

— А этого что, мало?

— Вернемся к медитации, — оборвал спор Вагнер.

Устав от постоянной муштры, Лука с наступлением сумерек выходил прогуляться по саду. Он избегал посыпанных белой мраморной крошкой дорожек и прогуливался в глубине парка: брел по росистой траве, вдыхал сырой запах земли и прелой листвы, и напряжение дня постепенно разжимало хватку.

Как-то вечером он забрел в отдаленный уголок дворцового парка и услышал странные звуки — не то тихие всхлипы, не то сдавленный смех, которые подхватывались и дробились жутковатым эхом. Стараясь ступать неслышно, он подобрался ближе и, раздвинув ветви сирени, увидел заброшенный колодец, над которым склонился призрачный силуэт. В обманчивом лунном свете бескровное лицо излучало тихое жемчужное сияние, глаза были закрыты, губы безмолвно произносили что-то. Ладони, похожие на пару птиц, покачивались в воздухе, вспархивали в такт неслышной мелодии. Совершенно свободные, никак не связанные с телом. Лука почувствовал, как похолодела спина и налились чугунной тяжестью ноги. Ощутив присутствие постороннего соглядатая, призрак распахнул глаза, пригвоздив Луку немигающим, потусторонним взглядом. «Тео?» — прошелестело в воздухе. Лука отпрянул. Видение пропало, растворившись в ночном воздухе.

Наутро он уже не был уверен, случилось ли ночное происшествие на самом деле или это все ему привиделось. Пробравшись к старому колодцу, Лука заметил на влажной после вчерашнего дождя земле узкий след туфли. Так значит, призрак был из плоти и крови. Как только спустились сумерки, он пробрался в сад и затаился в густых зарослях у старого колодца. Но незнакомка так и не появилась. Как и на следующую ночь, и еще ночь спустя.

Несколько дней из-за полуночных прогулок по саду Лука спал урывками, выкраивая минуты между лекциями, и на медитации наступила неминуемая расплата: едва прикрыв веки, он провалился в туманный морок где-то на зыбкой грани яви и сна, сквозь который едва пробивался голос Вольфа.

Открыв глаза, он обнаружил, что лежит в вывернутой, неудобной позе на полу в совершенно пустой аудитории, в пятне солнечного света, бьющего через огромные незашторенные окна. Лука поднялся, чтобы стряхнуть сонный ступор. Подергал ручку двери. Но та оказалась заперта. Сколько бы Лука ни колотил, пытаясь докричаться до слуг, и ни сыпал проклятьями, пробуя с разбега вынести плечом дверной косяк, все во дворце словно

забыли о его существовании. Вероятно, милый дядюшка решил так наказать его за нерадивость. «Ну и пусть. Зато я выспался, — с мстительной яростью думал Лука. — Наверное, впервые за последний месяц». Спустя пару часов, устав от бесцельного хождения по комнате в попытках заглушить ворчание пустого желудка, Лука улегся посреди комнаты. Но спать уже не хотелось, пол казался жестким. Стиснув зубы в бессильной злости, Лука сел в позу лотоса и закрыл глаза, уже не беспокоясь о том, что его спина развалится, как старая кирпичная кладка. И стал дышать: так, как учил Вагнер, чтобы вдох был легким, почти незаметным, а выдох — сильным, выметающим прочь все мысли и чувства. Дышать так, чтобы воздух проносился по телу, как сквозняк по опустевшему дому. Он не знал, сколько прошло времени, несколько минут, час или целая вечность, но когда услышал, как тихо поворачивается в замке ключ, и открыл глаза, на паркете лежали косые отсветы закатного солнца. А по коже его предплечья струилось сплетение линий, напоминающее мехенди.

Перед сном он снова выбрался в сад. В ночном воздухе плыл сладковатый, тревожный аромат. Оказалось, на совершенно голых, корявых, словно изломанных непогодой ветвях распустились огромные пурпурные цветы магнолии. На одной из дальних дорожек сада чернел тонкий силуэт — девочка с гладко зачесанными смоляными волосами зачарованно разглядывала цветы, похожие на небрежно завязанные ленты из муслина. Услышав шорох гравия, она вздрогнула и обернулась.

— Эй! Не бойся!

Подойдя ближе, Лука заметил тачку с садовым инвентарем и огромными желтыми перчатками.

— Привет! Я Тео. Я искал тебя. Когда я увидел тебя той ночью там, у колодца, то поначалу принял за привидение. Ну, духа-хранителя сада. У которого только голова и руки, а тела нет. А ты просто вся в черном была, вот и растворилась в ночи…

Он протянул руку, но незнакомка не пожала ее и не разомкнула губ, продолжая смотреть все так же пристально и серьезно.

— Нет, — наконец произнесла она, будто ей наскучила игра в гляделки.

— Что — нет?

— Ты не Тео. Ты вообще не похож на него. Кто же ты?

Лука смешался. Оказывается, за не прошедшие несколько недель он уже привык, что все во дворце видят в нем наследника мессера. Привык называться его именем, жить по его расписанию, играть его роль. Эта странная девушка была единственной, за исключением разве что Вольфа, кто сразу же заметил подмену.

И совершенно неожиданно это было чертовски приятно.

— Ну ладно, ты права. Я просто… ну, вроде как его двойник. На время, пока он не вернется. Кстати, я Лука. А ты? Как твое имя?

— Миа.

— ЧуднОе имя, никогда прежде не слышал. Хотя, знаешь, тебе идет. Но признайся, ты тоже поначалу приняла меня за брата? Ты назвала его имя!

Миа отпрянула, как будто в лицо ей брызнули холодной водой, и стала поспешно собирать вещи в тачку.

— Простите, господин, мне запрещено разговаривать.

— Постой, я чем-то обидел тебя? Не уходи, пожалуйста, — Лука попытался взять ее за руку, но она проворно выдернула ладонь, хрупкую, как у синицы.

— Мне правда пора.

— Ты придешь в сад завтра?

— Да, я тут каждый день.

— Не только ночью?

— Не только, — улыбнулась она и, подхватив тачку, поспешно скрылась.

Проводив ее взглядом, Лука вернулся в спальню и плашмя бросился на кровать. На его губах блуждала улыбка, а в голове снова и снова прокручивался разговор с Мией. По потолку комнаты разливалась чернильная тьма арктического неба, которая мало-помалу втянула его в водоворот, где таился сон, прохладный и медленный, как северная река.

# Глава 10

Как только в расписании лекций и тренировок образовывался небольшой просвет, Лука навещал Тео в клинике. Когда тот наконец очнулся после нескольких недель медикаментозного сна и впервые увидел брата, похожего на него, как две капли воды, то в первые минуты не мог произнести ни слова. Просто смотрел на Луку и улыбался, как будто выиграл главный приз в лотерее.

— Эй, да брось ты уже меня разглядывать, — буркнул Лука, чтобы скрыть смущение.

— Когда Вольф сказал, что приготовил сюрприз, я поначалу подумал, что речь идет о щенке. Всегда мечтал завести собаку.

— Ну, извини, это всего лишь я. Представляю, как здорово ты разочарован, — рассмеялся Лука.

Тео подхватил его смех, но сразу же закашлялся и обессиленно опустился на подушку.

— Ты это… Ну, не перенапрягайся пока, что ли… Вольф говорит, ты потерял много крови и вообще был на волосок… Ну, это самое, — Лука вынул руку из кармана и неловко похлопал его по плечу, чтобы приободрить. Он не знал, что еще сказать, что вообще принято говорить в подобных ситуациях, и чувствовал себя полным кретином.

Заскочив в этот раз, он застал брата в приподнятом настроении: доктор Крау обещал, что уже через пару недель он сможет вернуться домой.

За время болезни Тео еще сильнее исхудал.

— Эй, ты что, совсем не ешь?

— Ем, конечно. Просто сейчас не хочется.

Тео с виноватым видом отодвинул больничный поднос с порцией сбалансированной и питательной слякоти на тарелке.

— Уверен? Ну ладно, значит, зря принес.

— Яблоко! — Тео выхватил из рук Луки гостинец и впился в него зубами, застонав от удовольствия. — Кислое… Восторг! Ты точно не умеешь читать мысли?

— Я бы заметил, — пожал плечами Лука и сел на край кровати. — Кстати, одна особа передает тебе пожелания скорейшего выздоровления.

— Да? Кто? — спросил Тео с набитым ртом.

— Миа.

— Кто?

— Ты что, не помнишь ее? Ну, такая худенькая, темноволосая. В огромном желтом дождевике. Мы как-то столкнулись в саду, и она сразу раскусила, что я не тот, за кого

себя выдаю. Хотя все во дворце приняли за чистую монету.

— Ах, та Миа? Глухая внучка старого садовника?

— Глухая?

— Ну да. Ты что, не знал?

— Нет. Постой, но мы же разговаривали… Ну вот как сейчас с тобой.

— Ну да, у нее стоит простенький имплант, который позволяет различать некоторые звуки. А еще она прекрасно читает по губам.

— А она всегда была… ну, глухой?

— Кажется, мне было лет семь или восемь — мы с Вольфом прогуливались по саду и я заметил, что старик Ван, садовник, который всегда срывал для меня самый красивый цветок, чем-то страшно расстроен. Я стал его расспрашивать, и он признался, что его внучка тяжело переболела не то корью, не то свинкой и потеряла слух. Я расчувствовался и сказал Вольфу, что готов пожертвовать своими карманными деньгами, чтобы оплатить операцию. Да, я вспомнил теперь: старик Ван подвел ко мне какую-то темноволосую девчушку, которая так ужасно смущалась, что не произнесла ни слова и смотрела только на собственные туфли. Иногда я заглядывал к ним в гости: старик Ван рассказывал такие занятные сказки о дальних странствиях и приключениях, и мне потом всю ночь снилось море, — Тео улыбнулся воспоминаниям. — Расскажи лучше, как тебе живется в резиденции? Судя по руке, ты сильно продвинулся, у меня на это ушли годы.

Лука засунул руки в карманы и отошел к окну.

— Не сказал бы. Все это так… бездарный спектакль. Непонятно только, ради кого я днями напролет кривляюсь на сцене — зрителей-то нет. Одно радует: за это время я здорово нагнал учебную программу по всем предметам. Правда, чего это все стоило…

— Вольф говорит, что ты небезнадежен. И это определенно самый лестный отзыв о ком-то из всех, что я слышал от него за всю жизнь. Еще и советник Юнг вцепился в тебя бульдожьей хваткой?

Лука только хмыкнул. Он не верил в кровные узы и галиматью с ментальной связью мессера и хоста, про которую без устали твердил Вольф, но Тео, похоже, неплохой парень.

— Слушай, давно хотел спросить: как тебя угораздило вляпаться в историю с похищением?

Тео сразу поскучнел.

— Это Вольф поручил расспросить, да?

— Нет. То есть да. Но мне и самому это покоя не дает. Ты же

все-таки, ну… наследник мессера Ганзы и все такое… Не могли же тебе посреди дня мешок на голову нахлобучить и в аэромобиль затолкать?

— Ну, почему же… Примерно так все и было.

— Ты что, под наркозом был?

— Я правда, как ни стараюсь, не могу вспомнить, как это случилось и что было потом. Наверное, это посттравматический синдром. Или доктор Крау все-таки переборщил с медикаментами. Начисто все стерлось из памяти. И знаешь, я этому скорее рад.

— Вот что меня занимает: почему те, кто тебя похитил, не потребовали выкупа?

— Вполне может оказаться, что они вообще не подозревали, кто я. Как я понял из обрывков разговоров, это были вовсе не воротилы криминального мира. Так, мелкие мошенники, промышляющие разными грязными делишками.

— Но кто же все-таки стоял за всем этим?

— Не знаю. И, честно говоря, мне все равно. Я просто рад, что все позади.

— Погоди, но как ты оказался на складе в Гамбурге?

— О, это и правда забавная история. Потный алжирец, который заправлял шайкой, оставил нас куковать несколько недель в каком-то медвежьем углу и смылся. От холода зуб на зуб не попадал, из развлечений — только засаленная колода карт. У охранников, которые уже не верили россказням, что скоро им отвалится серьезный куш, нервишки вконец расшатались, и однажды они вдрызг разругались из-за старого грошового долга. И я сказал, что глупо лаяться из-за ерунды, когда можно обчистить любой банк или магазин в Ганзе. Потому что я — непревзойденный взломщик.

— И эти остолопы купились?

— Не сразу, конечно. Но я показал пару фокусов со старыми замками. Ты знал, что девяносто девять из ста биометрических замков, установленных в Ганзе, производятся на одном заводе? Владельцем которого, разумеется, является семья Вагнеров. Так вот, помимо персональной настройки под владельца в каждом замке зашита базовая программа, которая срабатывает на взаимодействие с генными кодами нашей семейки.

— Для Вагнеров нет закрытых дверей, — усмехнулся Лука.

— А ты думал, поговорки на пустом месте появляются?

— Ну допустим. Но раз любой замок — не проблема, почему ты просто не сбежал?

— После нескольких неудачных попыток на меня нацепили ханьские магнитные браслеты с геолокацией и электрошокером.

Подаваться в бега с таким багажом — сомнительное удовольствие. Так что пришлось напрячь голову.

— Так ты нарочно навел их на мысль ограбить склад в Гамбурге?

— Конечно. Я бывал там как-то с Вольфом и знал про тоннель. Рассчитывал, что пока они радуются добыче, получится незаметно ускользнуть.

Лука рассеянно выглянул в окно. Солнце светило вовсю, и по мокрому карнизу прыгали взъерошенные воробьи. В изложении Тео все выглядело именно так, как и предполагал Вольф. Но Луку не покидало чувство, что головоломка так и не сложилась в правильный паззл, потому что некоторые фрагменты надежно утеряны. И это не на шутку озадачивало. С какого перепуга Тео покрывать тех, кто его похитил?..

# Глава 11

— Занят?

Лука оторвал голову от старинного ханьского талмуда по искусству войны.

— Еще пять глав осталось вызубрить к завтрашнему экзамену.

— Прогуляемся в парке? Это не займет много времени, — предложил Тео. Он вернулся во дворец почти неделю назад. Но когда Лука завел с Вольфом разговор о том, что теперь их соглашение можно расторгнуть, тот ловко уклонился от разговора. Лука в очередной раз поразился искусству Вольфа обставить все без лишней шумихи. В резиденции мессера никто не выказал удивления из-за внезапного «раздвоения» наследника мессера: как будто Теофиль по семейной традиции с раннего детства воспитывался вместе с хостом.

Лука захлопнул фолиант, почти целиком состоявший из сносок, примечаний и пояснительных статей, и с удовольствием расправил затекшие плечи.

На дворцовый парк уже опустились сумерки. В воздухе плыл приторно сладкий запах цветущей сирени, кусты которой напоминали гигантские облака сахарной ваты. Тео неторопливо шагал по посыпанной гравием дорожке, оглядывая клумбы с распустившимися нарциссами, королевскими ирисами и гиацинтами. Похоже, брат вытянул Луку на прогулку для важного разговора, но медлил, собираясь с мыслями.

Они приблизились к павильону с высокими арочными окнами и балюстрадой, украшенной причудливыми вазонами. Перед парадным крыльцом располагался лабиринт из живого кустарника.

— Галерея старых мастеров. Здесь находятся бесценные полотна. Отец — не просто коллекционер. Он прикладывает колоссальные усилия, чтобы спасти сокровища мирового искусства из разоренных варварами музеев.

Тео приложил ладонь к сенсорной панели и потянул ручку двери в виде оскаленной головы льва. Ярко освещенный холл был обставлен с дворцовым шиком: зеркала, канделябры, позолота, портьеры из алого бархата, бесконечная анфилада выставочных залов. На мгновение у Луки возникло ощущение, что он заперт в зеркальном коридоре отражений.

Тео приподнял портьеру, за которой скрывалась неприметная дверь, и они вошли в стальную кабину лифта. Как только створки захлопнулись, из потайных клапанов с шипением вырвался

сжатый воздух.

— Самые ценные экспонаты требуют особо бережного хранения и никогда не выставляются. В запаснике поддерживается постоянная температура и влажность, а стены отсеков из усиленной стали обеспечат полную сохранность полотен в случае взлома, пожара или природного катаклизма. Даже если весь мир погибнет от ядерного взрыва, они не пострадают. Здорово придумано, правда?

Лука, у которого погруженное в полумрак подземное хранилище вызывало легкий приступ клаустрофобии, в ответ только хмыкнул.

На контрасте с нарядными музейными залами запасник напоминал склад забытых и утерянных вещей. Бюст с отколотым носом на шатком постаменте, египетский саркофаг, свернутые в рулон ковры, шкафы с черепками, статуэтками и старинными монетами, груды заколоченных ящиков с непонятной маркировкой и — холсты, холсты, холсты. И все — лицом к стене, как наказанные дети.

— Смотри, — сказал Тео, разворачивая к рассеянному свету одно из полотен.

С холста на Луку смотрела девушка с глазами того особого цвета, какой бывает только у северных рек. Пушистые светлые косы. Мягкая улыбка, затаившаяся в уголках губ. Задумчивый взгляд куда-то вдаль, за пределы рамы. Образ нечеткий, ускользающий, как будто смотришь сквозь заиндевелое стекло.

— Красивая, — тихо сказал Лука.

Чей этот портрет, он бы сразу догадался, даже если бы не было этого поразительного, небывалого внешнего сходства — по тоскующему взгляду, которым Тео смотрел на холст, по тому, как подрагивали его руки.

— Знаешь, все детство я люто тебе завидовал, — помолчав, признался Тео, не отводя взгляда от портрета. — Не смотри так, это правда. Всё время терзался вопросом: «Почему она выбрала тебя? В чем провинился я?» Раз за разом прокручивал в голове сцену: как она склонилась над кроваткой, чтобы взять только одного…

— Тео, брось…

Это был их первый разговор о матери за все время, и Лука чувствовал, что ступает на тонкий лед.

— Сейчас смешно вспомнить: я все время представлял, как мы втроем странствуем по миру: забираемся в африканские джунгли и переплываем океан в поисках приключений. Когда становилось особенно тоскливо сидеть взаперти, доставал из-под кровати коробку с альбомами и рисовал комиксы. Там я все время

спасал маму из разных передряг. Тебе, между прочим, там тоже отводилась важная роль — пухлого избалованного неженки, который вечно ноет и путается под ногами…

Лука от души расхохотался, и Тео, глядя на брата, тоже не сдержал улыбки. Но тут же снова посерьезнел.

— Как думаешь, куда она исчезла?

— Я знаю не больше твоего, — пожал плечами Лука. — Ма… ну, то есть Йоана, говорила, что она собиралась встретиться с кем-то, кто обещал сделать паспорт на чужое имя, чтобы она могла покинуть страну. Однажды она просто ушла и не вернулась.

— О, да здесь, несмотря на поздний час, собрались истинные почитатели искусства, — пророкотал голос за их спинами. Тео вздрогнул и обернулся.

— Здравствуй, отец, — сказал он, подходя к высокому, грузному блондину в военном кителе.

— Как я погляжу, ты безмерно рад встрече, сын, — мессер со смехом потрепал по плечу побледневшего Тео.

Лука вполне довольствовался ролью статиста в разворачивающемся на его глазах спектакле. Да и мессер, казалось, вовсе не замечал его, словно он превратился в одну из безмолвных статуй.

— А я только-только прилетел и дай, думаю, загляну в хранилище, найду подходящее местечко для новой находки. Взгляни, Вольф: редкая удача.

Мессер бережно достал из свертка керамическую статуэтку совы, облупленную и невзрачную. Его глаза сияли восторгом, как у ребенка, заполучившего новую игрушку.

— Коринфский арибалл. Седьмой век до нашей эры. Чудом уцелел во время погрома Лувра.

— Эм-м… замечательная вещица, — тактично заметил Вольф.

— Все время забываю, что мой хост абсолютно не способен оценить подлинную красоту.

Мессер поставил статуэтку в один из застекленных стеллажей.

— Ну, ради созерцания какого шедевра вы пожертвовали драгоценными минутами сна? — он выхватил из рук сына портрет и помрачнел. — Анника. Мог бы и сам догадаться. Кажется, здесь ей пятнадцать. А, Вольф?

— Да, кажется, — безучастно ответил тот, стоя за его плечом, как каменное изваяние

Мессер медленно перевел взгляд на Луку, словно только сейчас обнаружив его присутствие.

— Этот портрет мог бы висеть в фамильной галерее, если бы

ее безрассудство не поставило под удар будущее семьи. Это все сумасбродные идеи ее папаши, который забил голову дочери дребеденью о том, что люди равны.

Лука почувствовал, как в его сердце закипает злость на этого напыщенного, самодовольного болвана.

— А разве это не так?

— Люди априори не на равных. Даже два голых младенца, появившиеся на свет в один день. Но один — крепыш, который будет кричать, пока не добьется своего, а другой — хилый комок мяса, способный только поскуливать. И чем старше они будут становиться, чем ярче будут проявляться задатки, заложенные генетикой, чем заметнее будет сказываться разница в воспитании и окружении, тем сильнее будет расти трещина, превращаясь в непреодолимую пропасть.

Лука набрал воздуха, чтобы возразить, но Вольф что-то шепнул на ухо мессеру.

— Что ж, это, пожалуй, действительно не самое удачное время и место для долгих разговоров, — хмыкнул мессер.

Герхард Вагнер выпроводил их из хранилища. Двери фамильной сокровищницы с тихим шипением сомкнулись, утопив в безмолвной тьме артефакты исчезнувших цивилизаций и бесценные произведения искусства ушедших эпох. Несколько мгновений, пока Лука вынужденно оказался с мессером в замкнутом пространстве кабины лифта, показались ему мучительно долгими: он разглядывал собственные кеды, лишь бы не встречаться с ним взглядом, и даже задержал дыхание, чтобы не чувствовать одуряющего запаха его одеколона.

# Глава 12

Мессер Вагнер коротким кивком распрощался с сыновьями и в сопровождении верной тени за правым плечом размашистым шагом двинулся по посыпанной гравием дорожке в сторону дворца.

В душе Луки клокотала ледяная ярость. В первую же встречу, которая и длилась-то всего пару мгновений, мессер сделал то, что ему не удалось за все предшествующие пятнадцать лет — вызвать у Луки стойкое неприятие и отторжение любых родственных связей. В детстве Лука ни разу не испытывал тоски по отцу, это молчаливое отсутствие не фонило, не ощущалось зияющей пустотой. Как никогда в его душе не было и обиды на мать, которая оставила его. У него была Йоана, был дом — и этого было вполне достаточно для счастья. Так повезло далеко не всем из шумной ватаги мальчишек, которые слонялись в его квартале. У многих из них не было даже крыши над головой — зимой они разжигали костры в заброшенных зданиях или под мостом, чтобы согреться, и, просыпаясь, не знали, получится ли сегодня разжиться чем-то из съестного или снова придется голодать. Среди его знакомых не было никого, за исключением Флика, кто рос бы в окружении семьи и многочисленной родни. Наверное, поэтому Луке так нравилось бывать в его доме. Вспомнив о друге, Лука понял, как тоскует по прежней жизни, по Йоане, которая стала ему настоящей матерью. Отца же ни в его жизни, ни в его мечтах не было. Как и, похоже, в жизни Тео. Простившись с отцом, тот совсем сник и провожал удаляющиеся фигуры мессера и его советника взглядом побитой собаки.

— Эй, что нос повесил? — Лука хлопнул брата по плечу, чтобы приободрить. У парня и впрямь был такой вид, что того и гляди расплачется.

— Отец рассердился, что я забрался в хранилище. И из-за маминого портрета.

— Да брось, вот уж действительно страшное преступление.

— Ты не понимаешь…

— Да, куда уж мне… И все же думаю, у него найдутся дела поважнее, чем распекать наследника за такую ерунду. Вольф обмолвился, что сегодня во дворце соберутся важные шишки.

— Ах, да, сегодня же встреча совета семи семейств. Я и забыл совсем. Тогда отец вряд ли освободится раньше полуночи.

— Интересно, что они будут обсуждать там, на совете?

— Войну. Как обычно, — равнодушно пожал плечами Тео. — Если в комнате набивается с десяток людей в погонах, разговор

всегда идет только о войне — прошлой, настоящей или будущей. Покричат, выпустят пар, а потом раскурят сигары и устроят попойку.

— Верно говорят: у взрослых свои игрушки. Вот бы взглянуть хоть одним глазком.

— Ты серьезно? Это же скукотища. Но если тебе и вправду интересно, я могу провести через кроличью нору.

— Что?

— Знаешь, а и правда, пойдем! Это будет даже забавно. В детстве я обожал эту игру — мог прятаться целыми днями. Вольф бесился и готов был разобрать весь дворец по кирпичику.

Следом за братом Лука взлетел по парадной лестнице и, пройдя через длинную анфиладу залов, свернул в неприметную боковую дверь. Пройдя еще ряд сквозных комнат, они оказались в странном закутке без окон, напоминавшем чулан. Низкий диванчик на кокетливо изогнутых ножках, затянутый в серый полотняный чехол, этажерка и несколько колченогих разрозненных стульев сиротливо жались к стенам, словно опасаясь быть раздавленными королевским ложем, которое занимало практически все пространство комнаты. На высоченной перине с комфортом могли бы улечься пять человек разом. Оставалось загадкой, как альков из великаньего замка оказался в этой комнатке: он не вписался бы ни в один дверной проем, да и просто для того чтобы сдвинуть его с места, понадобилась бы армия слуг.

— Здорово, правда?! — глаза Тео так и сияли детским восторгом.

Он подпрыгнул и ловко уцепился за перекладину, к которой крепился пыльный балдахин из бордового бархата с тяжелыми золотыми кистями.

— Ну же, давай! Что застыл?

Лука всем весом навалился на одну из угловых опор, но та даже не скрипнула. В узком зазоре между верхней балкой алькова и потолком виднелся темный вентиляционный лаз. Лука полз в полной темноте, глотая комья паутины и пыли и уворачиваясь от подошв кроссовок Тео, которые мелькали совсем рядом с лицом.

— Ни звука: здесь слышимость — как в венской опере, любой шепоток разносится.

Вдали послышались смутные голоса. Тео здорово лягнул Луку прямо в лоб и сам же возмущенно шикнул. Затаив дыхание, они проползли еще немного.

— Мы слишком долго пребывали в иллюзии, что война идет где-то далеко, на побережье, и эта волна не докатится до сердца

континента.

Лука узнал голос мессера, уверенный и твердый. Тео оказался прав: разговор шел о войне. Войне, которая длилась, как теперь казалось Луке, сколько он себя помнил. Война стала привычным фоном жизни, как погромыхивающая где-то в отдалении гроза. С запада Ганзейский союз граничил с землями, на которых обитали чернокожие выходцы из Африки. Истоки нашествия на западное побережье Европы были запутанными. В раскаленном котле экваториального континента все время что-то мерно булькало, время от времени со дна поднималась мутная пена. Когда ситуация накалялась, в опасную зону отправлялись войска миротворцев и лайнеры с гуманитарным грузом, чтобы танкеры с нефтью и ценной рудой все так же шли морем в европейские порты. Но новый вирус, военные конфликты и несколько засушливых лет привели к голоду фактически библейского масштаба. От грязной воды вспыхнули эпидемии тифа, дизентерии, холеры и прочих болезней, о которых не слышали уже чуть ли не сотню лет. Во многих африканских странах власть захватили вооруженные до зубов повстанцы, завязалась междоусобица. Удельные князьки раздирали континент, как шакалы — тушу околевшего слона. Вспыхнули, словно тлеющие угли, старые распри между племенами. Перепуганные люди страдали от голода, болезней и произвола вооруженных банд. Все это происходило за наглухо закрытым занавесом, и остальному миру оставалось только теряться в страшных догадках об истинном положении дел.

Пока десять лет назад не разверзся ад. Пять богатейших африканских стран в кратчайшие сроки обзавелись ядерным арсеналом. Расклад сил менялся стремительно: союзы заключались и распадались, границы сдвигались. Ядерная война началась и закончилась в одночасье: от запуска первой смертоносной ракеты до ответного удара прошло всего пять часов. А потом наступила тишина.

Связь с большей частью континента пропала. Некоторые прибрежные районы почти не пострадали, но пробраться вглубь континента никто не отваживался. Магистрали, железнодорожные пути, аэродромы были уничтожены. На огромных радиоактивных пустошах сбоили не только приборы навигации, но и вообще вся электроника. Ветер разносил дым и грозившие пролиться ядовитым дождем облака. Никто не знал, сколько погибло. Никто не знал, сколько выжило. И что вообще происходит.

Когда Красный Крест наконец пробился в районы, где прогремели ядерные взрывы, мир содрогнулся. Города,

от которых остались лишь обугленные руины, мертвая выжженная земля. Наблюдая за разразившейся катастрофой, унесшей жизни сотен миллионов, никто поначалу не заметил, как назревает нечто еще более страшное. Сотни тысяч, миллионы выживших нуждались в крове, еде и лекарствах. Африка стала непригодной для жизни. Это была зияющая гниющая рана. Саркома. Лагери беженцев не вмещали все прибывающие толпы, и они устремились прочь с материка. Это напоминало библейский исход. Списанные самолеты с барахлящим мотором, просевшие от перегруза ржавые танкеры, трюмы которых под завязку набиты стонущими, даже надувные шлюпки — все сгодилось.

Беженцы с отравленного континента расползлись по миру. Ни в одной стране голодных, обездоленных, отчаявшихся людей не встретили с распростертыми объятиями, но остановить поток было уже невозможно. Крошечные островки в Средиземном море, которые прежде слыли фешенебельными курортами, стали транзитной зоной, перевалочным пунктом для обезумевшей толпы.

Некоторые из германских земель, которые к тому времени уже трещали по швам, как прохудившееся лоскутное одеяло, видя тень растущего хаоса, обособились окончательно и спешно закрыли границы. На северном побережье Ганзы без предупреждения расстреливали и топили все сомнительные суда и самолеты. Со всего мира сыпались упреки в антигуманизме, но мессеру Вагнеру, железному мессеру Манфреду Вагнеру, было решительно на это плевать — в чем он чистосердечно признался, выступая в качестве представителя Ганзейского союза на очередном съезде ООН перед тем, как громко хлопнуть дверью. Теперь каждый сам за себя, провозгласил он. Политика коллективной безопасности с грохотом провалилась.

Потом была затянувшаяся на целое десятилетие война за жизненное пространство, в которой не было победителей — только проигравшие. На ганзейских границах до сих пор то и дело возникали стычки и перестрелки. Но все же на фоне остальной Европы Ганза выглядела чуть ли не землей обетованной. По крайней мере, здесь люди не голодали, не свирепствовали эпидемии, не бесчинствовали банды мародеров.

Но сейчас, продолжал мессер Герхард Вагнер, хотя границы под надежным замком, не стоит обманываться ложной иллюзией: это кажущееся перемирие — это затишье перед бурей. Все это время, отстаивая рубежи, солдаты Ганзы стояли насмерть, не оглядываясь назад, потому что знали: там их земля, их дом, их родные и близкие, дети и старики. Но там притаился враг.

Неслышный, скользкий и изворотливый, как змея. Который набирался сил, высасывая соки из немецкой земли, наживал неправедный капитал, промышляя обманом и воровством.

— Мы слишком долго выносили соседство с чужаками, которые топчут нашу землю, едят наш хлеб и коверкают наш язык, — голос мессера Герхарда Андреаса Вагнера зазвенел от гнева. — Слишком долго относились к ним с преступной снисходительностью. Как к приблудному шелудивому псу, крадущему объедки из мусорных баков, который настолько жалок, что не хочется тратить время на то, чтобы пристрелить его. Но мир меняется. На западе сгущаются тучи. Искры уже сверкают в воздухе. Это как вирус. Невозможно предсказать, кто подхватит лихорадку и свернет на кривую дорожку. Мы должны гарантировать безопасность для своих людей.

Повисло молчание, и с каждой минутой тишина становилась все более зловещей.

— Что… кх-м… Что конкретно вы предлагаете, мессер? — проскрипел старческий голос.

— Ганзейскому союзу необходима еще одна армия. Внутренняя. И программа по переселению благонадежных, но не коренных ганзейцев из крупных городов на приграничные территории, которые за долгие годы войны фактически обезлюдели.

Его слова утонули в море возгласов — возмущенных, одобрительных, изумленных, встревоженных.

— Война уже развязана. Мой сын, Тео, был похищен. Его жизнь висела на волоске. Никто сегодня, засыпая в свой постели, уже не может быть уверен в надежности стен и замков. Нельзя ждать, пока они возьмутся за оружие. Мы должны первыми нанести удар.

И снова — всплески хлопков, крики, грохот опрокинутых стульев.

— Давай выбираться. Что-то я уже задыхаюсь, — сдавленным голосом прошептал Тео.

Отряхиваясь от пыли, он, как показалось Луке, выглядел странно смущенным, словно только что они подслушали постыдный секрет отца, который бросал тень на сияющий победительный образ мессера.

— Что это было? Теперь он что, собрался воевать против жителей Ганзы с неправильным цветом кожи и нечистым выговором?

— Нет, что ты! Вряд ли он имел в виду именно это.

— А что же, Тео, если на это? Ты зря пытаешься выгородить его — у меня нет и не было никаких иллюзий на его счет.

— Никого я не выгораживаю! Все это — пустые разговоры. Я же говорил: соберутся генералы, покричат, выпустят пар и разойдутся. Все как обычно.

— Что-то мессер не показался мне человеком, который бросает слова на ветер, — задумчиво ответил Лука.

— Кстати, раз уж мы оказались в этой части дворца, я хотел бы показать тебе кое-что. Ты же не против еще немного задержаться?

Лука только усмехнулся.

— Да я готов хоть дрова колоть, лишь бы за зубрежку очередного средневекового трактата не садиться.

Тео с заговорщическим видом провел его в одну из дальних комнат в восточной части резиденции. Шторы из плотной синей ткани были приспущены. Свет хрустальных люстр мягко отражался в навощенном паркете. Вероятно, когда-то это была комната для музицирования, но теперь здесь царило печальное запустение. Из прежней обстановки сохранилась только банкетка и фортепиано. На его полированной крышке из красного дерева лежала небрежно брошенная стопка пожелтевших нот.

— Вольф рассказывал, что мама очень любила бывать здесь. Когда она ушла, отец убрать все, что напоминало о ней. Он порывался разрубить фортепиано в мелкую щепу. Но Вольфу удалось усмирить его. Инструмент старый, с уникальным звучанием. Но главное, конечно, не это. В детстве, когда мне было особенно грустно, я прибегал сюда и представлял, что мама вот-вот войдет. Сядет за фортепиано, наиграет что-то, рассмеется… Глупости, конечно. Но когда ты ребенок, важно верить во что-то, пусть даже этому никогда не суждено сбыться.

— А ты сам умеешь играть?

— Так, самую малость. Вольф в свое время настоял, чтобы я занимался музыкой, — ответил Тео, в задумчивости нажимая то одну клавишу, то другую. Разрозненные звуки мягко тонули в полумраке, притаившемся в углах музыкального зала.

— А сыграй что-нибудь?

Тео нерешительно коснулся клавиш, точно подбирая шифр к тайному замку. Инструмент встрепенулся. Лука, не отрывая взгляда, следил, как из-под пальцев Тео рождаются звуки музыки, и не мог избавиться от ощущения, что инструмент ластится к брату, как старый преданный пес.

— Здорово, — искренне восхитился он. — Миа… тоже любит музыку.

— Кто?.. — переспросил Тео, словно очнувшись.

— Слушай, а давай в саду прогуляемся? — внезапно предложил Лука.

— Что? Сейчас? Ночь же.

— Да ладно, сна все равно ни в одном глазу. Там ночью хорошо. Даже лучше, чем днем. Людей нет. Дышится свободно. И звезды. Ну так что?

— Вольф после похищения настрого запретил мне выходить без охраны, — неуверенно потянул Тео.

— Брось, ты же не один. И это — не дремучий лес, а дворцовый парк, где каждая травинка — под прицелом тысяч камер.

— Хорошо. Только погоди минутку, я захвачу куртку. Мы же просто прогуляемся?

— Есть идея получше: проберемся на кухню за хлебом и ветчиной и устроим полуночный пикник.

В глазах Тео разгорелся огонек.

— Ты серьезно? Не шутишь? Настоящий пикник? С костром?

— Ну разумеется. Что за пикник — без костра?

Они по-шпионски проскользнули на кухню, набрали припасов и выбрались в ночной сад. В траве звонко пели цикады. Гроздья алмазных звезд царственно сияли на черном бархате неба. Ласковый ветер приносил запахи трав.

— Роскошная ночь, — выдохнул Тео.

— Идем, покажу один укромный уголок. Готов спорить, ты о нем и не знал, хотя прожил тут всю жизнь.

Они пробежали по росистой траве и нырнули под густые заросли акации.

— Даже и не скажешь, что мы — посреди города, да? — мечтательно прошептал Тео, щурясь на пламя костерка, который Лука развел под сенью раскидистой старой липы. — Так тихо.

Лука подбросил в огонь еще несколько сухих веточек.

— Знаешь, я всегда мечтал — вот так, с братом… Хорошо все-таки, что ты нашелся.

Лука усмехнулся.

— Ну ты… не особо привыкай. Мы с Вольфом условились, что я останусь только до осени.

— Почему? Я думал, тебе здесь хорошо.

Лука рассмеялся.

— В сравнении с нашей каморкой в Гамбурге тут и вправду неплохо. Но, видишь ли, у меня другие планы на жизнь.

— Планы?

— Ну да. Поступить в колледж, стать матросом на трансатлантическом лайнере…

— Ты — Вагнер. Твое место — здесь, — убежденно сказал Тео.

— Ой, да брось, хоть ты не начинай всю эту канитель про

фамильное предназначение, — отмахнулся Лука. — Я знаю свое место.

— Вольф говорит, ты показываешь поразительно высокую успеваемость, учитывая… ну, сам знаешь, о чем я.

— Слушай, я не тупой, ясно? — вспылил Лука.

— Да я…

— Если хочешь знать, я учебу бросил вовсе не потому, что… Я вообще, если хочешь знать, даже выиграл грант на обучение в гимназии святого Веренфрида. Йоана была так счастлива! «Ты вытянул счастливый лотерейный билет, мой мальчик», — твердила она. Помню, в первый день всех учеников собрали после уроков в актовом зале: в полутьме тихо жужжал проектор, и на огромном, во всю стену, экране мелькали волшебные картинки: благочинные мальчики в отутюженной форме с двумя рядами серебряных пуговиц изучали в колледже морское дело. О, я готов был отдать правую руку, чтобы хоть ненадолго оказаться на месте любого из них! Потом фильм закончился, вспыхнул яркий свет, и директор произнес прочувствованную речь: мол, учитесь прилежно, дети, — каждый год лучший ученик выпуска получает грант на обучение в колледже за счет пожертвований попечительского совета гимназии, имена лучших из лучших навсегда выбиты в зале славы. В тот вечер я твердо решил: мое имя тоже должно быть там. И, надо сказать, учеба давалась легко. Только вот друзей в новой школе я так и не завел. Зато у меня появился свой фан-клуб: Большой Томас и его приятели каждый день подкарауливали меня после уроков, чтобы хорошенько поколотить. Иногда мне удавалось улизнуть — я прятался и выжидал, пока им надоест выслеживать меня. Однажды, когда я после очередной потасовки собирал высыпавшиеся из рюкзака учебники, вытирая разбитый в кровь нос, ко мне подошел парнишка. Худощавый, сутулый, невзрачный, старше меня на пару лет. Он помог мне подняться. Он не пытался как-то утешить или успокоить меня. Он вообще был неразговорчив. Как и я. Просто промыл и залепил пластырем ссадины — в его рюкзаке нашлась целая аптечка. «Ты — новенький, и еще не знаешь правил. Нельзя выделяться. Нельзя отвечать на уроке — по крайней мере, не каждый раз. Нельзя получать слишком уж высокие отметки. Иначе они не отвяжутся». «Плевать я на них хотел! — прошипел я. — Я поступлю в колледж и всем утру нос!» Он поднял на меня огромные печальные глаза. «Колледж — не для таких, как мы. Это сказки для маленьких. И чем быстрее ты это поймешь, тем меньше тебя ждет разочарований». Ссутулившись, он поднялся и ушел. Петер Фольк — так его звали. У него был самый высокий средний балл

в параллели, но в школьных коридорах его провожали только улюлюканье и тычки. Я старался обходить его стороной — мне и своих забот хватало. А однажды утром, подходя к гимназии, я увидел сгрудившихся людей. Дети испуганно перешептывались. Учителя безуспешно пытались оттеснить их за ограду, навести порядок. Где-то слышался звук полицейской сирены. Я протиснулся ближе и увидел распластанное тело Петера Фолька. Он спрыгнул с крыши, потому что устал терпеть насмешки и издевательства. И я понял, что если не сбегу прямо сейчас, то вскоре спрыгну с крыши сам. В моем мире быть умником — самая большая глупость.

# Глава 13

В следующие дни Лука почти не видел отца, как и Вольфа, который всюду сопровождал мессера, как серая тень. Весь заведенный порядок в резиденции разом изменился, словно переписанный безумным птичьим профессором, и совершенно сбитый с толку Лука уже не мог сообразить, пора отправляться спать или переодеваться к очередному торжественному приему, которые следовали непрерывной тоскливой чередой. Иногда он сбегал в сад, надеясь встретить Мию и перекинуться хотя бы парой слов. Лука так и не решился завести с ней разговор о глухоте, но Миа как-то почувствовала, что ему известно о ее болезни, и это так и не проговоренное обоюдное знание сплотило их, как заговорщиков. Частенько Лука приносил какую-нибудь безделицу, найденную во дворце Вагнеров. Ему нравилось, как распахивались ее глаза, когда она завороженно разглядывала сломанную музыкальную шкатулку, истрепанный томик со стихами или перчатки из тончайшего, как паутинка, кружева — старые вещи особенно притягивали ее. А еще Миа ужасно любила шоколад: положив в рот конфету, она мечтательно закрывала глаза и замирала. И никогда не выбрасывала фантик — аккуратно разглаживала его, складывала крошечного журавлика и прятала в карман желтого дождевика. Луке нравилось болтать с Мией о всяких пустяках, в шутку подтрунивать над ней. Но еще больше ему нравилось просто сидеть рядом и слушать, как она увлеченно рассказывала о музыке или цветах, которые распустились в саду — каждый раз она восхищалась этим, как чудом.

Когда Лука обмолвился, что Вольф запретил любые попытки связи с миром за пределами дворцового парка, именно Миа подала идею, гениальную в своей простоте. Каждую неделю в резиденцию приходила фура с разным хозяйственным инвентарем, и водитель, рыжий толстяк Марк, выполнял разные мелкие поручения персонала. Так что, раз уж вся электронная переписка под запретом, единственный вариант — отправить записку по старинке: черкнуть пару строчек на листке бумаги. Благо разыскать муниципальную клинику в Гамбурге несложно.

Лука так и сделал. Правда, оказалось, что рассказать в двух словах обо всем, что произошло за последние несколько месяцев, просто нереально, поэтому после долгих мучений он ограничился лаконичным: «Ма, у меня все норм. Скажи Флику, что в сентябре мы выходим в море». В ответ Йоана прислала многословное, сумбурное, полное заботы и тревоги письмо, которое он

перечитал несколько раз, прежде чем спрятать под стельку правого кроссовка.

После возвращения мессера торжественные приемы, званые ужины и светские рауты шли во дворце чуть ли не каждый день, сливаясь в сплошное мельтешение бледных лиц, вечерних туалетов, генеральских мундиров и фраков.

— Господин Лукас, советник Вагнер передал, чтобы вы заглянули в его апартаменты перед приемом.

Лука поморщился и неохотно оторвался от книги. Матиас провел его в западное крыло дворца, где Лука прежде не бывал, и оставил в респектабельном кабинете с большим рабочим столом и старой, еще довоенной, картой мира. За стеной раздавались отголоски спора, но слов было не разобрать.

Наконец боковая дверь приоткрылась.

— Тебе легко говорить, братец, не тебе же вступать в брак с замороженной рыбой! — раздался раздраженный голос мессера.

— К счастью, хосты лишены права заводить собственную семью, — Лука с удивлением заметил, как в голосе Вольфа, всегда сдержанном и спокойном, проскользнули нотки горькой иронии. — В качестве утешения могу лишь сказать, что по настоянию стороны невесты брачный контракт полностью исключает любой телесный контакт. А наследник будет произведен на свет из биоматериала по технологии защищенных генов.

— Вольф… А ты не думал, что раз уж оказалось, что Лукас жив и здоров, то, может быть…

— Герхард, я прошерстил все прошлое этой Йоаны Стойчев и ее окружения до третьего колена. Анника пропала пятнадцать лет назад. Полагаю, если бы она была жива и если бы желала, то уже дала бы знать о себе. Если не тебе, то хотя бы сыну, которого она оставила совершенно чужой, необразованной женщине.

Вольф быстрым шагом вошел в кабинет и, заметив Луку, осекся и плотно запер дверь в смежную комнату.

— А, ты уже здесь? Прекрасно. Сегодня важный вечер. Прибывает большая делегация из Чжунго. В зале для приемов будет настоящая толчея. Не спускай глаз с Тео ни на минуту, не отходи от него ни на шаг. Смотри, наблюдай, подмечай — как будто у тебя есть глаза и уши даже на затылке. Стань настоящим, истинным хостом — хотя бы на один вечер.

Когда Тео просунул голову в комнату брата, Лука с тоской смотрел на уродливый старомодный костюм, висевший на манекене. Вчера они под неусыпной опекой Матиаса битый час промаялись на финальной примерке, пока суетливый седой портной дрожащими пальцами смахивал невидимые пылинки

и восхищенно замирал, глядя на их отражение в зеркале. Кружевная манишка делала Луку похожим на дрессированного пуделя, а жесткий воротник фрака немилосердно впивался в загривок, вынуждая вытягиваться в струнку.

— Эй, ты что, еще не готов? — возмутился Тео. — У парадного входа уже настоящая пробка из лимузинов.

— Слушай, я что-то неважно себя чувствую — наверное, съел за обедом что-то не то…

— Ты шутишь? Вольф уже дважды спрашивал о тебе. Если мы не появимся через пять минут, он будет просто в ярости.

— Нет, правда, мне лучше не показываться гостям. Я обязательно где-нибудь напортачу. Перепутаю вилки на званом обеде. Или ляпну случайно что-то не то. Не хватало еще стать посмешищем перед всеми этими важными шишками.

— Да брось! Ты прекрасно справишься. Давай, не кисни, собирайся живее!

Обреченно вздохнув, Лука стал натягивать белоснежную сорочку, которая стояла колом, как будто вырезанная из картона.

— Ты в курсе, что мессер собирается снова жениться? — словно невзначай спросил он.

— Кто тебе сказал?

— Да так. Неважно. Так что, ты знаешь хоть что-то о будущей мачехе?

— Ее зовут Ли Чи. Говорят, она — ослепительная красавица. Получила блестящее образование, прекрасно разбирается в искусстве, музицирует и рисует миниатюры. Клан Ли — один из самых богатых и влиятельных в Азии. У нее одиннадцать старших братьев, так что неудивительно, что ее баловали как наследную принцессу. Она курирует благотворительные проекты, путешествует с гуманитарной миссией по самым бедным странам Азии и Африки.

— Ладно, посмотрим, что за фрукт, — пробурчал Лука.

Камердинер учтиво распахнул перед ними высокие двери зала для торжественных приемов, и Луку затопило лавиной битого света, тысячей осыпающихся осколков, вспышек и отражений — как будто он оказался внутри калейдоскопа, направленного на солнце. При появлении наследника мессера по нарядной толпе гостей пронесся легкий ветер шепотков. Тео расправил плечи, легко сжал руку брата и шагнул вперед. Легким кивком он приветствовал знакомых, с светской непринужденностью расточал комплименты дамам, на шеях которых поблескивали фамильные драгоценности, и медленно, но неуклонно продвигался в противоположный конец зала, где мелькал парадный мундир мессера. Луке не оставалось ничего

иного, как брести в фарватере, то и дело останавливаясь, пока брат обменивается рукопожатиями с седыми пузатыми жуками-плавунцами, закованными в старомодные фраки с блестящими лацканами. Мало-помалу гости вернулись к оставленным столикам с угощениями и прерванным на полуслове беседам, не выпуская из поля зрения юных Вагнеров.

— Опасайся стариков, они дергают за нитки ловчее прочих. В особенности не верь тем, кому перевалило за полторы сотни, а выглядят они на целый век моложе, — украдкой шептал Тео, продолжая приветливо улыбаться гостям.

Лука обвел взглядом толпу гостей, похожих на надменных императорских пингвинов. Свет тысяч свечей в старинных серебряных канделябрах дробился и рассыпался в высоких хрустальных бокалах с игристым вином, которые разносили на подносах кельнеры. Лука не мог отделаться от странного ощущения, что оказался на карнавале в ночь всех святых, и все эти разряженные господа с одутловатыми, мучнистыми лицами и вялыми рукопожатиями — трупы, на короткий срок, до рассвета, восставшие из могил. Улыбаются, болтают и жуют, но словно в полусне, навеки утратив что-то неуловимое — вкус к жизни, яркость чувств. И посреди бала ему то и дело чудился зловонный душок мертвечины. «Молчи. Смотри. Запоминай», — рефреном стучало в голове наставление Вольфа.

Тоскливо-безукоризненное течение званого вечера вскоре было нарушено: двери зала распахнулись, впуская многолюдную процессию. Четыре киборга высотой в полтора человеческих роста медленно внесли драгоценный паланкин, инкрустированный красным деревом, золотом и цветной эмалью. В свите преобладали люди с восточными лицами.

Толпа непроизвольно попятилась, расступаясь. Носильщики остановились и плавно опустили паланкин. Вытянув шею, Лука увидел из-за черных спин, как мессер Вагнер, учтиво склонившись, принял, как цветок редкой орхидеи, руку в белой атласной перчатке.

Позднее Лука, как ни бился, не мог воссоздать в памяти внешность Ли Чи целиком — только отдельные черты, которые ускользали, отказываясь сложиться в цельный образ. Она была одета во что-то золотое, алое, белоснежное — переливчатое, как наряд речной нимфы. Изогнутые, точно прорисованные графитовым стержнем брови — одна чуть выше другой, что придавало лицу чуть брезгливое, надменное выражение. Черные с сизым отливом волосы, блестящие, как вороново крыло, были уложены в сложную прическу. Кроваво-красные губы, как след от раздавленной вишни. Выбеленное фарфоровое лицо, казалось,

разобьется вдребезги, вздумай она рассмеяться или хотя бы улыбнуться. И все же Ли Чи была, вне всяких сомнений, самой красивой женщиной, которую Лука видел в жизни. Он не стал бы и пробовать угадать ее возраст. Молодость, как фильтр, маскирует недостатки и придает очарование свежести даже заурядным чертам. Красота Ли Чи, которая пренебрегла такой малостью, как время, была по-настоящему опасной. Безжалостной и холодной, как ограненный алмаз.

Луку подвели поприветствовать почетную гостью сразу же следом за Тео, и на секунду он ощутил в ладони ее маленькую руку, затянутую в шелковую перчатку, прохладную и безвольную, как мертвая птица. Лука не запомнил звука ее голоса и вообще не был уверен в том, произнесла ли она хоть слово за весь вечер. Но в тот краткий миг, когда их взгляды встретились, он почувствовал дурноту, словно его подвели к краю пропасти и наклонили над черной гулкой бездной.

# Глава 14

— Господин Лукас, просыпайтесь скорее, советник Вагнер распорядился, чтобы вы спустились к завтраку через пять минут!

— Я не голоден, — пробурчал Лука, нахлобучив на голову подушку.

— Покорнейше прошу извинить, но советник Вагнер категорически настаивает на вашем присутствии.

Камердинер бесцеремонно сдернул одеяло, и Лука сел, взбешенный и взлохмаченный, как филин.

— Да что вообще происходит?

— На завтрак изволил пожаловать господин Юнг. Я имел в виду — господин Штефан Юнг, советник мессера Манфреда Вагнера. Я имел в виду — прежнего мессера.

— Серьезно? А я думал, он не покидает своей берлоги.

— Так и было. То есть я имел в виду, что после того, как мессер Манфред Вагнер оставил этот мир, он не покидал стен резиденции старого мессера. Назвав мессера старым, я лишь имел в виду…

— Хватит уточнять, и так уже голова кругом!

Мелко семеня и то и дело сбиваясь с шага на легкую трусцу, Матиас проводил Луку в оранжерею, где был накрыт стол к завтраку. Советник Юнг едва заметно кивнул ему, словно в его внезапном визите ранним утром не было ровным счетом ничего необычного. Он капнул на тыльную сторону ладони меда, чтобы приманить одну из тропических бабочек, обитавших среди густых зарослей, и теперь с интересом разглядывал, как она опускает в липкую золотую каплю закрученный в спираль хоботок, вальяжно раскрывая и складывая вновь изумрудно-лазоревые крылья. Встретив встревоженный, недоумевающий взгляд брата, Лука пожал плечами и налил полную чашку дымящегося какао из пузатого серебряного кофейника.

Минутой позже появился и мессер в сопровождении Вольфа. Герхард раскинул руки для родственных объятий и расплылся в улыбке.

— Доброе утро, дорогой дядюшка! Признаться, я удивлен!

— Ну, ты же так и не выбрал времени, чтобы навестить старика, коротающего свой век в полном одиночестве и забвении. Так что пришлось мне самому растрясти старые кости.

— Каюсь, каюсь, — рассмеялся Герхард, шутливо отмахиваясь от упреков. — Последние несколько дней выдались просто сумасшедшими.

— Охотно верю, дружок, долетают разные слухи.

— Слухи?..

— Поговаривают, что ты не намерен возвращаться к западным рубежам.

— Да, это так.

Правая бровь Вольфа, который по обыкновению держался чуть позади брата, слегка изогнулась. Безупречно выглаженный костюм сидел на нем без единой морщинки, на гладко выбритом лице застыло вежливое внимание. «Интересно, он вообще спит? Или просто встает на подзарядку, как робот-андроид?», — рассеянно подумал Лука, помешивая какао.

А вот на лице мессера, напротив, отчетливо читались следы бессонной ночи. Сорочка, видневшаяся под наспех накинутым шелковым халатом в ханьском стиле, выглядела мятой и несвежей. Он вальяжно опустился на плетеное кресло, которое тихо скрипнуло под весом его грузного тела.

— Дядюшка, я и так слишком долго воевал. Все, что я видел в последние десять лет — одна лишь нескончаемая, бесплодная, тягостная война.

— Мессер не должен иметь ни других помыслов, ни других забот, ни другого дела, кроме войны, — в голосе советника Юнга прозвучало что-то, похожее на сочувствие. — Война — это единственная обязанность, которую он не может возложить на кого-то другого.

— Знаю, знаю. Мы закрепили границы, но дальше на запад уже не продвинуться. Прибывают все новые волны беженцев, гонимых голодом, нищетой и болезнями, они — как саранча, прожорливая и неистребимая. Стоило солдатам с боем занять очередной городишко, как туда стягивались толпы бедствующих, как мухи на падаль. Просили милостыню, клянчили объедки, за брошенную монету готовы были драться в дорожной пыли. А ночью перерезали весь гарнизон.

— Кажется, ты забыл один из главных уроков мессера Манфреда Вагнера: нет способа надежно овладеть городом иначе, как подвергнуть его разрушению. Всегда отыщется повод для мятежа во имя свободы и старых порядков, которых не заставят забыть ни время, ни благодеяния новой власти. И здесь нельзя останавливаться на полумерах.

На мгновение возраст советника улетучился, и он снова стал серым волком. Прямая спина, холодные, не знающие жалости глаза. Голос был, как всегда, негромким и ровным, но твердым, как сталь.

— Да, это так. И чтобы усилить наши позиции, я заручился поддержкой сильного союзника.

— Клана Ли?

— Да. Я веду переговоры о поставке армии киборгов, которых называют Неспящими воинами. Каждый из них стоит сотни обычных солдат.

— Мессер Манфред всегда придерживался позиции: пусть союзническое войско призывает тот, кто не дорожит победой, ибо оно куда опаснее наемного. Не истинна победа, которая добыта чужим оружием. Чужие доспехи всегда либо слишком широкие, либо тесные, либо чересчур громоздкие.

— Нам не выстоять в одиночку.

— Но какова цена сделки?

— Ли заинтересованы в беспошлинном торговом пути через Северное море в течение десяти лет.

— Но это же обеспечивает львиную долю поступлений в казну Ганзы.

— Я убежден, что мы придем к разумному компромиссу, выгодному для обеих сторон.

— Компромисс — это взаимный проигрыш. Всегда.

— В сложившейся ситуации иного выбора нет. Я готов переплатить за армию Неспящих, чтобы она не оказалась по ту сторону границы.

Старый советник прикрыл глаза и несколько мгновений помолчал.

— Торговля с Чжунго была всегда. Но брак, Герхард?..

— Это не моя прихоть, а вынужденная мера. Клан Ли требует твердых гарантий нерушимости союза. Это знак большой чести.

— Конечно, но может, стоило все же… — в последней попытке отстоять свою точку зрения произнес советник Юнг с нарочитой мягкостью.

Терпение Герхарда лопнуло.

— Я принял жезл мессера! И не нуждаюсь в непрошеных советниках, — отрезал он ледяным тоном.

Штефан Юнг осекся и смерил его долгим взглядом. Лука громко отхлебнул большой глоток какао и, обжегшись, закашлялся, но в его сторону никто не повернулся.

— А ты изменился, Герхард.

Советник медленно отодвинул чашку травяного чая, к которому он даже не притронулся, отвесил ироничный поклон и дал знак камердинеру, чтобы тот выкатил его кресло из оранжереи. Повисло тягостное молчание.

— Герхард… — начал было Вольф.

— Ох, хоть ты, братец, обойдись без обычных нравоучений и дай мне спокойно выпить чашку кофе.

— И все же. Не стоило так грубо. Юнг был нашим наставником с самого детства… И если бы не он…

— Но мы давно уже не дети, Вольф! Как мне требовать уважения и беспрекословного подчинения от магистратов и генералов, если я не добьюсь этого в собственной семье? Будь так любезен, донеси эту простую и, казалось бы, очевидную истину до старика. И проследи, чтобы его имени не было в списке приглашенных на свадебное торжество.

Вольф коротко кивнул, признавая не столько правоту, сколько власть брата.

# Глава 15

На следующий день на дворцовой площади был назначен торжественный смотр армии киборгов. Народ стал собираться еще с раннего утра. Играла бравурная музыка, развевались стяги с гербами магистратов Ганзы, бюргеры покупали с лотков карамельные яблоки и пунш. Без четверти двенадцать по главному проспекту двинулась длинная колонна черных бронированных фур. Выстроившись в линию, они растянулись на три квартала, полностью перекрыв движение транспорта.

Когда минутная стрелка замерла за пять делений до полудня, двери с тихим шипением открылись, и из фур начали выпрыгивать киборги в боевом снаряжении. Ровным строем они промаршировали на площадь и выстроились в каре. Бесшумно спланировавший аэромобиль доставил Ли Чи и двух ее советников. По случаю парада ханьская принцесса была одета в черный брючный костюм простого кроя.

Как только ее крохотная ножка ступила на брусчатку, музыка, запнувшись было, заиграла еще громче. Ветер стих, знамена и вымпелы безвольно опали. На лицах людей, еще недавно полных радостного ожидания, читались страх и враждебность. Где-то безутешно заплакал младенец. Часы на дворцовой площади мерно пробили двенадцать раз.

Оркестр грянул в литавры и медные трубы, мессер Герхард Вагнер и Ли Чи в окружении генералов в форменных мундирах неспешно двинулись вдоль строя. Вольф, Лука и Тео наблюдали за парадом, стоя на украшенной лентами трибуне.

— Титановый экзоскелет, сращенный с искусственным интеллектом, — пояснял на ходу один из советников ханьской принцессы. — Командующий может в мгновение ока внедриться в сознание любого из солдат, увидеть поле боя с множества разных точек. Солдат-киборг безоговорочно предан, не задает вопросов, исполнит с расторопностью и точностью любой приказ — даже тот, который означает верную гибель.

Во взгляде мессера проскальзывало горделивое удовольствие мальчишки, выстроившего на паркетном полу гостиной коллекцию оловянных солдатиков.

— Армия безупречных солдат, не знающих страха, не нуждающихся в сне, не страдающих от голода и жажды. Это ли не торжество науки и технологий? — улыбнулась Ли Чи.

После того как мессер поднялся на трибуну, чтобы произнести короткую речь, Вольф с племянниками подошел поприветствовать Ли Чи.

— Поистине впечатляющее и устрашающее зрелище, госпожа Ли. Полагаю, у армии Неспящих будет не так много случаев проявить себя в бою: противник бросится наутек, как только увидит эти убийственные машины.

Ли Чи слегка склонила голову, скромно принимая похвалу.

— Война — великое дело для государства. Это почва жизни и смерти. Но без явного перевеса сил лезвия мечей притупляются и копья обламываются. Одержать победу в ста сражениях не так прекрасно, как покорить чужую армию, даже не вступая в бой. Не так ли, молодой Вагнер?

Тео стал пунцовым и пролепетал что-то невнятное.

— Поверь, это лишь малая толика военной мощи Чжунго, — произнесла Ли Чи, обращаясь к юному наследнику клана, но скорее адресуя слова Вольфу. — И в свете грядущего союза наших семей я вижу своим долгом показать наследнику клана Вагнеров все великолепие Поднебесной империи.

Тео бросил быстрый взгляд на Вольфа, словно для того, чтобы убедиться, что не ослышался и все это происходит наяву.

— Вы предлагаете отправиться в путешествие?

— По всему континенту, от океана до океана, если только мое скромное общество не наскучит тебе за время пути, — рассмеялась Ли Чи. — Так что?

— С огромной радостью! То есть… если только отец не против, конечно, — осекся Тео.

— Не сомневаюсь, что мы с твоим дядюшкой найдем веские доводы, чтобы убедить его, — улыбнулась Ли Чи.

Вольф коротко кивнул, сохраняя невозмутимое выражение, и только Лука заметил, как побелели костяшки его пальцев, которые он сложил в замок за спиной.

Едва стемнело, Лука вышел в сад, чтобы подышать ночным воздухом, вытряхнуть из головы все пустые разговоры и сутолоку прошедшего дня и, если повезет, увидеться с Мией. Он по привычке избегал хорошо освещенных дорожек, предпочитая пройтись по мягко пружинящему под ногами газону. Мию он встретил у старого колодца. Ему показалось, что она чем-то огорчена, но на все его вопросы она только тихо качала головой.

— Ты уже видела лиловые лотосы, которые распустились в маленьком прудике там, в восточной стороне парка?

Она снова покачала головой, он протянул руку и увлек ее за собой. В воздухе плыл густой, тягучий аромат сирени и белой акации — в дворцовом парке их цветение не ограничивалось парой недель в конце мая, а растягивалось на все лето, до первых заморозков. В лунном свете все казалось покрытым легчайшим серебряным напылением. Держась за руки, они бежали по траве,

вздымая в черное небо искры светлячков, и Миа тихо посмеивалась от счастья. Услышав в отдалении чужой разговор, Лука замер и насторожился.

— … да ты никак с ума сошел, братец?!

Лука узнал раздраженный голос мессера. Он приложил палец к губам, и они укрылись в густой тени кустов сирени, которые росли вдоль дорожки.

— Клан Ли может стать крайне опасным противником, Герхард. Смертоносным. Я давно наблюдаю за тем, как Чжунго прощупывает почву и, стоит отвернуться, откусывает по кусочку — не слишком много за раз, чтобы не спровоцировать войну. Империя Чжунго расползается, как раковая опухоль. Нам не устоять в открытом столкновении. К тому же на западной границе в последнее время неспокойно.

— Да знаю, знаю… Даже с небольшим отрядом Неспящих я в два счета выбью грязных оборванцев с западных окраин. Но как мне отдать в заложники узкоглазым единственного сына, Вольф?

Лука напряженно вслушивался. Густые ветви мешали Мии читать по губам, да и мессер с советником находились слишком далеко, поэтому она лишь с все возрастающим беспокойством переводила взгляд с их фигур на Луку и обратно.

— Во-первых, не единственного…

— Да, кстати, если уж ханьской принцессе приспичило привезти в качестве сувенира наследника мессера далекой северной страны, почему бы не предложить ей Лукаса?

Лука усмехнулся. «Вот — настоящая отеческая забота, — с горечью подумал он. — А может, посадить меня на золотую цепочку и преподнести в дар Ли Чи, как дрессированную обезьянку?»

— Второй сын, тем более недавно обретенный, не погруженный в дела семьи, не владеющий фамильной силой? Боюсь, ее безмерно оскорбит подобное предложение. Все равно что в шахматной партии обменять ладью на пешку.

«Они обсуждают меня, как… вещь. Как собственного раба… Мерзавцы», — ярость поднималась горячими толчками, как бьющая из раны кровь, стучала в висках и туманила голову.

— Лукас — не пешка. Как ни крути, он Вагнер по крови.

«Будьте вы прокляты. Оба», — с ненавистью прошептал Лука. Вольф остановился и положил руки на плечи брата, всматриваясь в его лицо.

— И тем не менее. Взгляни на это с другой точки зрения, Герри. У Тео — настоящий дар: видеть, слышать, подмечать все, что происходит вокруг. Выстраивать логические связи и находить недостающие звенья. Люди без всякого принуждения

выбалтывают ему свои секреты, о которых молчали бы под страшными пытками. Просто потому, что он — чертовски славный малый, с которым так легко и приятно перекинуться словечком. Если Тео будет принят в клане Ли, мы будем в курсе всех их планов, перестанем ползти наугад, как слепые щенки. В эпоху Карла Великого королевские дома обменивались детьми, чтобы принудить сохранять добрососедские отношения. Иногда в старых традициях заложена мудрость.

— Речь о моем сыне, Вольф, — устало сказал мессер.

Но Лука уже понял: победа в споре останется за Вольфом.

— Тео и мне как сын, ты же знаешь. Но наследник мессера не волен выбирать судьбу. Он подчиняется необходимости.

— Когда сильные мира сего говорят об оправданной цене, можно быть уверенным только в одном: платить по счетам придется кому-то другому… Что ж, пусть будет так, — глухо сказал он. — Но если он откажется, не рассчитывай, что я буду пытаться переубедить или принудить его.

Звук удаляющихся шагов стих. Миа жадно всматривалась в лицо Луки, словно надеясь прочесть там все, о чем мессер беседовал со своим советником в ночном парке. Лука натянуто улыбнулся, хотя его переполняла жгучая, неизбывная тоска.

— Эти подонки только что продали Тео, Миа. Теперь он в руках ханьской кобры.

# Глава 16

Три недели свадебных торжеств превратились для Луки в дурной сон — монотонный, утомительный и лишенный всяческого смысла. Тео он почти не видел: мачеха практически не выпускала его из цепких лапок, превратив в услужливого пажа на светских приемах и раутах. И Тео, кажется, был неимоверно счастлив и горд броситься исполнять ее очередную прихоть. Лука только скрипел зубами, видя, как Ли Чи с благосклонной улыбкой принимает из рук брата бокал чистой воды, оброненную шелковую перчатку или веер.

Против ожиданий отца, Тео и в голову не пришло отказаться от дипломатической миссии, призванной укрепить связь между семьями. Более того, он воспринял это предложение с огромным энтузиазмом и радостью.

Вечером накануне его отъезда Лука зашел, чтобы проститься, но разговор вышел скомканным и сумбурным. Тео тараторил без умолку, все время поглядывая то на часы, то на дверь, которая так и осталась приоткрытой, и было заметно, что в мыслях он продолжает упаковывать последние чемоданы и сверяется со списком, чтобы ничего не забыть. Лука крепко обнял брата на прощание.

— Я страшно рад, что ты счастлив, Тео. Нет, правда. Хотя мне совершенно не по нутру эта Ли Чи.

— Да, я тоже поначалу отнесся к ней с опаской. Но она только кажется холодной и властной. На самом деле она чудесная. Смешливая. И очень любит сладости. Оказывается, девочек в Чжунго воспитывают в ужасной строгости, с кучей невообразимых, глупых запретов. К примеру, она не может съесть при посторонних ни кусочка. Однажды на балу она призналась, что ей отчаянно хочется попробовать пирожные. Я стащил для нее целое блюдо. Она была так счастлива!

Лука только недоверчиво хмыкнул.

— А вообще, знаешь, что самое поразительное? За все это время я так и не смог прочесть ее, как ни пытался. Она закрыта, как морская раковина. Но не от недоверия или мнительности — их учат блокировать поток сознания от чужого вмешательства еще в детстве, чтобы это вошло в привычку. И это… так странно, необычно. И тем увлекательнее разгадывать ее, наблюдая за тем, как она улыбается, взмахивает веером, поправляет складки кимоно…

— Это все славно, конечно. Одного не могу понять: зачем ты отдал ей фортепиано матери? Мне казалось, ты дорожил им.

Тео, которого вопрос застиг врасплох, смешался.

— Это всего лишь инструмент, не более того. Здесь он все равно пылился без дела. А Ли Чи найдет ему применение — она прекрасно играет. По-настоящему виртуозно.

— Ну разумеется. Совершенство, с какой стороны ни взгляни.

— Если бы тебе посчастливилось провести с ней чуть больше времени, ты бы и сам убедился, что это самая умная, образованная, тонко чувствующая женщина…

— О, да тут кто-то, как я вижу, совсем потерял голову. Возможно, мачеха слишком поспешила и выскочила не за того Вагнера? — произнес Лука с насмешливой улыбкой.

Тео вскочил. На его скулах проступили красные пятна, а лицо застыло, как каменная маска.

— Что ты сказал? — выдавил он.

— Тео, ты славный малый. И я просто хочу предостеречь, чтобы ты не слишком-то обольщался насчет этой ослепительной красавицы.

— Я не нуждаюсь в твоих советах.

— Да не кипятись ты. Ты же рос здесь, в резиденции, как цветочек в оранжерее, и дальше собственного носа не видишь. Она сожрет тебя живьем, как удав кролика, и не подавится.

— Я не кролик. Я наследник мессера Ганзы, — отчеканил Тео.

— Ну да, разумеется. А я — даже не твой хост. Так, никто, безродный бродяга из портового города. Но иногда мне кажется, что я — единственный, кому не все равно, что ты рискуешь оказаться в заложниках ханьской мафии, отправляясь в это треклятое путешествие.

— Отец поручил мне важную миссию: представлять интересы семьи перед ключевыми бизнес-партнерами на Востоке. Это не детские шалости. Это то, к чему я готовился много лет.

— Да пойми же наконец: Вагнеры и Ли используют тебя в своих грязных играх, как разменную карту. Не будь дураком!

— Мне пора. Прощай, Лука.

Лука с тяжелым сердцем вышел в парк. Небо было обложено свинцовыми тучами, и в душном воздухе чувствовалось приближение грозы. Он долго бродил по дорожкам, распинывая белоснежную мраморную крошку от переполнявшего его чувства безысходности, пытаясь выместить овладевшие им злость и отчаяние, пока не заметил склонившуюся над разрытой клумбой знакомую фигурку в ярко-желтом дождевике не по размеру.

— Миа!

Заметив его, она отвернулась и торопливо вытерла тыльной стороной ладони мокрые ресницы, оставив на лице грязные

разводы. Лука наклонился, чтобы достать из тачки уродливую луковицу, из которой уже проклюнулся тугой зеленый кончик стебля.

— Марк не привез новых писем из Гамбурга? — с деланным равнодушием произнес он.

— Да, вот, держи, — Миа достала из кармана сложенный в крошечный квадратик лист, который оказался наспех исписанным регистрационным бланком клиники. Почерк, несомненно, был Йоаны, но, вопреки ее всегдашней аккуратности, строчки наползали друг на друга, а буквы прыгали и испуганно жались друг к другу.

— Давно пришло письмо?

— Дня три назад. Плохие новости? — встревоженно спросила Миа, увидев, как изменилось его лицо.

— Да, не слишком радостные. Ма пишет, что не видела Флика уже несколько недель. По словам соседей, всю его семью переправили куда-то к южным окраинам. Как и многих других в том районе, где мы живем. Это, видимо, та самая программа переселения, о которой говорил мессер. На границах должны появиться новые города. Йоана и сама собралась уезжать из Гамбурга: в полевых лагерях переселенцев отчаянно не хватает медиков и лекарств. Она же сама еле на ногах стоит, это ее просто доконает!

— Нам с дедушкой тоже пришло предписание.

— Что? Ты серьезно?! Но он же лучший садовник дворцового парка!

Миа опустила голову, разглядывая носки красных резиновых сапог.

— Он места себе не находит. Он прикипел сердцем к этой земле. Я боюсь, что он погибнет, как дерево, вырванное с корнем. Но ничего не поделать.

— Да брось, я поговорю с мессером. Или с Вольфом. Вы должны остаться во дворце.

— Не надо! — Миа испуганно схватила его за руку.

— Нет, надо.

— Лука…

— Я не позволю им вышвырнуть вас.

Поняв, что ей не переспорить, Миа только вздохнула.

Услышав просьбу Луки, Вольф настрого запретил ему докучать мессеру, занятому большими государственными делами, разговорами о жалком старом садовнике и его внучке. Луку ждало и еще одно горькое разочарование: отъезд Тео вовсе не разорвал их с дядей контракт, а, наоборот, сделал его бессрочным. Вольф ясно дал понять: до возвращения наследника

мессера из Чжунго и речи не может быть о том, чтобы Лука покинул дворец. Советник распорядился, чтобы второго сына мессера обеспечили надежной охраной.

— Иными словами, ваши уверения, что я совершенно свободен в своем выборе, не стоят и ломаного гроша? Теперь я под арестом? — еле сдерживая ярость, произнес Лука. Он усмехнулся, вспомнив, что задал ровно тот же вопрос, что и полгода назад, когда он впервые переступил порог резиденции Вагнеров. Неужели прошло всего полгода?

— Разумеется, нет. Наш договор все еще в силе. Все это — забота о твоей же безопасности.

— Я больше не верю вам. Ни единому слову. Я не больше собираюсь плясать под вашу дудку, ясно? И мне не нужны ваши поганые деньги, — Лука выплюнул в лицо Вольфу слова, которые копились в его душе последние дни. Он сыт по горло их лживыми речами. Он больше не боялся гнева советника мессера. И не собирался играть чужую роль — ни минутой больше.

— Хорошо. Я разрываю наш контракт. Ты свободен, — холодно бросил Вагнер.

Лука не верил своим ушам. Что-то в тоне советника мессера заставило его насторожиться. Вольфганг Вагнер — не из тех, кто милостиво выпускает добычу из сомкнутых челюстей.

— Да, кстати, я немного навел справки. Йоана тяжело больна. Саркома. Без должного лечения ей осталось немного — год, в лучшем случае — два. Болезнь будет пожирать ее изнутри, она будет задыхаться и выхаркивать кровавые ошметки своих легких. Сожалею.

Лука стоял, пораженный, не в силах вымолвить ни слова. Звук голоса Вагнера стал приглушенный, словно произнесенное им долетало сквозь плотную пелену тумана.

— Разумеется, в клинике доктора Крау…

— Я согласен, — оборвал его Лука, не дослушав.

Вольф щелкнул пальцами, и к ним приблизилось трое крепких парней. Лука не знал их имен, но лица показались ему смутно знакомыми. Темно-синие костюмы строгого кроя, как у служащих магистрата, а походка уверенная, пружинистая и взгляд — цепкий, как репей.

— Да, и вот еще что, — Вольф достал из внутреннего кармана квадратный плоский футляр и аккуратно раскрыл его. На бархатной обивке лежал стальной браслет. Вольф с сухим щелчком замкнул его на правом запястье Луки. Металл, плотно обхватывая руку, приятно холодил кожу. Внезапно по руке полыхнуло белым пламенем боли. Лука пошатнулся. Он согнулся пополам, зажав руку между коленей — однажды он видел

документальный фильм, где волк, пойманный в капкан, отгрыз собственную лапу, чтобы вырваться на свободу, и сейчас он, кажется, прочувствовал отчаяние и тоску дикого зверя.

— Черт возьми, что это?

— Новейшая ханьская разработка. Браслет внедрил под кожу микроагентов. Ли Чи предупредила, что ощущения в первые минуты… несколько болезненные, — Луке почудилось, что голосе Вольфа проскользнуло вовсе не сожаление, а скрытое предостережение. — Онемение пройдет через несколько часов, когда датчики интегрируются с нервными импульсами.

Он почувствовал, как на правое плечо опустилась тяжелая ладонь охранника. Руку вновь охватило неистовое ледяное пламя.

— Через пятнадцать минут в вашем расписании лекция по военной истории Древнего мира, господин Вагнер, — сказал телохранитель. — Самое время выдвинуться в сторону аудитории.

Покачиваясь от пульсирующей боли, от которой перед глазами плыло облако черных мошек, Лука проследовал в лекционный зал.

— Ты была права, — упавшим голосом сказал он при следующей встрече с Мией. — Мне не удалось переубедить Вагнера. Скорее, советник мессера не отсрочит, а ускорит вашу депортацию — назло мне. Прости, я только все испортил.

— Здесь нет твоей вины. Все к этому шло, так или иначе. И дедушка даже воспрял духом: собирается показать мне места, где прошло его детство.

— Если ты уедешь, мы больше никогда не увидимся. Вольф обвел меня вокруг пальца, украл мою жизнь, мои мечты. Я собирался в сентябре поступить в мореходку, я готовился несколько лет, впахивал на сломе, как проклятый, чтобы заработать на учебу. А теперь все прошло прахом.

— Никто не может украсть твою мечту.

— Я пропустил экзамены и потерял целый год. Сомневаюсь, что я вообще когда-нибудь выберусь отсюда… Я здесь как в тюрьме.

Мия помолчала.

— Давно, еще до болезни, я мечтала стать балериной. Представляла, как выпорхну в луче софита на темную сцену — невесомая, как белый лепесток орхидеи. Музыка все время звучала во мне. Она и сейчас звучит, когда все остальные звуки стихли. И ее никто не отнимет.

Спустя несколько дней Луке удалось выбраться в сад во время получасового перерыва между лекциями. Разумеется, в компании настороженных, как бойцовские псы, охранников,

которые отслеживали теперь каждый его шаг. Он вытягивал шею, надеясь увидеть желтую непромокаемую куртку, за которую в шутку дразнил Мию резиновым утенком. На разрытых клумбах, у живой изгороди и на берегу прудика с медленными лупоглазыми карпами занимались своим делом, не поднимая головы, десятки садовников. Но ни Мии, ни старого Вана среди них не было. Не встретил он их и на следующий день, а когда попытался расспросить других садовников, те отводили взгляд и молча качали головой.

# Глава 17

Минул август, а за ним и сентябрь, и потянулись серые осенние дни с монотонным дождем. После того как Вольф заковал его в браслет, Лука демонстративно бойкотировал занятия медитацией, и советник мессера, убедившись, что принуждение в данном случае совершенно бессмысленно, отступился. Отчасти в пику дяде, отчасти — чтобы хоть на несколько часов избавиться от неусыпного надзора, Лука стал едва ли не каждый день бывать в особняке советника Юнга. Телохранителям, которые превратились в его персонального трехголового Цербера, доступ туда был закрыт. Слово советника легендарного мессера еще что-то значило.

Обычно Лука почти наугад вытягивал с полки книгу и усаживался поближе к огню. В его распоряжении был час, а то и два, пока браслет на правой руке не начинал нагреваться и покалывать кожу мелкими электрическими иглами: так телохранители напоминали о том, что время родственного визита истекло.

Обычно тишину кабинета нарушали только шепоток прогорающих в камине дров и вкрадчивый стук, с которым фигуры шагали по шахматной доске. Старый советник если и вел беседы, то определенно отвык делать это привычным для всех остальных людей способом. Лука фамильной способностью так и не овладел. Иногда он, как учил Вольф, пытался настроиться на нужную волну, но это требовало колоссального, запредельного напряжения и концентрации — как будто вслушиваешься изо всех сил, пытаясь разобрать тихое невнятное бормотание сквозь шипение и треск радиопомех. Спустя пару минут голова просто разламывалась от боли.

Случалось, Лука невидящим взглядом смотрел в тлеющие угли камина или на раскрытую страницу, в то время как мысли блуждали далеко. Он думал о тысяче вещей сразу: о Флике и его застенчивых и смешливых темноглазых сестрах, о том, как в его доме всегда чудесно пахнет свежими лепешками и жгучим карри, о том, как надсадно кашляла Йоана на излете зимы, о певучих ладонях Мии и о том, с каким внимательным и серьезным лицом она слушала, даже когда он нес всякую околесицу. И о Тео, конечно. Который за все эти дни не нашел свободной минутки, чтобы отправить хотя бы короткое сообщение. А ведь, как ни крути, весь этот сыр-бор с переселением неганзейцев разгорелся в том числе и по его вине. Если бы он не был настолько глуп и самонадеян, жалкой шайке незадачливых грабителей вряд ли

удалось бы похитить его средь бела дня и держать в заложниках несколько месяцев. Странно, что даже хитромудрому Вольфу не удалось выйти на след похитителей. А может, все дело в том, что он не слишком-то и старался?..

«А вот это интересная мысль», — прозвучал в его голове вкрадчивый голос Штефана Юнга. Лука вздрогнул и обернулся: советник старого мессера со скучающим видом раскладывал бесконечный карточный пасьянс. «Это моя любимая игра. Она называется: «А что, если…». Правила простые: разбирая запутанную ситуацию, надо очертить круг всех тех, кто может быть косвенно заинтересован в том или ином исходе дела, а затем предположить самые отвратительные мотивы и поступки. Как ни удивительно, почти все предположения оказываются не так уж далеки от истины. Так что: кто мог быть заинтересован в исчезновении Тео — на какое-то время, а может, и навсегда?».

«Вольф», — предположение зрело уже давно и сейчас упало в его ладонь, как спелое яблоко.

«Мотив?»

«Тогда после смерти мессера власть и семейный капитал перешли бы к нему. Хоть он и твердит, что никогда не задумывался об этом, я ему не верю. Больше не верю».

«Прекрасно. Еще?»

«Ли Чи. Чтобы мессер был более сговорчивым при обсуждении закупки армии киборгов и отказался от пошлин за проход судов по Северному морю».

«Еще?»

«Это мог быть сам мессер. Возможно, он давно вынашивал идею о переселении всех неганзейцев на периферию, и похищение наследника стало хорошим, веским, прямо-таки железобетонным доводом, не вызывающим споров. Поэтому похитители не требовали выкупа и не причинили Тео вреда».

«Еще?»

«Не знаю, это же мог быть кто угодно! Даже вы».

«Мотив?»

«Ну, предположим, вы не любите мессера или даже самого Тео и просто хотели им насолить».

«Еще?»

«Говорю же: у меня больше нет вариантов!»

«Между тем ты забыл еще одного важного персонажа. Это мог быть ты».

«Я?!»

«Ну да. И здесь мотив прослеживается особенно легко: потерянный сын, который случайно узнает о своем происхождении и, ослепленный завистью к удачливому брату-

близнецу, назначает ему тайную встречу и устраивает похищение. Возможно, он намеревался получить огромный выкуп, которого хватит до самой смерти, но не исключено, что в его голове были и мысли о том, чтобы выдать себя за наследника мессера и занять его место».

— Что?! — Лука вскочил на ноги. От возмущения его лицо пылало. — Но это же полная чушь!

«Ну же, тише, мой мальчик, тише! Это же всего лишь игра», — прошелестел в его голове насмешливый голос советника Юнга.

Советнику старого мессера понадобился не один десяток лет, чтобы отточить мастерство плести паучьи сети. Бесконечные интриги генералов и политиков, жадных до денег и власти, уже не занимали его как прежде, не будоражили мозг, не заставляли уставшее сердце биться чаще. Оставался лишь ледяной рассудочный страх, что смерть принесет не облегчение, а неизбывное однообразие, что он будет навечно замурован в своем обессилевшем, иссохшем теле, слепом, глухом, бесчувственном. Вечная серость. Безнадежный цвет, который вызывал мучительное содрогание. Уже не далек тот день, когда разум, которым он всегда так гордился, отступит, побежденный, перед неумолимым нашествием серого. Но пока он все еще в игре. И в рукаве по-прежнему припрятана пара козырей. Мысли об этом маленьком волчонке, которого он давно сбросил со счетов и который невесть откуда появился в самый непредвиденный момент и спутал все карты, царапали холодный мрамор разума Штефана Юнга, советника легендарного мессера Манфреда Вагнера, в сравнении с которым его отпрыски казались пигмеями.

В один из сумрачных ноябрьских дней, когда, казалось, солнце так и не поднялось над горизонтом, чтобы развеять лиловые сумерки, раздался легкий стук и в кабинет проскользнул чопорный камердинер. Лука оторвался от чтения и навострил уши. Советник Юнг, едва не впавший в летаргический сон за партией в шахматы, двумя пальцами, как дохлую рыбу, приподнял с серебряного подноса запечатанный конверт с черной окаемкой. Камердинер, склонившись, бесшумно удалился. Быстро пробежав послание, старый советник уронил лист на ломберный столик и задумался.

— Что-то случилось?

— Мессер мертв.

— Что?!

Лука бросился к столику и схватил письмо. Строки прыгали у него перед глазами: «… скоропостижно скончался… сердечный

приступ…».

— Этого просто не может быть, — прошептал потрясенный Лука, пытаясь припомнить, когда видел мессера в последний раз — два или, может, три дня назад? — И что же теперь будет?

— Как раз здесь все предельно ясно. Вольфганг станет регентом — по крайней мере, до совершеннолетия Тео. Надо признать, он пользуется большой поддержкой во властных кругах. Даже представители враждующих кланов сходятся во мнении, что он — правитель с государственным мышлением. И, главное, договороспособный. Подчиняющийся доводам разума дипломат, а не хвастливый, подверженный внезапным вспышкам гнева солдафон, каким был его распрекрасный братец. Так что, полагаю, его назначение не вызовет никаких споров. Даже ханьская принцесска его поддержит, чтобы удержать Северное море.

— Но… Вольф всегда говорил, что не мыслит себя в роли мессера.

Советник Юнг усмехнулся.

— Он давно вынашивал идею государственного переворота. Полагаю, именно он стоит за похищением наследника.

— Что?..

— А как иначе объяснить, что похитителям удалось благополучно миновать все посты охраны, а потом несколько месяцев водить за нос ищеек и полицию? Эти глупцы просто следовали его инструкциям, пока Тео не соблазнил их шансом сорвать куш. Скорее всего, Тео о чем-то догадывался, поэтому и воспользовался шансом ускользнуть из Ганзы. Полагаю, и тебе не стоит возвращаться во дворец.

— Мне? Но я никогда ни на что не претендовал. И не собираюсь. Все, о чем я мечтаю, — поскорее закончить всю эту историю. И Вольфу прекрасно это известно — даже трех амбалов приставил, чтобы я не сбежал.

— Сегодня не претендуешь, а завтра… В мире нет ничего, в чем можно было бы быть твердо уверенным, кроме собственной смерти.

Лука метался по кабинету, а советник старого мессера напряженно обдумывал что-то.

— Пожалуй, я помогу тебе и внесу сумятицу в планы Вольфа. А пока извещу, что ты до глубины души потрясен случившимся и побудешь до похорон здесь, со мной.

Разыскать специалиста, который не только извлечет микрочипы с датчиками биометрии и слежения, но и запараллелит несколько датчиков, чтобы отправить их в разные концы страны, обладая связями советника мессера, пусть

и вышедшего в отставку, оказалось не так уж сложно.

— Занятная вещица, — задумчиво произнес советник Юнг, рассматривая микрочип. — Несколько лет назад мы горячо поспорили с Вольфом насчет правомерности их массового использования. И в то время хост мессера выступал ярым противником этой технологии. Как видно, он изменил свои взгляды. Знаешь, в чем принципиальное отличие от айдибраса?

— Что нарушителей режима можно мгновенно вырубить ударом тока?

— О, не только. Хотя в иных ситуациях это может оказаться весьма полезным свойством… С помощью айдибраса можно накапливать и анализировать огромные, колоссальные потоки данных о том, как и чем живет каждый человечек в гигантском муравейнике: распорядок его дня, привычки, предпочтения, сферы интересов, источник заработка и повседневные траты, круг знакомств, привычные маршруты… Но все это — лишь внешние проявления личности. А это, — старый советник поднес чип ближе к глазам и близоруко прищурился, — это ключ к сознанию, которое контролируют, как известно, выбросы гормонов. Ведь человек — всего лишь биологическая машина. Он может сохранять невозмутимый вид, но всплеск кортизола, дофамина или тестостерона выдаст его истинные чувства и намерения.

— Но зачем влезать под шкуру? Разве для поддержания общественного порядка недостаточно того, что установленные повсюду камеры и полицейские дроны мгновенно фиксируют преступления, а Эфор выдает полное досье на нарушителя?

— Чипы позволяют не засвидетельствовать преступления, а предотвратить их. А началось все, кстати, после очередной эпидемии: правительство Чжунго обязало каждого вместе с вакциной имплантировать биометрический чип, который отслеживает сердцебиение, температуру и кровяное давление. Специальные алгоритмы сигнализировали о том, что человек стал потенциальным разносчиком инфекции, еще до того, как он сам чувствовал недомогание. А также собирали информацию о том, где он был за последнее время и с кем контактировал. Это позволяло резко укоротить цепочки инфекции и купировать новую волну эпидемии за несколько дней. Пока звучит замечательно, правда? Наверное, поэтому в то время мало кто обеспокоился, что правительство получило полный доступ к информации о том, что заставляет того или иного человека смеяться или плакать, что злит или вызывает страх. Ведь гнев, радость, скука и любовь — это тоже биологические проявления, как и лихорадка или кашель. Досконально изучив механизмы возникновения той или иной эмоции, можно вызывать ее в любое

время, по заказу.

— Неужели совсем никто не протестовал, что ему влезли в голову?

— О, разумеется, изначально биометрическое наблюдение преподносилось как временная мера, только до того момента, пока не исчезнет риск новой волны эпидемии. Но, как известно, любые временные меры имеют неприятную привычку переживать чрезвычайные ситуации. Кроме того, на горизонте всегда услужливо маячит новая угроза…

Лука потер правое запястье, ощущая его непривычную легкость.

— Куда планируешь отправиться? — безучастно спросил советник Юнг.

— Пока не знаю. Наверное, к морю. Но сначала я хотел бы увидеться с матерью. Только не уверен, что она по-прежнему в Гамбурге: насколько мне известно, она собиралась стать медсестрой в одном из лагерей переселенцев где-то на южной границе.

— В таком случае иди к восточным воротам, смешайся с толпой переселенцев, двигайся все время на юг, пока не пересечешь границу Ганзы. В Новой Баварии, неподалеку от Фрайбурга, разбит временный лагерь для интернированных. Вон там, на ломберном столике, в конверте предписание о перемещении, выписанное на чужое имя, и айдибрас. Денег на счету достаточно, но настоятельно советую не швырять их направо и налево, чтобы не привлекать лишнего внимания.

— Почему вы мне помогаете? — помолчав, спросил Лука.

— Может, мне просто скучно и хочется немного поддразнить Вольфа, который забыл о долге перед семьей? — усмехнулся Юнг.

— Он наверняка пустит по следу ищеек, чтобы разыскать меня и вернуть в Бремен. Не пройдет и двух дней, как он вычислит и переловит всех курьеров с чипами-дублерами.

Старый советник пожал плечами.

— Волк бежит за обедом. А заяц бежит от смерти. Так кто же из них не пожалеет сил, чтобы бежать быстрее?..

# Глава 18

Следующие несколько дней слились в бесконечную монотонную тряску в переполненном вагоне. Несколько раз в сутки — и обязательно хотя бы раз за ночь — поезд останавливался, в вагон заходили люди в военной форме, которые проверяли предписания и сканировали айдибрасы, дергая переселенцев с места на место, перетасовывая, как карты в крапленой колоде.

Лука избегал заговаривать с кем-то из попутчиков и держался отстраненно. Известие о смерти мессера воодушевило многих переселенцев, даровав робкую надежду на то, что им будет разрешено вернуться в обжитые места. Все разговоры, так или иначе, в конце концов сводились именно к этому.

Как-то на рассвете, когда Лука дремал, приткнувшись к пахнущему мокрой собачьей шерстью чужому баулу, его грубо растолкали и вывели на полустанок. Утро было сырым и промозглым, в низине стелился липкий туман, обкладывая рваными клочьями ваты деревья и кусты. «А в Гамбурге, наверное, уже выпал снег», — подумал Лука. Он поежился, прогоняя остатки сна, и засунул озябшие руки поглубже в карманы. Сошедших с поезда — около полутора сотен человек — рассадили по автобусам.

— Внимание! — объявил военный, когда все расселись по местам и перестали испуганно озираться. — Сейчас я раздам анкеты для прибывающих в лагерь интернированных. Вы должны указать свое имя, дату рождения, этническую принадлежность, семейное положение и род занятий. Если вы неграмотны, поднимите руку, я заполню анкету с ваших слов.

Лука быстро проставил галочки в нужных графах и отвернулся к окну. Он привалился к прохладному стеклу, рассчитывая подремать, но на грунтовой дороге автобус то и дело подбрасывало на ухабах.

Через пару часов они затормозили перед высокими воротами лагеря. За сетчатым забором Лука увидел длинные ряды брезентовых палаток. Там и тут поднимался сизый дымок костров. В отдалении виднелись и настоящие дома: неказистые, не выше трех этажей, наспех собранные из строительных блоков.

Несколько хмурых военных с автоматами за плечом провели их к комендатуре — старому зданию, похожему на побеленный хлев для скота. Комендант — толстяк с карикатурно пышными рыжими усами — вышел на крыльцо с заспанным, помятым лицом. Он явно пребывал не в лучшем расположении духа

и ограничился хмурым приветствием офицеру, который скороговоркой отрапортовал о прибывших интернированных.

— Сразу предупреждаю: здесь не богадельня, — прорычал он, обводя пополнение бесцветными мутными глазами. — Чтобы заработать обед, придется вкалывать до седьмого пота. На стройплощадке рабочих рук всегда не хватает. Чем быстрее построим дома, тем меньше ребятишек окочурятся, замерзая зимними ночами в палатках. Все ясно?

Помощница коменданта собрала анкеты и распределила прибывших. Луке и еще двенадцати переселенцам было велено разместиться в палатке номер тысяча двести шестьдесят семь.

Из уличных динамиков разносилась музыка: что-то до тошноты бравурное и молодцеватое, с неистребимым патриотическим душком. В палаточном городке, несмотря на ранний час, было многолюдно: переселенцы таскали воду и тачки с углем, кололи дрова, что-то помешивали в котелках, громко переговариваясь с соседями. Всюду носились чумазые дети, лохматые собаки. Лука со страхом ожидал увидеть истощенных, сломленных людей, но переселенцы, даже невзирая на близкую зиму, не теряли присутствия духа.

— Да вы никак смерти моей хотите! — всплеснула руками смуглая, невероятно полная женщина, которая развешивала белье у палатки с номером 1267. — Тут же и так уже тридцать шесть человек, дышать нечем! А все подселяют и подселяют! Ну уж нет!

Она шмыгнула за брезентовый полог, выкрикивая чьи-то имена. Между старожилами и новенькими вспыхнула перебранка, и если бы не вмешался проходящий патруль, все могло бы закончиться потасовкой. В палатке было не продохнуть от запаха кислого табака, несвежего белья и квашеной капусты. На грубо сколоченных настилах лежали чужие вещи. Некоторые из новеньких, словно не замечая перекрестных враждебных взглядов, стали располагаться, другие нерешительно перешептывались. В дальнем углу надсадно закашлял старик.

— Вы не подскажете, где тут медпункт? — спросил Лука у одного из переселенцев. Тот задумался, почесывая затылок, а потом неопределенно махнул рукой куда-то вправо.

Лука долго плутал между рядами палаток, пока не вышел к большому брезентовому навесу, потрепанному и вылинявшему от дождей. Йоану он узнал еще со спины: по прямой осанке и спокойному, немного уставшему голосу. Когда он внезапно возник перед ней, Йоана на несколько мгновений оторопела, не зная, отнести его к предметам реального мира или к выкрутасам измученного бессонницей ума.

— Как ты здесь? Зачем? Ты же должен быть в Бремене? Что-то

случилось? Ты что-то натворил? Тебе грозит опасность? — вопросы сыпались пулеметной очередью, не давая ему ни единого шанса вставить хоть слово. — Ты что, набил татуировки?!

— Нет, это само на коже проявилось, — улыбнулся Лука, пряча руки в рукава. — Что-то вроде родимого пятна.

— Странно, никогда ничего подобного не видела. Ты голоден?

Лука кивнул.

— Ну конечно же! Исхудал, просто кожа да кости. Идем, идем.

Ухватив его за руку, Йоана повела Луку в сторону большой палатки, у которой стояла повозка с полевой кухней. От громадной кастрюли поднимался ароматный пар, в ожидании завтрака собралась длинная очередь с мисками.

— Как твое здоровье, ма? — спросил Лука, поглаживая ее руку. — Мне кажется, или кашель действительно прошел?

— Да, ты знаешь, то лекарство, которое прислал Красный Крест, оказалось просто каким-то волшебным эликсиром. Странно, но я совсем не помню, чтобы подавала заявку: мне казалось, что это так же безнадежно, как рассчитывать на выигрыш в лотерее. Я сразу почувствовала, что болезнь отступила. Даже не представляешь, какое это огромное, невыразимое счастье: просто дышать, дышать полной грудью.

— Все равно стоит пройти обследование в хорошей клинике. Ну, для полной уверенности, что теперь все в порядке.

— Ах, да что об этом говорить. Как на роду начертано, так и случится. Главное, что ты снова со мной. Теперь я спокойна. Знаешь, в последнее время я часто видела тебя во сне, вот и решила сначала, что мерещится уже и наяву. Ну, все, молчу — хочу тебя послушать! Рассказывай все-все.

— Ма, да нечего особо рассказывать. Оказалось, тот парнишка, которого я притащил в клинику, — наследник мессера. А я — вроде как его брат. Вообще-то мы близнецы, но у Вагнеров все не по-людски. Не зря мама решила сбежать из этого волчьего логова. Так вот, мы с Вольфом условились, что я сыграю роль наследника мессера, пока Тео не поправится.

— Лука, умоляю, говори тише, — прошептала Йоана, озираясь по сторонам.

Лука усмехнулся, но все же понизил голос.

— А потом заявилась эта Ли Чи с замашками плотоядной орхидеи, охмурила мессера и уволокла Тео в Чжунго. Так что сейчас братец с королевским шиком путешествует на поезде длиной с пол-экватора, в котором есть все, даже сад с фонтаном, золотыми рыбками и павлинами. Хотя, знаешь, так-то он славный

парень, хоть и избалованный малость, конечно. Ну, в общем, зря я надеялся, что после его отбытия наш с Вольфом контракт будет расторгнут: он приставил трех амбалов, которые не спускали с меня глаз ни днем, ни ночью. Ну, а потом мессер скончался.

— Лука, мне очень жаль…

— Вот уж поверь, я ничуть не скорблю.

— Ох, сын… Не стоит так. Как бы то ни было — все же он твой отец… Но как же ты пробрался незамеченным через все эти кордоны?

— Штефан Юнг, советник прежнего мессера, здорово помог мне: дал чистый айдибрас и денег на первое время. Не волнуйся, ищейкам Вольфа никогда не отыскать меня здесь, в лагере, среди тысяч переселенцев. Да я и не задержусь тут надолго.

— Что?

— Ма, я был просто обязан отыскать тебя и убедиться, что все в порядке. Но зачем мне тут торчать? Раз уж в Ганзу теперь путь закрыт, попробую устроиться на какое-нибудь судно в южных морях, пока вся эта история не утихнет. А о Флике ты так ничего и не слышала?

Йоана грустно покачала головой. Поесть она так и не успела: сбившаяся с ног медсестра выпалила, что в лазарет принесли мальчика — судя по всему, острый приступ аппендицита, хирург срочно послал за Йоаной, чтобы она ассистировала на операции. Мать виновато улыбнулась и бросилась к операционной.

Когда усталая Йоана вышла из операционной, похлебка, которую Лука принес в крошечный сестринский отсек, уже остыла, покрывшись мерзкой пленкой.

— Ма, может, ты вернешься в Гамбург? — спросил Лука, заранее зная ответ, но втайне все же надеясь переубедить ее. — Там тоже требуются врачи. И больных тоже куча. Но ты хотя бы будешь спать в доме, на нормальной кровати, а не в спальном мешке, брошенном в брезентовой палатке.

— Да я все равно почти сразу после твоего отъезда съехала с квартиры. Зачем лишние расходы, когда я то и дело остаюсь на ночь в клинике?

— Ма… ну нельзя же так, — он легко сжал ее ладонь, большую и теплую. — Ради чего все это? Хоть один из пациентов, ради которых ты ночи не спала, вернулся в клинику, чтобы хотя бы сказать спасибо?

— Дело не в благодарности, Лука. Это мой долг. Особенно сейчас, когда в мире так неспокойно, когда моих соседей вышвыривают с обжитых мест, предлагают им построить новый город в чистом поле — лишь по той причине, что у них не тот цвет кожи, язык и традиции.

— Но ты-то тут причем?

— Врачи всегда на передовой невидимых войн. Когда человек стал отличаться от животных? Что принимать за точку отсчета цивилизации? Заточенный камень для древка копья, обожженный в углях костра глиняный горшок, наскальный рисунок после удачной охоты на мамонта? Мне кажется, все это меркнет на фоне скелета, на бедренной кости которого заметны следы сросшегося перелома. Если животное ломает ногу, это означает только одно — его дни сочтены. Оно уже не сможет добраться до водопоя, охотиться и станет легкой добычей хищников. Сломанная и сросшаяся бедренная кость — это доказательство того, что кто-то заботился о раненом, промыл раны, оттащил в безопасное место, делился едой и охранял его, пока тот не окреп. Поддержать более слабого — поступок, с которого начинается цивилизация.

# Глава 19

На следующее утро Лука проснулся чуть свет, но Йоана уже собралась и сварила кофейный напиток — его терпкий дразнящий запах мгновенно возвращал в детство.

— А знаешь, я ведь прихватила кое-что для тебя, — улыбнулась она, заметив, что он проснулся. Она нагнулась и выудила из мешка какой-то сверток. — Вот, единственное, что удалось забрать из нашей старой квартиры. Твой кораблик.

Йоана провела большой мягкой ладонью по его голове и тихо вышла. Крошечный английский бриг все с той же с бессмысленной запальчивостью вздымал паруса. Лука покрутил модель в руках, разглядывая искусно сделанные мачты и орудия.

— Что, тесно, дружок?

На поросших травой пологих берегах маленькой речки, которая протекала вдоль южной границе лагеря, женщины с самого утра устраивали мелкую стирку, скоблили закопченные бока котлов. Там же по колено в воде носилась гурьбой ребятня. Под их настороженными взглядами Лука поднял большой камень и, размахнувшись, разбил бутылку на мелкие осколки. Сдув стеклянное крошево, он осторожно высвободил кораблик и опустил его на воду. Тот неуверенно качнулся, едва не зачерпнув левым бортом, но затем выправился и поплыл. Мальчишки восхищенно засвистели, заулюлюкали.

Лука проводил маленький бриг долгим взглядом. Он вернулся в палатку, надеясь соорудить что-то на завтрак, и услышал, как Йоана раздраженно переговаривается с кем-то снаружи.

— Что-то случилось, ма?

— Комендант отправил посыльного передать, что поставка партии лекарств снова задерживается, — ее лицо полыхало от гнева. — В госпитале из медикаментов остался один аспирин! Даже бинты уже на исходе! Как прикажете лечить больных? Припарками из целебных трав?! Собирайся, Лука, поедем в замок.

— В замок?

— Да, тут неподалеку, Шварцвальд. О, уверена, ты будешь в восторге! Настоящая готика, мрачная, суровая. Когда-то там была клиника Красного Креста, но все пришло в упадок, а потом какой-то чудаковатый филантроп выкупил замок и открыл пансионат для сирот. Склады забиты медикаментами и провизией. Сторож там, конечно, жуткий громила, но что поделать, опять придется клянчить, как последним нищим.

На контрольном пункте патрульный просветил пропуск

Йоаны и окинул придирчивым взглядом ее попутчика.

— Фрау Стойчев, вам запрещено покидать лагерь.

— А в чем, собственно, дело?

Патрульный равнодушно отвернулся, поправляя ремень автомата за плечом.

— Черт знает что тут творится… Подожди в машине, я выясню в комендатуре.

Она вернулась лишь через час, бледная и встревоженная.

— Слушай внимательно: тебе ни в коем случае нельзя возвращаться в лагерь. Утром комендант получил особые распоряжения. Мне запрещено покидать лагерь. Поезжай в замок, напросись на любую подработку. Пережди там несколько дней, я все разведаю и пришлю весточку.

Вместо Йоаны за руль сел Ахмет, молодой медбрат, который еще только проходил стажировку. Он один из немногих в клинике умел управлять проржавевшей колымагой, не оснащенной автопилотом. Дорога петляла между стволов деревьев, фургон то и дело подбрасывало на ухабах и узловатых корнях сосен, и он взбрыкивал и фыркал, как строптивый ослик. Где-то на полпути айдибрас Луки пиликнул и вырубился.

— Тут беда со связью, — сказал Ахмет. — Если искать замок по навигатору, заплутаешь: опомнишься, когда окажешься глухой ночью с пустым баком посреди леса. Со мной в первый раз так и случилось. Хорошо, что Йоана забеспокоилась и отправилась на поиски. А то так бы и сгинул. Она святая.

Лука промолчал и отвернулся к окну.

Громадина замка вынырнула из-за леса сразу и вся, словно до этого мгновения была укрыта за кронами деревьев магическим заклинанием. Лука приподнялся на сиденье, пытаясь охватить взглядом колоссальное сооружение. Йоана оказалась права: Шварцвальд поражал воображение. Пики башен пронзали грязные облака, обложившие небо до самого горизонта. Серые камни крепостных стен излучали память о прошедших эпохах, как радиацию. Вероятно, в прежние времена владельцы замка без труда выдержали бы многомесячную осаду вражеской армии — если, конечно, кому-то в принципе пришла бы сумасбродная идея штурмовать эту цитадель посреди глухого леса.

Вот бы забраться на донжон, подумал Лука: наверняка сверху открывается дивный вид на горы и долину. Побродить по закоулкам замка, спуститься в подземелье, где (чем черт не шутит!) лет пятьсот назад прижимистый баронет мог припрятать фамильные драгоценности, чтобы не достались мотам-наследничкам. Лука машинально бросил взгляд на черный экранчик молчащего айдибраса и усмехнулся: как, оказывается,

приятно просто смотреть и строить предположения — без постоянно звучащего голоса в голове, который сейчас непременно выдал бы подробную историческую справку с массой гиперссылок.

Фургон въехал на мощеный задний дворик. У распахнутых ворот склада стояла груда огромных ящиков. Маленький, будто игрушечный, оранжевый погрузчик деловито стаскивал их внутрь — казалось, от тяжести груза он вот-вот перевернется. Ахмет заглушил мотор, но не спешил выходить наружу. Погрузчик тоже остановился. Из салона вылез бугай под два метра ростом, плечистый, — даже удивительно, подумал Лука, как он вообще там, внутри, уместился. Верзила покрутил головой, разминая затекшую шею. На одутловатом, бледном, будто обсыпанном мукой лице не было ни злости, ни раздражения. Но что-то подсказывало, что рассчитывать на радушный прием не приходится.

Ахмет глубоко вздохнул и распахнул дверцу грузовичка.

— Добрый день, Гуннар. Я — Ахмет, помощник фрау Стойчев из лагеря переселенцев тут, поблизости, помните? Йоаны, медсестры?

Гуннар вытащил из кабинки погрузчика огромную дубину, похожую на спортивную биту, и медленно двинулся к ним.

— К сожалению, вновь возникли перебои с поставками медикаментов, — затараторил Ахмет, лихорадочно поворачивая ключ в замке зажигания. Старенький грузовичок натужно затарахтел и заглох. — Возможно, руководство клиники сочло бы правильным выделить самые необходимые препараты? Вот, фрау Стойчев составила список…

Громила, не произнося ни слова, с размаху разбил правую фару.

— Постойте! — взвыл Ахмет. — Давайте все обсудим.

С мелодичным звоном на брусчатку осыпалась и левая фара.

— Да что ж такое! Запчастей на это старье даже на блошином рынке не раздобыть, — завопил Ахмет.

Лука заметил, как через двор трусит тщедушный старичок, сгибавшийся под грузом хвороста. Его лицо раскраснелось, а венчик редких седых волос растрепался вокруг блестящей лысины, похожей на тонзуру монахов средневекового ордена.

— Эй, добрый день! Ахмет, если память не изменяет?

Громила неохотно опустил дубину и отступил на пару шагов.

— Да, он самый. К сожалению, в лагере переселенцев в клинике вышли все медикаменты, а с поставками опять перебои… И раз такое дело…

— Конечно-конечно, о чем речь! Йоана написала список?

Чудесно. Только, боюсь, старина Гуннар так и не освоил грамоту, так что вам лучше самому пройти на склад и набрать.

— Но сперва мне хотелось бы заручиться согласием главного врача или директора клиники.

Ахмет, хотя и признательный старичку за участие, с сомнением бросил взгляд на его куртку, выгоревшую на солнце и вылинявшую от дождей, и на заляпанные грязью сапоги из эластичного пластика.

— О, об этом не переживайте, я улажу формальности, — и старик приветливо подмигнул Гуннару. Тот пробурчал что-то неразборчивое, но крайне витиеватое и, развернувшись, пошел в сторону склада.

— Господин… э-э-э… господин… Простите, я не знаю вашего имени, — Лука выскочил из кабины вслед за старичком, который снова ухватился за вязанку. — Позвольте, я помогу вам донести? Вы не в курсе, есть ли в замке какая-нибудь черная работа? Мне бы перекантоваться какое-то время.

Старик смерил его быстрым взглядом из-под косматых бровей.

— Аллергии на пыль нет? Грамотный? Ну что ж, идем.

— С ума сойти, — пробормотал Лука, переступив порог библиотеки замка и увидев уходящие в полумрак стеллажи с фолиантами. Сердце все еще бешено колотилось после подъема по крутой лестнице, а старик, кажется, даже не запыхался. — Сколько же здесь книг?

— Десятки тысяч томов. Есть даже уникальные рукописные летописи двенадцатого века с миниатюрами и прижизненное издание трагедий Шекспира. Осматривайся, располагайся, а я пока поставлю чайник.

Лука опустился на колченогий стул, машинально взял со столика пузатую кофейную чашку и провел пальцем по аккуратно заклеенной трещине.

— Мне всегда жаль что-то выбрасывать, — улыбнулся библиотекарь, входя с булькающим чайником. — Вещи ведь не виноваты, что исчез лоск новизны, появились сколы и потертости. Это старина, которая несет печать времени. Шоколад? Или партию в шахматы? — он протянул мисочку, в которой вперемешку лежали шахматные фигуры и шоколадные конфеты.

— Один знакомый пытался научить меня играть в шахматы, но я, честно говоря, так и не проникся.

— А го? Ты пробовал играть в го?

Лука покачал головой и невольно улыбнулся, заметив вспыхнувший в глазах старика радостный блеск. Старик достал

игровое поле и пару бархатных мешочков с камнями.

— Чур, я играю на темной стороне, — сказал он, азартно потирая сухие ладони, усыпанные с тыльной стороны пигментными пятнами. — Правила на самом деле настолько просты, что можно рассказать за минуту. Цель игры — захватить территорию. Только камни, в отличие от шахмат, нужно ставить не на клеточки, а на пересечение линий.

Лука согласно кивнул, хотя суть игры оставалась туманной.

— Смотри, — продолжал старик, — смежные четыре линии — это дыхание камня. Если рядом встают камни того же цвета, они образуют банду с сильным дыханием. Белый камень, окруженный со всех сторон черными, считается задохнувшимся пленником и снимается с доски, и наоборот. Побеждает тот, чьих камней в конце партии на доске больше. Вот, по сути, и все. Вернее, все остальное проще объяснить уже по ходу игры.

Библиотекарь положил первый камень.

— Так, поскольку первый ход за мной, ты получишь фору в семь очков. Твой ход.

— Эм-м.. Так я могу поставить свой камень куда угодно? — на всякий случай уточнил Лука.

— Да, абсолютно на любое свободное пересечение линий. Но затем передвигать его уже нельзя.

Они начали партию, поочередно вынимая камни из бархатного мешочка и выставляя их на игровое поле.

— Главное отличие го от шахмат в том, что здесь нет устойчивых дебютов. Любой шаг быстро приводит к уникальным комбинациям, и то, что поначалу кажется фатальной ошибкой, может стать поворотной точкой, которая обеспечит превосходство. Личность, характер подчас важнее, чем продуманная стратегия. Именно поэтому машинам тяжело разобраться в закономерностях игры. Нет четких правил, алгоритмов. Даже простенькая машина способна обыграть чемпиона мира по шахматам, но даже лучшие симуляторы го с трудом выходили на уровень посредственных игроков. Пока не появились трансформированные модели, которые, по сути, являются имитацией человеческой личности.

Лука ставил камни, не держа в голове никакой стратегии и совершенно не задумываясь о последствиях того или иного хода. Узор на игровом поле напоминал хаотично сложенную мозаику.

— Нет, такой ход против правил, — остановил его руку библиотекарь. — Самоубийства в го запрещены — нельзя поставить камень в точку, где не будет ни одного свободного дыхания.

Первая партия закончилась безоговорочной и быстрой победой старика.

— Может, еще разок? Не хочется лишать тебя шанса отыграться, — в его взгляде искрилось лукавство.

— Почему бы и нет, — пожал плечами Лука, впервые поймав себя на мысли, что старик вовсе не так прост, как кажется на первый взгляд. — А вы уже давно здесь, в замке?

— Давненько. Я бывал тут в детстве. А потом, когда все в жизни пошло наперекосяк, вернулся. Но иногда кажется, что я так никогда и не покидал этих стен.

В это время в дверь тихо поскреблись, и в узкую щелочку заглянула рыжая вихрастая голова.

— Здрасьте! А можно книжку поменять?

— Уже прочитал?

— Ага. А есть продолжение?

— Посмотри вон там, на третьей полке, справа.

Мальчишка прошмыгнул к стеллажу, быстро отыскал нужный томик и, прижимая его к груди, убежал.

— Так и будут тянуться ручейком до самого отбоя. И даже после. Я никогда не запираю двери. Согласись, есть что-то особенное в том, чтобы в наше время читать настоящие, не электронные книги. Перелистывая страницы, пахнущие старой бумагой и типографской краской. Бумажные книги не отслеживают утомление, не напоминают мигающей строкой там, где взгляд отвлекся в задумчивости, не мигают тревожно, если слишком долго валяешься в неудобной позе. Они просто рассказывают истории. Иногда ночные дежурные воспитатели жалуются, что дети нарушают режим. Засиживаются за полночь с фонариком под одеялом, шелестят страницами. Запретный плод всегда сладок и притягателен, поэтому я на месте взрослых запрещал бы только что-то полезное: манную кашу, например.

Лука улыбнулся. У него в груди теплело от странной, необъяснимой уверенности, что они легко поладят с этим чудаковатым стариком. И что-то еще, незнакомое. Ностальгия по месту, где никогда не был. Fernweh — так, кажется, называлась эта выдумка малахольных поэтов романтического толка. Внезапно Лука вспомнил о Йоане, которая, наверное, уже с ума сходит от волнения, и, проклиная себя, попробовал связаться с ней, хмуро постучал пальцем по черному экранчику айдибраса, но тот не откликнулся.

— Не получится, — улыбнулся старик. — Для Эфора, как и для прочих всевидящих глаз, Шварцвальд — белое пятно. Кстати, за то, чтобы стереть его со всех радаров, мне пришлось в свое время выложить даже больше, чем за землю и старые

развалины.

— Так замок ваш? — изумленно спросил Лука.

— Ох, нет, что ты, — отмахнулся библиотекарь. — Он слишком огромен, чтобы им владел человек. Он принадлежит фонду, который я основал. Смею надеяться, что я грамотно распорядился остатком денег, так что рентного дохода вполне хватит, чтобы приют существовал и после моей смерти. Финансовая модель просчитана с учетом множества вероятностей: это своего рода вечный двигатель — не слишком оборотистый, но с практически бесконечным запасом износа деталей.

— Раз у вас была такая куча денег, почему вы купили этот старый замок? А не… ну, не знаю… тропический райский остров в океане?

— А ведь знаешь, поначалу я действительно подумывал именно об острове, — рассмеялся старик. — Но потом кто-то словно шепнул мне о Шварцвальде. Я был здесь. В детстве. В то время здесь располагалась клиника. Во всяком случае, так было указано в рекламном проспекте. Я был довольно болезненным ребенком: астма, лишний вес, близорукость — полный набор неудачника, проигравшего в генетической лотерее. Моя мать отказалась вычищать их: в то время технология только появилась, и многие в обществе относились к ней с опаской. Мои ровесники стали последним поколением детей, зачатых не in vitro. Сейчас это кажется дикостью, не так ли? Так вот, детей с серьезными наследственными заболеваниями отправляли в клинику, а спустя некоторое время родственники получали открытку со скорбным известием о кончине в результате внезапного обострения. Или, к примеру, простуды. Это было поистине мрачное и страшное место, но сейчас, больше полувека спустя, я вспоминаю о месяцах, которые провел тут, со светлой грустью и благодарностью: именно здесь я обрел друзей. И самого себя. Первую зиму после возвращения я провел здесь совершенно один. Чуть умом не тронулся, разговаривая с призраками прошлого. А потом пришел Гуннар. И я решил наконец уплатить старый долг: возродить Шварцвальд, снова наполнить его гулкие коридоры голосами детей. Теперь им здесь ничего не угрожает. Замок стал приютом для ребят, про которых окружающие говорят, что они «со странностями». Странности — это прекрасно. Странные дети становятся гениями, которые двигают земной шар.

— И что, никто не протестует против глушилок? Даже с семьей не связаться по айдибрасу…

— У большинства детей, которые здесь живут, нет семьи. Или есть, но такая, что лучше бы поскорее забыть и начать жизнь

с чистого листа. Да, ты прав, для многих первые дни или даже месяцы жизни в замке омрачены тоской по цифровой реальности. Новеньких сразу видно: сидят в уголке, уставившись в пространство невидящим взглядом, или слоняются из угла в угол, пиная воздух и маясь от скуки и безделья. Мозг, привыкший постоянно получать поток информации, пребывает в растерянности. А потом глаза заново учатся видеть, уши — слышать, нос — улавливать запахи, а ум — выстраивать картину мира.

— А как же учеба? В этой библиотеке можно неделю проковыряться, выискивая нужную информацию. А то и месяц. А Эфор найдет все за мгновение.

— Знание обретает истинную ценность, только когда ты пришел к умозаключению сам, после долгих размышлений и прожитого опыта. Невозможно постичь величие гения Шекспира, ознакомившись с кратким пересказом «Гамлета» и «Двенадцатой ночи». Смысл этих произведений, как и любой другой книги в этой библиотеке, не сводится к банальному пересказу сюжета. Мне кажется, первостепенно важно научить детей мыслить самостоятельно, а не искать чужие оценки, сколь бы авторитетными эти суждения ни были. Подлинное знание всегда оплачено трудом, а полученное задаром дискредитирует знание как таковое.

— Так что же, по-вашему выходит, что лучше совсем ничего не знать, чем запросить справку у Эфора?

— Порой мне действительно кажется, что в современном мире тотальной информационной доступности незнание становится довольно полезной вещью. Даже некоторым превосходством. Позволять себе не знать что-то — это как осознанно отказаться от вредной привычки. Видишь ли, мой мальчик, я склонен думать, что излишнее знание лишает мир покрова тайны. А жить в мире без тайны столь же тоскливо, как читать детектив, заранее зная, кто окажется убийцей. Так что в философском смысле столкнуться с чем-то непознанным и более того — непостижимым для человека не менее важно, чем самостоятельно добыть знание. Привычка всегда и обо всем наводить справки убивает способность улавливать то, что не выражено словами, а это, как ни крути, самая значимая составляющая ощущения жизни. Не уверен, что ты понимаешь, о чем я говорю, но выразить это яснее вряд ли смогу, — старик улыбнулся.

— Но за стенами замка без айдибраса вашим воспитанникам и шага не сделать — сразу схватят как нелегалов.

— Я не строю иллюзий. Разумеется, покинув в один

прекрасный день Шварцвальд, все они наденут на запястье айдибрас. Этого не избежать. Но они не будут воспринимать голос Эфора, звучащий в их голове, как свой собственный. И не будут обращаться за советом к искусственному разуму по каждому ничтожному поводу и прежде, чем хотя бы внятно сформулируют свой запрос.

Старик задумчиво пошамкал губами.

— На заре цифровой эпохи ученые всерьез опасались, что дети состоятельных родителей, рано получающие доступ к гаджетам, будут обладать неоспоримым преимуществом в освоении современных технологий, что заложит основы неравенства. Расслоение действительно случилось, но прошло оно совсем не так, как ожидалось. Радиус пространства, в котором ребенок исследует окружающий мир, за последние полвека сократился до крошечного пятачка. Среда, в которой не стимулируется развитие вкуса, обоняния и осязания, лишенная свежего воздуха и многообразного живого общения, не может быть здоровой. Никакой, даже самый продвинутый гаджет не научит улавливать то, что сказано между строк, проявлять эмпатию, а система гиперссылок не заменит интуицию, остроумие и парадоксальность мышления. Замкнутых, не обладающих социальными навыками детей больше в семьях с низкими и средними доходами: где нет иного досуга — занятия спортом, музыкой или рисованием им не по средствам. Вынужденное погружение в виртуальную реальность стало верным признаком бедности.

Он поднял пузатый чайник и разлил по чашкам уже остывший чай.

— Так что, как мне видится, возможность игнорировать технический прогресс — вот подлинное свидетельство высокого статуса в новом мире, как бы парадоксально это ни звучало. Обеспеченный человек не закажет пиццу навынос, которую в течение получаса доставит дрон, а закажет столик в ресторане, где ее испекут в печи на углях и подадут на деревянной доске. А для тех богачей, кто давно перестал интересоваться размером суммы на своем счету, ее приготовит персональный шеф-повар. Дети из богатых семей не обучаются на дистанционных курсах: с ними занимаются тьюторы. А их родители укрепляют тело с личным тренером, наблюдаются у семейного доктора, заказывают одежду у портного по индивидуальным меркам. Человеческое участие становится настоящей роскошью…

Мастер Фогель (так звали старика) поручил Луке перепроверить каталоги книг, хранящихся в библиотеке. Он сокрушался, что, пока был в отъезде, здесь хозяйничал молодой

лоботряс, не имевший ни малейшего желания вникать в принципы расстановки фолиантов. Поэтому до сих пор редкие тома внезапно обнаруживались в неожиданных местах.

Сам Фогель теперь нечасто покидал библиотеку: проходился по рядам корешков с портативным пылесосом — оказалось, у него жуткая аллергия на пыль, поэтому ежедневная уборка была не прихотью. Иногда, раскрыв один из томов на случайной странице, он с головой уходил в чтение или разражался целой лекцией по истории Древнего мира или искусства. Увлекаясь, опускал не только отдельные слова, но и, казалось, целые предложения, абзацы, так что в конце концов у Луки, силившегося не потерять нить повествования, сводило челюсть от напряжения. Рассказывая о событиях и людях, упомянутых в учебниках, Фогель как бы между делом, невзначай взламывал шаблоны, указывал на косвенные взаимосвязи и скрытые несостыковки. Ни одно представление Луки о мире, почерпнутое из школьной программы, не оказывалось истинным, все и вся подвергалось сомнению и оспаривалось. Напоследок старый библиотекарь выдавал вконец измочаленному Луке очередную увесистую стопку книг, которые необходимо прочесть «каждому образованному человеку».

— Сомневаться в чужих, навязанных извне истинах и стремиться к познанию — главные качества, которые выделяют мыслящего человека из толпы. Запомни это, мой мальчик.

Тот лишь обреченно вздыхал. Но на самом деле, хотя Лука никогда бы не признался в этом, ему нравилось слушать пространные рассуждения чудаковатого старика. Может, потому, что в его тоне не было сухой, выхолощенной дидактики Вольфа, воинственного напора мессера или презрительной мизантропии советника Юнга. В них было глубокое понимание жизни, которое приходит с годами, после трудных испытаний, и искреннее принятие несовершенства мира и людей со всеми их недостатками и слабостями. Старик все время открывался ему с новой, неожиданной стороны, словно Лука разворачивал кочан капусты: слой за слоем, пытаясь добраться до твердой сердцевины.

# Глава 20

— Кто это? Похож на маленького речного дракона.

В аквариуме, об который Лука запнулся в темном закутке между книжными стеллажами, копошилось странное существо — амфибия с отливающей жемчужной белизной кожей, пурпурным перистым венчиком жабр и крапчатым хвостовым гребнем.

— О, это мой большой друг. Аксолотль.

— Можно погладить? Палец не оттяпает?

— Нет, я его уже покормил сегодня. Или нет?.. Голова дырявая.

Когда Лука инстинктивно отдернул руку, старик рассмеялся и вынул аксолотля, который так и льнул к его шершавой ладони, обвивая хвост вокруг большого пальца. Флегматичные глаза навыкате и широкая улыбка придавали амфибии мультяшный и малость придурковатый вид.

— Он что, улыбается?

— Он всегда улыбается. Безотказное лекарство от хандры. Но я его держу, конечно, не только за этим.

— А зачем?

— Он — уникум. Настоящая загадка. В живой природе аксолотли обитают в единственном месте на планете — в озере Сочимилько. Вернее, обитали: озеро, из которого в древности ацтеки прокладывали оросительные каналы, давно обмелело. Аборигены в древности почитали аксолотлей за божество смерти и разрушения. Божественный статус, впрочем, никак не мешал ацтекам видеть в амфибиях изысканный деликатес. Сегодня мексиканских аксолотлей можно встретить только в аквариумах да в меню азиатских ресторанов.

— Ну и что же в нем удивительного? Обычный тритон, — хмыкнул Лука.

— Загвоздка в том, что аксолотль — не отдельный вид, а личинка амбистомы. Но в отличие, например, от головастика, который обречен в определенный срок стать неуклюжей лягушкой, аксолотль может не превращаться во взрослую особь. Прожить долгую жизнь и даже оставить потомство, так и не повзрослев. А раз он фактически так и остается зародышем, то сохраняет и потрясающие способности к регенерации: он может, к примеру, отрастить потерянную в битве с сородичем лапку или хвост. Или даже участок мозга.

— Почему же аксолотли не взрослеют?

— Вот это и есть главная загадка. Может, им просто невыгодно? Саламандры, как и лягушки, выползали на сушу

вынужденно, когда мелкие водоемы пересыхали. Аксолотли же жили в горных озерах с чистой прохладной водой. Какой смысл менять это благополучие на полную опасностей сушу? Поэтому первая же случайная мутация, позволившая амбистомам не проходить метаморфоз и размножаться в воде, была поддержана естественным отбором и закреплена в генофонде. Кроме того, метаморфоз требует колоссальных затрат энергии, это истощает жизненные силы, поэтому век амбистомы короче, чем у аксолотля. Перестройка органов и смена систем жизнеобеспечения — дорогое удовольствие, а природа, как известно, всегда стремится сократить расходы. В дикой природе процесс перехода запускался, когда среда становилась неблагоприятной. В неволе же особи полностью утратили способность к метаморфозу, и даже в теплой воде и при плохом питании они скорее умрут или начнут поедать собратьев, чем «повзрослеют».

Лука опустил прохладную амфибию обратно в аквариум.

— В юности я мечтал стать знаменитым биологом, расшифровать гены аксолотля и даровать человечеству эликсир вечной молодости. А теперь мне все чаще кажется, что люди и так превратились в амфибий, которые отказываются не только взрослеть, но и вообще предпринимать хоть что-то, что требует напряжения душевных сил: любить, проявлять участие и заботу, задумываться о будущем человечества…

Как-то Фогель позвал Луку составить ему компанию во время прогулки по лесу. За разговорами старый библиотекарь собирал целебные травы с мелкими невзрачными соцветиями и терпким горьким запахом.

— Отвар славно помогает от простуды и кашля. Зимой в замке страшные сквозняки.

— Что за каменный век? Склад же забит медикаментами.

— Да, но такому старику, как я, химия только во вред.

— Да бросьте! Ну сколько вам?

— Семьдесят три.

Лука постарался скрыть удивление. При дворе Вагнеров было немало генералов и чиновников, которые давно отметили столетний юбилей, а то и полторы сотни лет, и, хотя и выглядели законсервированными восковыми статуями, рассчитывали еще долго коптить небо. На их фоне Фогель выглядел дряхлым, сморщившимся, как печеное яблоко.

— Ты, верно, полагал, что мне уже перевалило за сотню? Нет. Признаться, я не сторонник охватившей мир гонки за вечной молодостью. Именно так и должен выглядеть человек в моем возрасте. Так задумано природой. И если бог милостив, я

рассчитываю покинуть бренный мир не позднее, чем когда мне стукнет семьдесят пять.

— Что? Но почему? — Лука впервые встретил человека, который говорил бы о смерти так легко, не выказывая ни страха, ни тревоги. И, более того — он словно желал приблизить ее приход, что уж совершенно не укладывалось в голове.

— О, поверь, это вовсе не позерство. Я долго размышлял над этим. Смерть — конечно, огромная потеря, которая подводит последнюю черту под прожитой жизнью. Но есть и еще одна неоспоримая истина: слишком длинный век — это против законов природы. За моими плечами долгая жизнь, в которой с лихвой хватало и радостей, и горестей, и счастливых обретений, и невосполнимых потерь… Семьдесят пять — отличный возраст, чтобы поставить точку. Конечно же, я не собираюсь наложить на себя руки, но и просить у судьбы сверх того времени, что мне отпущено, не намерен. Сегодня все помешаны на фитнесе, безглютеновой диете, витаминах и протеиновых коктейлях и готовы лечь под нож хирурга, чтобы заменить все органы, как запчасти у робота, в отчаянном стремлении обмануть смерть. Настоящий культ бессмертия. Но маниакальное желание прожить как можно дольше — ошибка, способная породить страшные, деструктивные последствия. Стоит ли игра свеч? В глубокой старости жизнь становится похожа на стоячее болото — это если еще удалось не плюхнуться напоследок в старческое слабоумие.

— Ну, это, полагаю, вам точно не грозит. В отличие от вас, большинство тех, с кем я сталкивался прежде, не могли похвастаться светлой головой. Но это ничуть не мешало им в жизни. Скорее, наоборот.

— Я уже замечаю, что становлюсь чудовищно медлителен. Увы, даже если мой мозг не поразит старческая деменция, умственные способности в старости угасают. Эйнштейн сказал однажды: «Тому, кто не внес значительного вклада в науку к тридцати годам, уже не суждено сделать это». Он, конечно, намеренно эпатировал. Но в чем-то старик прав. Творческие способности стремительно растут на старте карьеры, достигают пика примерно через двадцать лет, а затем медленно приходят в упадок. К слову, теоретики в области химии и физики добиваются значимых результатов несколько раньше, нежели исследователи-практики. А поэты достигают пика в более молодом возрасте, чем прозаики. Один неуемный ученый перелопатил биографии самых прославленных композиторов, чтобы сделать интересный вывод: первое значительное произведение они создали в возрасте примерно двадцати пяти лет, в сорок достигли наибольшей творческой зрелости

и плодовитости, а затем неизбежно снижали обороты, и последнее значимое произведение написали, когда им едва перевалило за пятьдесят.

Где-то в глубине души Лука был даже отчасти согласен с Фогелем — он ненавидел старость и все, что с ней связано: немощь, деменцию, болезни. Не выносил запаха лекарств, пыльной затхлости, глупой ностальгии по ушедшим временам. Он не мог представить себя стариком, как бы ни силился это сделать, — высохшей бесполезной развалиной, озлобленной на весь мир.

— Разумеется, есть люди, чей талант расцветает поздно, — размышлял вслух Фогель. — Но статистических выкладок это не изменит. Чаще всего люди на склоне лет вынуждены мириться с телесной и умственной немощью. Незаметно, шаг за шагом, менять привычный образ жизни. Безусловно, в каждом возрасте есть свои маленькие радости, но не хочется дожить до такого, что главным достижением за день станет то, что я без посторонней помощи добрался до туалета. Впрочем, возможно, я слишком резок в суждениях. Жизнь не ограничивается юношескими стремлениями к успехам в карьере и творчестве. Возможно, старость не выглядела бы так безрадостно, если бы я был окружен внуками и правнуками.

— У вас никогда не было семьи?

— У меня была жена. И дочь. Иногда ты очень напоминаешь ее.

— Что случилось? Она погибла?

— Пропала без вести.

— Мне очень жаль, правда, — искренне сказал Лука.

— Это все давно уже в прошлом, — Фогель ласково похлопал его по руке. — Но я до сих пор скучаю. Надеюсь, увидимся с ней там, за чертой.

— Вы что, верите в загробный мир?

— А что мне, одинокому старику, остается? Я верю в бессмертие духа так же, как и в то, что бессмертие разума — не благо, а тяжкое бремя.

— Думаю, тут бы с вами многие поспорили, — рассмеялся Лука.

— Прежний мессер, Манфред Вагнер, был одержим мечтой о вечной жизни, — неожиданно сказал Фогель. — Однажды ему рассказали о нищем ученом, которого в научных кругах поднимали на смех, считая мечтателем, сумасшедшим. На самом деле сделанные им разработки в области оцифровки сознания и переноса на внешний носитель, будь то живое существо или хранилище файлов — катастрофически опережали время.

Лука уже не улыбался. Он слушал старика с напряженным вниманием, каким-то чутьем угадывая, что эта история — не просто занимательная побасенка.

— А дело было в том, что он, в отличие от ученых собратьев, не располагал неограниченным запасом времени: его жена попала в тяжелую аварию и находилась в коме. Все сбережения уходили на оплату больничных счетов. Врачи отказывались обнадежить прогнозом, что однажды наступит день, когда она откроет глаза и назовет его по имени… Ситуацию осложняло то, что у него осталась маленькая дочь. Которая нуждалась в материнской заботе. А еще — в новых платьицах, теплых сапожках и молоке на завтрак. Денег вечно не хватало. Он, этот горемыка-ученый, уже совершенно отчаялся и даже грешным делом подумывал… — старик провел рукой по лицу, стирая невидимую паутину. — Впрочем, речь не об этом. Однажды раздался звонок: советник мессера назначил ему аудиенцию. На следующий день, в два, прямо в лаборатории. Поначалу тот подумал, что ослышался. Или все это — галлюцинация, вызванная бессонницей и истощением. Но он чуть свет явился в лабораторию, надел почти свежий костюм, выбросил все разбитые склянки и пробирки и чуть не спятил, дожидаясь, пока наступит назначенный час.

— И что же сделал советник?

— О, в ту, первую, встречу он проявил себя как истинный благодетель. Ангел-хранитель с неограниченным финансовым лимитом. Новейшая лаборатория, полная свобода действий, любые траты… Впервые за долгое время ученый был занят только чистой наукой. И, смешно сказать, даже приобрел некоторую известность и авторитет в научных кругах. Те, кто еще вчера высмеивали его исследования, залебезили, увидев за его плечом сильного покровителя. Частенько случалось, что он пропадал в лаборатории целыми сутками и спал там же, на кушетке, когда уже ничего не соображал от усталости. Метроном тикал неумолчно — днем и ночью, днем и ночью, — отсчитывая минуты, дни и годы жизни его жены. Но то, что безупречно выглядело на бумаге в теоретических выкладках и расчетах, в реальности оборачивалось еще одним неудачным экспериментом. Он был разбит постоянными неудачами, раздавлен. И, уже почти не веря в успешный исход, в очередной раз оцифровал сознание хищного зверька из семейства кошачьих и трансплантировал его мыши. И случилось чудо.

— Неужели ему удалось?.. — ахнул Лука.

— Да, грызун не только выжил, но и, кажется, уверовал в собственное превосходство над собратьями: стоило выпустить его в большую клетку, как он устроил засаду, а потом набросился

на ничего не подозревающую мышь и перегрыз ей глотку. Не прошло и часа, как он истребил всех. И устроил пир. Это было омерзительно, омерзительно… Но советник мессера смеялся до слез, когда ученый рассказал о ходе эксперимента. После этого все наконец-то сдвинулось с мертвой точки, — Фогель горько усмехнулся. — Ученый вживлял оцифрованное сознание льва в мелкую шавку, и та оглашала лабораторию жалкой пародией на царственный рык. А особаченная кошка при виде чужих издавала хриплые отрывистые звуки, напоминающие лай, виляла хвостом и даже таскала поноску. И хотя все подопытные животные не протянули долго, советник мессера, который прежде не вмешивался в ход экспериментов, требовал скорее перейти к испытаниям на человекообразных. Доводы ученого о том, что еще слишком рано, не все механизмы изучены, он просто отметал. И тот сдался. При лаборатории жила пара обезьян — орангутанг и шимпанзе. Он оцифровал их разум и поместил в другое тело: как будто поменял местами. Комедийная коллизия, известная еще со времен Шекспира. В следующие три дня оба издохли. Дело не в физиологии: операция прошла на редкость успешно. Животные просто сошли с ума. Видели в соседней клетке себя и сначала бесновались, расчесывая шкуру в кровь, словно собирались содрать ее, как неудобную, тесную одежду, а затем впали в полную апатию, игнорируя любые лакомства.

— И что же советник?

— Он требовал поскорее перейти к следующему шагу — оцифровке сознания человека, которая позволила бы сколь угодно долгий срок хранить его на внешнем носителе. Это же, если вдуматься, и есть бессмертие. Во всяком случае, первый шаг на этом пути. О, он был весьма убедителен, когда говорил ученому, что тело его жены уже никогда не восстановится после аварии. Но ее разум, то, что составляло самую ее суть — мысли, воспоминания, склад ума, — еще можно было спасти, перенеся, как слабый огонек, в другую лампадку. В другое, юное и прекрасное, тело с неисчерпанным запасом жизненных сил. А напоследок, видя, что его доводы разбиваются о непробиваемую броню, как бы невзначай бросил: «Вы уже позаботились о том, чтобы оцифровать сознание дочери? А то один маленький несчастный случай — и вы потеряете последнего родного человека».

Лука молчал, дожидаясь, пока старик соберется с силами, чтобы закончить рассказ.

— Это стало последней каплей. В ту же ночь лаборатория была разгромлена, все файлы — результат десяти лет напряженного труда — уничтожены. Безумный ученый, который

слишком долго шел на поводу у преступного эгоизма, погиб при взрыве. Это установили по генетическому составу останков. Главным образом нескольких зубов и фаланги левого мизинца. Все остальное превратилось фактически в пепел. Но Кристобальд Фогель все же вошел в историю. Правда, не так, как мечтал: его запомнили как…

— Сумасшедшего птичьего профессора, — пробормотал потрясенный Лука. Ну конечно же: Фогель — значит «птица», вот и появился дурацкий каламбур, над смыслом которого он никогда не задумывался. — Вы и есть тот ученый?

Старик усмехнулся и шутливо склонил голову.

— Получается, что я… Что мы… Не может быть. Таких совпадений просто не бывает.

— Скажи на милость, мой юный друг, почему тебя так поразила эта история?

— Наверное, это прозвучит странно, но я хорошо знаком с советником Юнгом.

— Неужели?

— Да. А моим отцом был Герхард Вагнер.

— Так, значит, мне не показалось: у тебя действительно глаза Анники. Но как это возможно?

Лука сбивчиво рассказал о событиях последних месяцев, об ограблении склада и встрече с Тео, о том, как советник старого мессера помог устроить побег из-под надзора Вольфа. Фогель слушал, не перебивая.

— Так вы сообщили дочери, что ваша смерть на самом деле была инсценировкой?

— Нет, я затаился, боялся подставить ее под удар. К тому же она была так безоглядно увлечена Герхардом… Они же фактически выросли вместе: советник тоже взял ее под свое крыло. При нем все время целая гурьба молодежи клубилась. Почитали его чуть ли не за гуру. Герхард и Вольф числились в любимчиках, особо приближенных к сиятельной персоне. Они приходились мессеру дальней родней, что-то вроде внучатых племянников. Герхард слыл подающим надежды выпускником военной академии, с блестящим аттестатом и рекомендациями. Но все же вряд ли кто-то в то время предполагал, что именно его мессер в завещании назначит наследником.

— А Вольф?

— Знаешь, Вольф был славным мальчиком. Тихим, застенчивым. Он всегда несколько тушевался на фоне старшего брата. Вернее, они были близнецами, но вот это старшинство как-то неуловимо считывалось. Герхард верховодил, а Вольф — всегда на полшага позади. До сих пор не верю, что он мог пойти

против брата.

— Мессер мертв, а Вольф стал наместником — это неоспоримый факт.

— Вольф всегда был темной лошадкой. Кажется, его специальностью были дипломатия и государственное управление. Он же настоящий вундеркинд, с феноменальной памятью. Только он, в отличие от брата, никогда не выпячивал свои достижения, а наоборот, старался держаться в тени. И, знаешь, возможно, я ошибаюсь, но мне кажется, что они были близки с твоей матерью. Были добрыми друзьями, во всяком случае. Так что, кто знает, если бы рядом не было ослепительного Герхарда…

Лука вспомнил жесткий бесстрастный взгляд и затянутые в лайковые перчатки руки Вольфа, сжимающие трость с рукояткой в виде серебряной волчьей головы, и содрогнулся.

— На снимке в светской хронике, где рассказывалось о свадьбе, Анника просто лучилась счастьем. Когда спустя год Герхард перенял жезл мессера, я маниакально отслеживал все публикации, все репортажи с торжественных приемов и парадов, под лупой изучал все снимки — вдруг где-то на заднем фоне промелькнет и ее лицо. На последних снимках, с уже заметно округлившимся животиком, она выглядела осунувшейся, потускневшей и беспредельно одинокой даже в толпе, как будто ее окружал невидимый пузырь. Анника никогда не стремилась стать светской львицей, блещущей фамильными драгоценностями и остротами. Зная ее, могу представить, как невероятно тяготила ее роль первой леди, на которую обращены все взгляды. Но, думаю, вовсе не это заставило ее решиться на побег. Герхард всегда считал ее наивной мечтательницей, которая не понимает истинного устройства мира, его грязной и неприглядной изнанки. Анника обладала уникальным даром смирять его вспышки гнева, которые списывала на горячность, свойственную увлекающимся натурам. Вероятно, когда спал флер влюбленности, она осознала, что вода точит не всякий камень…

Старик умолк, погрузившись в воспоминания. Затуманенный взгляд был обращен внутрь, а у губ обозначилась скорбная складка.

— Мне кажется, это все — полная ерунда. Любовь-морковь всякая. Как можно любить человека, с которым разговариваешь на разных языках? С которым дышишь разным воздухом?

— Что ты знаешь о любви, мой мальчик?

Лука невнятно буркнул что-то и отвернулся.

— Кажется, я превращаюсь в старого ворчуна, который берется учить сороконожку бегать, — усмехнулся старик.

— Я никого никогда не любил. Не знаю, может, я

бракованный какой-то и просто не способен на это. Во дворце у Вагнеров я встретил Мию. Она — внучка старика Вана, тамошнего садовника. Раньше я пару раз путался с девчонками, как и все парни на сломе. Но это… это совсем другое. Она такая чистая, такая ранимая. Такая беззащитная. А Вагнеры вышвырнули их из страны, как мусор…

Фогель задумчиво помолчал.

— Я слышал, что переселенцев с азиатскими корнями отправляют кораблями на острова в Южно-Китайском море.

На следующий день Лука проснулся рано, но лежанка Фогеля была уже пуста. Выйдя на задний двор замка, он увидел, что старый библиотекарь занят колкой дров. Заметив внука, он расплылся в улыбке.

— Если зашел в тупик, первое правило — остынь, займись рутинными делами, — сказал Фогель, утирая лоб рукавом. — Решение придет, когда перестанешь искать его, пытаясь лбом прошибить кирпичную стену. Идеи, ставшие настоящим прорывом в науке, часто приходили из области бессознательного, из сновидений и внезапных озарений. А колоть дрова еще и полезно для мускулатуры.

— В таком случае и мне не помешает немного помахать топором, — усмехнулся Лука.

Фогель уступил ему место и сел на бревно, щурясь на солнце. Из расстегнутого ворота куртки торчала худая старческая шея.

— Я немного поразмыслил и все же склоняюсь к мысли, что Вольф, если он и вправду замешан в этой истории, действовал не сам, а по наводке советника старого мессера. При любом раскладе Тео в смертельной опасности. Если Вольф в сговоре с кланом Ли, путешествие Тео по Чжунго рискует затянуться на неопределенно долгий срок. А то и вовсе внезапно оборваться из-за несчастного случая. Но даже если это не так, Тео станет разменной картой, когда между новым правителем Ганзы и кланом Ли возникнут разногласия.

Лука опустил топор, с сухим стуком разрубив полено.

— Думаю, даже если Вольф, движимый самыми благими намерениями и заботой о племяннике, проявит чудеса дипломатии, ему не удастся вызволить наследника. На каждый веский довод придумают тысячу убедительных отговорок. А обострять отношения и идти на прямой конфликт с недавно обретенными союзниками, которые тысячекратно превосходят его по всем позициям, он не отважится.

Лука ругнулся сквозь зубы: лезвие топора намертво застряло в сучковатом полене.

Во дворик въехал бронированный внедорожник, из которого

высадились пятеро вооруженных бойцов в военной форме Ганзы, но без опознавательных знаков. Фогель взглядом указал Луке на приоткрытую дверь склада, где хранилась провизия, а сам поспешил навстречу незваным гостям.

— Добрый день, господин офицер. Директор пансионата в отъезде, может быть, я могу быть чем-то полезен?

Тот, к кому обратился Фогель, достал из кармана распечатку и протянул библиотекарю.

— Вам знакома эта женщина?

— Кажется, нет. Сложно сказать определенно. Но, бога ради, что случилось?

— Она мертва.

Лука рванулся, но Гуннар схватил и крепко держал его, зажимая рот огромной ручищей, пока он бился, как пойманный в силки зверь. Старик потрясенно молчал.

— Преступник объявлен в розыск. Паренек молодой, но уже отпетый. Высокого роста, светловолосый, худощавый. Несколько дней назад сигнал с его айдибраса был запеленгован неподалеку от замка, а затем пропал. Мы прочесываем округу. Не встречали?

— Нет. Здесь же глухие места. Каждый чужак — как бельмо на глазу. Вот так новости… Спасибо, офицер, смею заверить, что мы примем все меры предосторожности и усилим наблюдение.

— Прекрасно. А для полного спокойствия мои парни осмотрят замок. Что там, склад?

— Погодите-ка, — задумчиво пробормотал Фогель. — Позвольте еще раз взглянуть? Да, кажется, я узнал ее, это медсестра из лагеря переселенцев. Мы виделись около недели назад, и, признаться, ее поведение показалось мне несколько странным. Но, если вы не против, переместимся в мой кабинет — не хотелось бы обсуждать конфиденциальные вещи при посторонних. Заодно проведу вас по всем закоулкам замка.

— Так и быть. Патрик, остаешься тут. Гляди в оба!

На плечо Луки опустилась тяжелая ладонь. Вздрогнув, он обернулся и увидел Гуннара. Не говоря ни слова, он провел Луку между бастионами из холщовых мешков с крупами и мукой. В дальнем углу склада он сдвинул с места пластиковый контейнер и, потянув за кольцо, откинул крышку люка.

— Живо, — прорычал он.

На следующий день во двор Шварцвальда вновь въехал бронированный внедорожник: офицер, который накануне допрашивал Фогеля, защелкнул на худых запястьях старика наручники. Когда старого библиотекаря под конвоем вели по длинным коридорам замка, из всех дверей выглядывали встревоженные, испуганные лица детей, воспитателей

и медсестер. Вся эта орава высыпала на мощеный дворик. Кто-то плакал, кто-то что-то выкрикивал, но большинство просто подавленно молчали. Старик улыбался, немного смущенно и растерянно, искал кого-то взглядом в толпе и иногда приветливо взмахивал руками, стянутыми стальными браслетами, словно все они видели не миг его позора, а триумфа.

— Прямо почетный караул, — усмехнулся офицер.

— Нет, просто дети. Мои дети.

Гуннар продержал Луку в погребе несколько дней, пока по округе рыскали ищейки Вольфа, а затем в кузове фургона, заставленного коробками с медикаментами и консервами, отвез его на мюнхенский вокзал и вручил билет на трансконтинентальный экспресс. Там, в гудящей сутолоке вокзала, сумрачный громила еще сильнее походил на каменного тролля из старой волшебной сказки.

— От мастера Фогеля нет никаких вестей? — спросил Лука.

Гуннар лишь тяжело вздохнул, обводя мрачным взглядом толпу спешащих пассажиров. Он тосковал по старику, как преданный пес: днями напролет бесцельно слонялся по дворику или коридорам замка или сидел, уставившись в одну точку.

Раздался сигнал к отправлению, стюарды поторапливали последних пассажиров. Лука подхватил маленький рюкзак, в который уместились смена белья, хлеб и кралька колбасы из кладовой Шварцвальда, и книга из библиотеки замка — как напоминание о сумасшедшем птичьем профессоре.

# Часть вторая. Тео

*В местности рассеяния не сражайся; в местности неустойчивости не останавливайся; в местности оспариваемой не наступай; в местности смешения не теряй связи; в местности — перекрестке заключай союзы; в местности серьезного положения грабь; в местности бездорожья иди; в местности окружения соображай; в местности смерти сражайся.*

***Сунь-цзы. Искусство войны***

# Глава 1

— Госпожа Ли поручила мне сопровождать вас, молодой господин Теофиль, во время посещения музея истории Нуркента.

— А разве она сама не присоединится?

Тео с трудом скрыл разочарование под маской вежливости. Пару недель назад в их отношениях с мачехой пролегла трещина. Из-за полнейшей ерунды, глупого спора. Сам виноват: повел себя как полный кретин. И даже заметив, как она вспыхнула от гнева и поджала губы, не отступил, продолжая из чистого упрямства доказывать свою правоту. Ли Чи, конечно, сохранила лицо, не высказала недовольства и даже, как было между ними заведено, поцеловала в лоб на прощание, но с тех пор отгородилась стеной молчания. Больше не приглашала сопровождать ее на встречах с владельцами торговых компаний, делегациями провинций Восточного побережья или менеджерами Транснациональной линии. Во время переговоров Тео всегда держался в тени, не раскрывал рта и вообще не выдавал, что понимает, о чем идет речь. А потом, оставшись с Ли Чи наедине, в лицах изображал, как жадный, но трусоватый делец постоянно нервически потирал потные руки, пытаясь выторговать скидку для перевозки товаров и в то же время отчаянно боясь показаться неучтивым. Или как плел развесистые словесные кружева чиновник, увиливая от прямого ответа на вопрос о том, почему вновь повышаются таможенные сборы. Ему удавалось так ловко подметить и ухватить характерные жесты, походку, мимику и интонации, что Ли Чи всякий раз звонко хохотала, прикрывая губы шелковым веером с вышитыми царственными павлинами-альбиносами.

Как же он так сглупил? Ему ли не знать, как легко лишиться ее расположения, вызвав тень досады на прекрасном лице? За несколько месяцев, прошедших с того дня, как он сел в роскошный вагон поезда, который унес его далеко на юго-восток, на окраину Срединной Азии, он не раз наблюдал, как лишались привилегий доверенные советники, чтобы, кажется, твердо усвоить урок: не перечь. Никогда. Ни в чем.

Но в тот злополучный день Ли Чи была так приветлива, мила и смешлива, что заражала искристым весельем всех вокруг. И он на миг забылся. Сболтнул, что было на уме. Тот истощенный старик в грязных лохмотьях выглядел совершенным безумцем. Весь вид его был так жалок, что, казалось Тео, он заслуживал не наказания, а брезгливого снисхождения. Но стоило ему об этом заикнуться, как между изящными, точно прорисованными

тонкой кистью бровями Ли Чи залегла морщинка неудовольствия.

— О нет. Это опасный преступник. Смутьян, который дурит людям головы. Террорист, который торгует нелегальным оружием и закладывает бомбы. Захватывает заложников и имеет наглость выдвигать ультиматумы законным властям.

— Он?! Этот жалкий старик?

— Не он один. Вся их грязная шайка. Даже половины совершенного ими вполне хватило бы для трех смертных приговоров. Но ему долго удавалось скрываться от правосудия. Но горькая ирония в том, что его предали те, кого он считал своими соратниками. А ведь все могло сложиться иначе, если бы однажды он не совершил одну очень большую ошибку…

— Какую?

— Перешел дорогу клану Ли.

В этот момент старик поднял голову и посмотрел на Тео — так, словно кроме них двоих в огромном зале для торжественных приемов никого больше и не было. На его смуглом лице тенью проступил сгусток сырой, неизбывной тоски, от которой перехватывало сердце.

— Но… — Тео уже и сам понимал, что стоило прекратить разговор, пока он не переступил границы безопасной территории, пока все еще можно легко обернуть в не слишком удачную шутку. Но слова вырывались помимо его воли, словно он под порывами ветра пытался удержать в руках вертлявый зонт. — Возможно, уважение к клану Ли только возросло, если бы вы проявили милосердие?

— Милосердие будет расценено как слабость. Как готовность идти на уступки. Он заслуживает смерти, мучительной и постыдной.

— Но разве…

— Оставим этот спор, мой мальчик. Не все местные обычаи и традиции понятны иностранцам.

По знаку Ли Чи двое охранников подхватили старика под руки и выволокли из зала. Тео, нахмурившись, проводил его взглядом, но через пару минут, когда Ли Чи предложила прогуляться перед обедом по саду, он уже выбросил мысли о странном старике из головы.

Казалось бы, пустяковая история, но взгляд старого безумца воспаленной занозой засел в памяти Тео. И Ли Чи словно подспудно чувствовала это, хотя они ни разу не обсуждали тот случай. С того дня в их отношения закрался холодок отчуждения.

Понурившись, Тео поплелся за господином Ли Хоем. Он приходился Ли Чи дальней, сложно вычисляемой родней — как смутно уловил Тео из уклончивых недоговоренностей

и умолчаний, с его ближайшими родственниками была связана какая-то давняя неприглядная история. Да и сам он особыми талантами не блистал, поэтому, несмотря на громкую фамилию, занимал в клане весьма скромное положение и обычно выполнял разные мелкие поручения. Вероятно, он еще не успел уловить смену погоды в отношениях Ли Чи и Тео и потому отнесся к предложению устроить пасынку госпожи Ли и юному наследнику Ганзы занимательную экскурсию со всей серьезностью и обстоятельностью.

Ли Хой битый час как заправский гид водил Тео по анфиладе огромных ярко освещенных залов музея истории Нуркента. Перемежая вирши народных поэтов цитатами из правительственных документов на выспренном мандарине, с гордостью демонстрируя архивные снимки, старинные инструменты и прочие пыльные артефакты, диорамы с крошечными фигурками и фрагменты кинохроник, он путано, то и дело скатываясь в несущественные подробности, излагал историю города, в одночасье возникшего среди пустыни, как мираж.

— Удивительно. Потрясающе, — время от времени произносил Тео, выдавая дежурную похвалу, как робот. Из-за выкрученных на максимум кондиционеров, которые гоняли по пустым залам мертвый воздух, он практически впал в анабиоз и утратил волю к сопротивлению.

Музей Нуркента был построен более полувека назад, но в залах до сих пор пахло свежей краской и лаком — это была вычищенная, переписанная набело история города, которую, как разряженных в аляповатые национальные костюмы кочевников с кувшином кумыса и пресными лепешками на подносе, демонстрировали чужакам — высоким гостям из дальних краев. Все здесь было пропитано победительным патриотизмом и безудержным энтузиазмом колонизаторов.

— Рад, безмерно рад, что славная история Нуркента вызвала у молодого господина Теофиля живейший интерес, — сощурившись в угодливой улыбке, заключил Ли Хой. Тео встрепенулся. Обнадеженный, что пытка экскурсами в историю наконец-то прекратилась, он даже не стал поправлять гида, который по ханьской традиции перепутал имя с фамилией.

— Скоро время обеда, и я взял на себя смелость забронировать кабинет в ресторане «Семь путей», — с гордостью сообщил Ли Хой.

— Спасибо. Перекусить после столь насыщенной культурной программы действительно бы не помешало. Но, если вы, конечно, не против, я бы предпочел посетить городской рынок. Я

наслышан, что только там можно попробовать настоящую местную кухню.

Ли Хой замер и уставился на Тео в надежде, что он попросту ослышался, что юный наследник сейчас рассмеется и признается в неудачной шутке. Но Тео, на губах которого застыла вежливая улыбка, в ответ смотрел на него так же напряженно и выжидательно.

— Боюсь, молодой господин, это может быть опасно…

— Да бросьте! Что может грозить в Нуркенте представителю могущественного клана Ли и его почетному гостю?

Ли Хой отвел взгляд, лихорадочно придумывая правдоподобную отговорку для отказа. Его страшила угроза навлечь гнев Ли Чи — причем в равной мере как тем, что он не исполнил прихоть ее гостя, так и тем, что он старался угодить ему слишком уж рьяно. Заметив его колебания, Тео, который уже не раз убеждался в справедливости ханьской поговорки о том, что иногда лисе стоит только произнести имя тигра, чтобы уладить дело, вынул козырь.

— Госпожа Ли давно обещала познакомить меня с этой самобытной и яркой страницей истории города, но это все время возникали какие-то срочные неотложные дела. Она ведь всегда так занята. Так что раз уж возник такой удачный случай, почему бы нам не воспользоваться им?

Ли Хой принял сокрушенный вид, став даже как будто даже ниже ростом.

— Если молодому господину Теофилю угодно взглянуть на грязных попрошаек с городских окраин, мне ничего не остается, как удовлетворить его каприз… Но все же пообедаем мы, позвольте уж мне настоять, в приличном месте.

Тео был счастлив покинуть обжигающе ледяной музей. Закрепив на лице плотно прилегающую защитную маску из нановолокна, он следом за Ли Хоем шагнул наружу, в обжигающий воздух. На календаре была уже поздняя осень, но в природных часах что-то сбилось, и белое солнце по-прежнему раскаляло рыжую степь, как медный таз, насылая на Нуркент пылевые смерчи. Мелкие речушки давно пересохли, листва на деревьях скукожилась и опала, а горожане старались лишний раз не выходить на улицу.

Хозяин ресторана, сухонький неприметный старичок, сложив лицо в угодливую гримасу и поминутно кланяясь, проводил их в отдельный кабинет в дальнем конце зала, отгороженный легкими раздвижными панелями. Древний кондиционер гудел, словно там было осиное гнездо, в которое ткнули палкой. Расторопные разносчики с подносами тут же заставили низкий

стол из темного полированного дерева множеством тарелок, плошек, мисок и соусников.

— Этот ресторан принадлежит семье Фун, верным данникам клана Ли в пяти поколениях. Здесь чтут древние традиции настоящей гуандунской кухни. Попробуйте, молодой господин, это истинное наслаждение для гурманов, мозаика вкусов — не то что пресная и истекающая вонючим бараньим жиром синьцзяньская стряпня. Вот, к слову, легендарное блюдо «бой дракона с тигром».

— И где же повара разыскали представителей этих вымерших видов местной фауны? — улыбнулся Тео, силясь продолжать светскую беседу.

— О, это вымоченное в специальном соусе кошачье и змеиное мясо. К слову, рецепт маринада держится в строжайшей тайне и передается в семье из поколения в поколение.

— Невероятно, — выдавил Тео, подавляя рвотный позыв. Он жил в Нуркенте уже больше месяца, но так и не проникся желанием отведать некоторые деликатесы местной кухни. Ли Чи неизменно подтрунивала, видя его замешательство при виде супа из обезьяньих мозгов, запеченных в пряном карамельном соусе мышат или фрикасе из енотовидной собаки. В гуандунской традиции принято бланшировать, отваривать и запекать все, что опрометчиво попадется под руку повару.

Ли Хой, едва не давясь слюной от восторга, подробнейшим образом расписал, как именно приготовлены свиные уши, говяжий язык, гусиные шеи, петушиные лапы и прочие изысканные блюда. Тео ткнул в меню, выбрав простой отварной рис.

— Из-за уличного пекла я совершенно потерял аппетит, — солгал он.

Ли Хой только недоуменно пожал плечами, с поразительным проворством прихватывая куски из разных мисок и в промежутках утрамбовывая в рот пучки зеленого лука и острой квашеной капусты.

Когда стол стал напоминать поле ожесточенной битвы, разносчики внесли подносы с дымящимися плошками с лапшой и плавающими в бульоне вонтонами, а чуть погодя — бамбуковые корзинки с источающими дивный аромат димсамами из тончайшего рисового теста. А в завершении обеда, в качестве особого деликатеса, — громадного красноусого омара с парой лишних конечностей.

— Красавец, — мурча от предвкушения, похвалил Ли Хой, обмакивая вымазанные соусом пальцы в изящную пиалу, где плавал тонкий ломтик лимона. Мутант, выращенный на морской

ферме и доставленный через всю империю в ящике со льдом, бессмысленно пялился в пустоту, лежа на блюде с экзотическими фруктами.

После доброго десятка опрокинутых стопок лицо Ли Хоя раскраснелось, а речь стала обрывочной, сумбурной, но еще более громогласной. Тео отложил палочки и поднял запотевший бокал.

— Благодарю вас, уважаемый господин Ли, за бесценные знания об истории славного города Нуркента и этот дивный обед. Пусть будут благословенны ваши дни и здоровы ваши близкие!

Тео надеялся, что тост будет воспринят как вежливый знак завершения порядком затянувшейся трапезы, но захмелевший Ли Хой лишь усмехнулся, приобнял его за-панибратски и, дыша в лицо алкогольными парами, выдал глубокомысленную тираду об опасностях, подстерегающих беспечного белого кролика в высокой траве.

— Так что, молодой господин, хоть я вас и всячески уважаю, но лучше бы вам быть пай-мальчиком и не совать нос за границы намеченного маршрута.

Тео примирительно поднял бокал и одарил Ли Хоя одной из самых беззаботных улыбок из своего широкого арсенала.

# Глава 2

Но рынок Тео разочаровал. Место, о котором он был столько наслышан, оказалось не волшебным восточным базаром с узорчатыми коврами, вытканными вручную, и горами всевозможных специй, от запаха которых нестерпимо щекочет в носу. А убогой барахолкой с лотками, сколоченными вкривь и вкось из обломков фанеры, пластика и палок. Вслед за Ли Хоем он пробирался по тесным переходам между торговыми рядами, наполненными бестолковым гвалтом и толкотней, зловонным дымом от прогорклого масла и сладковатым смрадом гниющих отбросов. Тео хотелось развернуться и побыстрее оказаться в кондиционируемой тишине салона автомобиля, где витает тонкий аромат кожи хорошей выделки, упредительной почтительности и респектабельного комфорта. Но после того как он сам настоял на посещении базара, проигнорировав изворотливые попытки гида отговорить его, он уже не мог повернуть назад. Это значило бы потерять лицо. Тео не хотел выглядеть в глазах Ли Хоя самонадеянным изнеженным мальчишкой. Поэтому он с преувеличенным интересом присматривался к грошовому скарбу, выложенному прямо на земле под матерчатыми навесами, которые ничуть не укрывали от палящего солнца и жара нагретой за день степи.

— А почем эта вещица, уважаемый? — для проформы спросил он на мандарине, взяв в руки кособокий и аляповатый ночник, склеенный из разноцветных осколков стекла.

— Эту великолепную лампу я, так и быть, уступлю тонкому знатоку за тысячу двести.

— Сколько? — искренне возмутился Тео, прикинув в уме цену лампы в привычных марках.

— Ручная работа, другой такой нет, господин.

— Нет, спасибо, — Тео поставил ночник обратно.

— Тысяча, так и быть, для уважаемого господина с таким отменным вкусом.

Тео чувствовал, что мог бы легко сбить цену до трехсот юаней, а то и ниже, но желания торговаться просто из спортивного интереса не было: ночник был ему и даром не нужен. Он равнодушно скользнул взглядом по выставленным на продажу лампам и развернулся, чтобы уйти. Но продавец вцепился в него мертвой хваткой.

— Хорошо, господин, так и быть, назови свою цену?

— Уважаемый, я же сказал: мне не нужна эта лампа, я передумал.

Но лавочник наступал, пытаясь всучить Тео несчастный ночник, как бы он ни отнекивался. Тео растерянно оглянулся, но Ли Хоя и след простыл. «Вот ведь зараза, бросил в одиночку разбираться с этим сумасшедшим! А сам наверняка стоит за углом и посмеивается, наблюдая за всем этим фарсом».

— Повторяю последний раз, уважаемый: мне ничего не нужно! — в сердцах бросил Тео, уже без улыбки. Но когда он попытался всучить торговцу ночник, тот ловко увернулся. Лампа, выскользнув из рук Тео, упала на землю и разлетелась на мельчайшие осколки. А по касательной задела еще несколько ваз и горшков. С лица лавочника слетела маска угодливого радушия.

— Ах, так? — прошипел он.

— Я компенсирую ущерб, — примирительно пробормотал Тео. — Скажите, сколько я должен?

— Десять тысяч юаней.

— Сколько?! — выдохнул Тео.

Лавочник жестом подозвал пару плечистых молодчиков, которые все это время были неподалеку и со скучающим видом наблюдали за разыгрывающейся на их глазах сценой.

— Секунду, — Тео быстро проверил баланс на счете. Меньше семи тысяч. Он беспомощно огляделся, выискивая в толпе зевак Ли Хоя: ему давно пора бы прийти на выручку почетному гостю клана Ли, который оказался в щекотливой ситуации.

— Ну так как?! — наступал лавочник.

— Давайте условимся на шести с половиной и разойдемся с миром?..

— Хватай мерзавца! — заверещал торговец, как будто его ошпарили кипятком.

Бугаи усмехнулись, предвкушая расправу над щуплым долговязым лаоваем. Тео напрягся, лихорадочно пытаясь вспомнить хоть что-то из уроков по восточным единоборствам, однако на ум приходила только пара стоек, совершенно бесполезных и смешных в этой ситуации. Он сжал кулаки и нахмурился, молясь о том, что его свирепый вид противники примут за готовность биться насмерть.

Вдруг земля под ногами Тео содрогнулась. Ударной волной его отбросило на нагромождение ваз и ламп, которые под весом его тела с хрустом раскрошились. Впрочем, до этого уже никому не было дела. Все вокруг заволокло черным дымом и гарью, мимо Тео бежали перепуганные люди, закрывая руками окровавленные лица, прижимая к груди плачущих детей. В невообразимом гвалте он отчетливо разобрал лишь одно слово. Уйгуры.

— Эй, вставай живее, надо уходить, если не хочешь иметь

проблем с полицией, — незнакомый парень протянул Тео руку, чтобы помочь подняться.

— Спасибо, — пробормотал он. — Это какое-то недоразумение.

— Иностранец? Как ты вообще оказался здесь, на рынке? Да еще и без охраны? Ну что, очухался малость? Надо спешить, полиция будет здесь через минуту.

Тео на автомате просканировал намерения паренька: прямая угроза его жизни не считывалась, и на том спасибо.

— Я — Шнырь, кстати, — сказал паренек, увлекая его за собой.

— Лукас, — Тео и сам не знал, почему решил представиться именем брата. Просто оно первым пришло на ум.

— А ты неплохо шпаришь по-местному. Ты как вообще оказался в Нуркенте? Здесь не слишком много чужаков.

— Я здесь проездом, с отцом. Он торговый представитель крупной компании из Бауэрна. И, пока идут переговоры, один из его деловых партнеров устроил для меня экскурсию по музею истории Нуркента, — на ходу сочиняя легенду, где переплелись правда и выдумка, Тео машинально провел рукой по саднящей щеке. На грязной ладони остались следы крови. То, что ему, находясь так близко к эпицентру взрыва, удалось отделаться лишь царапинами и ссадинами, теперь представлялось настоящим чудом.

— Ручаюсь, в этом музее не было ни одного стенда, где бы рассказывалось о голодных бунтах в бедных районах. Как и о людях, которые укладывали сияющие гектары железнодорожных рельсов, а теперь доживают свой век в жалких лачугах, за гроши разбирая груды мусора на городской свалке.

Паренек свернул в один из безликих проулков. В дорожной пыли рядом с дверью, выкрашенной облупившейся зеленой краской, дремала старая патлатая собака. При виде Шныря она прижала уши и суетливо застучала по земле хвостом, но не двинулась с места.

— Как ее зовут?

— Кого? — во взгляде Шныря сквозило недоумение, как если бы Тео спросил об имени камня на обочине дороги или фонаря.

— Собаку, разумеется.

— Никак, — пожал плечами Шнырь. — Собака, и все тут. Зачем еще какое-то имя?

— Да ты славная, — Тео присел на корточки и погладил широкий лоб собаки. Та покорно прикрыла веки и замерла, только хвост еще быстрее застучал. Где-то недалеко завыли

полицейские сирены.

— Ну же, идем!

Рассеянные солнечные лучи, пробивающиеся сквозь треснувшее пыльное стекло, не столько освещали помещение, сколько обозначали тусклыми бликами причудливые вещи. Стеллажи вдоль стен были заставлены пузатыми разнокалиберными банками и бутылками, излучавшими мутное зеленоватое свечение. В них, как в илистой глубине заросшего ряской пруда, угадывались очертания странных чудищ: ощерившейся кривыми клыками змеи, хитинового панциря с бесчисленным множеством лап и клешней, уродливого скрюченного эмбриона с раздутой головой. В огромных ларях и плетеных коробах были свалены обломки пожелтевших костей, узловатых корневищ растений, змеиных выползков, медвежьих лап, сушеных тушек летучих мышей и жаб, а по стенам развешаны пучки трав и кореньев, названий которых Тео не знал. На стуле в углу дремал упитанный господин с облетевшим венчиком седых волос.

— Это мастер Ху, он тут вроде аптекаря. Многие из здешних верят в силу жизненных сущностей животных и растений: что настойка на скорпионе и притирка с перемолотой берцовой костью тигра даруют им бодрость духа, ясный ум и долголетие. Ну и мужскую силу, само собой.

Тео избегал слишком уж пристально вглядываться в содержимое склянок, опасаясь, что вид свернувшейся на дне змеи накрепко запечатлится в сознании и потом еще не раз явится во снах.

— Мастер Ху сдает не одну из задних комнат и не допекает с расспросами. Главное — чтобы я каждый вторник оставлял у его двери кувшинчик с байцзю. Сомневаюсь, что он и лицо-то мое вспомнит, — Шнырь хохотнул. — Иногда меня даже одолевают сомнения, жив ли старикан еще или уже откинулся и превратился в один из своих проспиртованных экспонатов.

Шнырь провел его в захламленную темную комнату, принес таз с теплой мутноватой водой и серое полотенце.

— Вот, держи.

Тео кое-как обтер лицо. Левая щека горела и пульсировала.

— Неслабо, конечно, тебя приложило, — участливо поцокал Шнырь. — Ну да ничего, заживет.

— А это что такое? — Тео кивнул на серебристую полусферу, которая выглядела совершенно инородным предметом в обшарпанной, замусоренной комнате.

— Что? А, это? Так это ж «Сон наяву». Ты что, ни разу не пробовал? — удивился Шнырь. — Сильная вещь. Многие

из местных спускают на это весь заработок. Рискнешь? Первый раз — так уж и быть, задарма.

Тео нерешительно кивнул. Шнырь усмехнулся и запер дверь. Шлем, оказавшийся совсем невесомым, плотно охватил голову, вдавился в височные кости.

— Слишком давит.

— Так и должно быть, чтобы видеть сны наяву.

— Какие, например?

— Есть разные программки, — Шнырь вытащил из-под кровати старую обувную коробку, в которой россыпью хранились разноцветные пластины размером с ноготь. — Отпадная вечеринка, свидание с голливудскими звездами, райский остров, полет птицы, гарем падишаха… Но, честно говоря, я не любитель сфабрикованных локаций, даже если компьютерная графика не подкачала. Настоящие воспоминания экстремальщиков — вот где крышесносное погружение в фуллриал. Только здесь ты не только видишь и слышишь все в стерео, но и чувствуешь запахи, прикосновения: короче, все даже реальней, чем в жизни. Это, конечно, подороже, потому что зачетные новинки сложнее выудить из потока всякого шлака. Притом не всегда и угадаешь, что хорошо зайдет: есть те, кто готов выложить заработок за три дня, чтобы в сотый раз пересмотреть прогулку по дождливому осеннему парку, а кто-то залипает на поездке в токийском метро в утренний час пик.

— Это что, реальные воспоминания людей?

— Ну да, просто кто-то продал права на ретрансляцию, чтобы чуток подзаработать. Что тут такого? — пожал плечами Шнырь. — Нормальный бизнес. Не грязнее прочих. Ну так что, определился с выбором? Вообще-то тем, кто пробует впервые, я всегда предлагаю просто довериться потоку — шлем сам выловит что-то интересненькое и неожиданное. Закоулки собственного подсознания всегда увлекательнее чужих фантазий.

Перед лицом Тео медленно опустилась тончайшая линза из углеродного наноматериала. Ионное напыление придавало всему потусторонний синеватый оттенок. В динамиках зашуршало что-то вроде белого шума. Это поначалу тревожило и раздражало, но постепенно Тео стал улавливать путанный, сбивчивый ритм. Так или иначе, все это явно не тянуло на «нечто крышесносное». Тео недоуменно улыбнулся и хотел было сдернуть шлем, но покачнулся и едва устоял на ногах: голова закружилась, и все поплыло перед глазами, как будто он оказался в эпицентре восьмибалльного землетрясения. Шнырь придержал его и усадил на пол, заплеванный, засыпанный скомканными обертками и контейнерами от уличной еды. Тео с трудом подавил

брезгливость и на мгновение прикрыл глаза.

А когда открыл, захламленная комната неуловимо изменилась. Как будто кто-то смягчил краски, сгладил очертания предметов, наполнив все теплым, переливчатым, нездешним светом, как на старом фотоснимке. Тео почувствовал острый укол в сердце. Нет, он вовсе не утратил ощущения реальности и все так же ясно осознавал, что находится в нелегальном виртусалоне в компании странноватого парня по прозвищу Шнырь. Но в то же время он снова стал ребенком, который видит красоту и гармонию мира даже в самых обыденных и невзрачных вещах. И, главное, мама была здесь, где-то совсем рядом. Он не видел ее, но твердо это знал. Как и то, что она никогда не покинет его. Вот ее теплая ладонь легко провела по его порядком отросшим вихрам, слегка взлохматив их. Он услышал, как она тихонько напевает. И тревога, напряжение, от которых каменели плечи, исчезли — впервые за много месяцев. По лицу Тео текли слезы, но он улыбался.

— Вот ведь торкнуло, — пробурчал Шнырь. — Ну все, сеанс окончен. Поигрался, и хватит. Тут не Диснейленд.

Он грубо стянул с головы Тео шлем, и все вокруг снова стало беспощадно тусклым, плоским, уродливым и раздражающе реальным. Тео почувствовал, как тошнота подбирается к самому горлу, и прикрыл рот ладонью.

— Эй, даже не вздумай, — мрачно предупредил Шнырь. — Сам затирать будешь.

— Что это, черт возьми, было? — спросил Тео, безуспешно пытаясь сфокусировать взгляд и подняться на ноги.

— Да не дергайся ты, посиди чуток, пока совсем не отпустит. Если по-умному, то это электронный галлюциноген. Контактные сенсоры улавливают волны мозга, а чип преобразует и их в визуальные образы. Многие из местных подсаживаются на этот морок, потому что это помогает хоть как-то мириться с окружающим адом. Спускают все деньги и подыхают с голоду. Но ты, я гляжу, паренек с головой, аккуратный. Захочешь еще разок нырнуть — адрес знаешь. Только уже не за спасибо, ясное дело. Ну давай, бывай. И не шляйся больше по рынку в одиночку, — Шнырь чуть ли не в спину вытолкал обескураженного и оглушенного Тео на улицу. Пройдя несколько кварталов, он вызвал такси.

# Глава 3

Вся территория парка, в глубине которого были надежно укрыты от любопытных глаз несколько особняков клана Ли, была в осаде полицейских машин. Весь квартал гудел: люди в форме, чьи лица появлялись из темноты, подсвеченные сигнальными огнями машин, и снова исчезали, отрывисто переговариваясь по рациям. Тео протиснулся сквозь неровные зазоры между припаркованными машинами и подошел к воротам, которые охраняли несколько вооруженных автоматами человек. Он неуверенно назвал свое имя, стараясь не замечать направленное в его сторону черное дуло. Охранник молча кивнул на рамку сканера и, когда загорелся зеленый огонек, так же не произнеся ни слова, разрешил пройти.

В зале для приемов у стола с закусками, уже порядком разоренного, собралось несколько мужчин, которые ожесточенно спорили о чем-то, размахивая руками и все более распаляясь. Среди них Тео узнал доверенного советника мэра Нуркента — холеного, щурившего глаза в неизменной улыбке толстяка Ли Вера, а также начальника местной полиции с бульдожьим выражением лица. Немного поодаль, обхватив руками хрупкие плечи, стояла Ли Чи, задумчиво глядя в пространство. Заметив его, все разом обернулись и замолчали.

— Прошу прощения, господа. Мне необходимо переговорить с молодым господином Вагнером наедине. Это семейное дело. Кроме того, необходимо подготовиться к траурной церемонии. Сердечно благодарю вас за содействие. Клан помнит и бесконечно ценит друзей, которые оказываются рядом в трудную минуту. Мы обсудим дальнейшие действия завтра утром, в спокойной обстановке и на холодную голову.

Когда за последним посетителем закрылась дверь, Ли Чи, в лице которой не было ни кровинки, пересекла зал стремительным шагом и влепила Тео звонкую пощечину, от которой его голова едва не взорвалась.

— Ты… Ты… Пропадаешь неизвестно где и потом заявляешься как ни в чем не бывало, когда я уже подняла на уши весь город!

— Не поверите, в какую нелепую историю я встрял сегодня на рынке…

— Что за пьяные черти понесли тебя на старый рынок?! На территорию клана Фан, отношения с которым в последнее время и без того напряженные?

— Да откуда ж мне было знать об этом?! Между прочим, ваш

хваленый Ли Хой бросил меня на произвол судьбы.

— Ли Хой, да узнают его боги, мертв.

— Что?.. — отшатнулся Тео.

— Террорист-смертник опознал знак клана на его руке. Он оказался в самом эпицентре взрыва.

— Это… просто ужасно. Мне очень жаль, правда…

— Жаль? Жаль?! Погиб мой родственник. Член клана, каким бы бестолковым он ни был. Каждая пролитая капля ослабляет семью, показывает ее уязвимость. И теперь из-за твоей глупой беспечности погибнут еще люди.

— Но почему?

— Неужели ты думаешь, что мы оставим происшествие на старом рынке безнаказанным? — глухо произнесла она. — Что кланы допустят, чтобы в городе орудовала шайка подрывников, запугивая лавочников?

Ли Чи всегда оставалась в глазах Тео причудливой ханьской головоломкой. Он не видел ее мыслей, не мог прочесть их. Она виртуозно скрывала эмоции, сохраняя невозмутимость в любых обстоятельствах. Но сейчас, забывшись, она опустила заслон, и Тео увидел черное свечение ее ума. Заметив, как он, изменившись в лице, невольно отшатнулся, она тут же снова захлопнула сознание и отвернулась.

По шее Тео пробежал холодок. Он хотел что-то сказать, но Ли Чи, все так же избегая смотреть Тео в глаза, остановила его нетерпеливым жестом.

— Мне сейчас не до разговоров. Предстоит бессонная ночь. Увидимся завтра.

Тео ничего не оставалось, как молча уйти. Он не раз сопровождал Ли Чи на встречах представителей пяти наиболее влиятельных кланов Нуркента, но взаимоотношения между ними так и остались чем-то не до конца осмысленным — может, потому, что были текучей, изменчивой субстанцией, не поддающейся рациональному анализу? Бесконечная ханьская головоломка, где смысл сказанного спрятан глубже, чем алмаз в шахте, и, как правило, теряется при дословном переводе. Это как пытаться засечь на войне депеши противника, алгоритм шифрования которых меняется ежеминутно.

К тому же за прошедшие месяцы Тео, причем не без труда, освоил только мандарин. Поэтому когда Ли Чи, чтобы выразить особое уважение и расположение к визитеру из отдаленных провинций или просто соблюсти некую конфиденциальность, непринужденно переходила на другие диалекты ханьского, с гораздо большим количеством тонов, Тео сразу терял нить разговора. Однажды между ними в шутку завязался спор: он

в запальчивости отстаивал стройность, красоту и мелодичность высокого немецкого, и Ли Чи со смехом предложила ему забавный эксперимент: записать на бумаге старинное стихотворение. Она произнесла его сначала быстро, а затем медленно и отчетливо, как на диктанте в начальной школе. На листе у Тео был записан один и тот же слог «ши». Чертовых девяносто два раза, если не брать в расчет жалкой горстки запятых и точек.

— «Ши». В Ганзе так называют лыжи. Ну, так в чем же фокус?

— В переводе с одного из древних ханьких диалектов на твой варварский язык это звучит примерно так: «В каменном доме жил поэт, львов любивший. И он поклялся съесть десять львов. Утром он пошел на рынок. По чистой случайности на рынке появились десять львов. Когда поэт увидел львов, он выпустил десять стрел, и десять львов умерли. Взамен он получил десять львиных туш и вернулся в дом. Когда он съел десять мертвых львов, он понял, что это были десять каменных львов». И, заметь, все это богатство смыслов выражено одним лишь слогом, просто по-разному интонированным. «Лыжи», — передразнила его Ли Чи и, когда Тео с досадой отбросил остро заточенный карандаш, с ласковой насмешкой потрепала его по щеке.

Как и бесчисленные диалекты, кланы в представлении Тео были чем-то из глубокой древности, покрытой мхами и туманами, где у всех жителей селения одна на всех фамилия, стадо, капище и кладбище. Но парадоксально вот что: старинный клановый уклад ханьской империи без видимых усилий приспособился к новому миру. Правда, современный клан больше напоминает акционерное общество, с семейным капиталом и строгой иерархией, только без выходных пособий: плести интриги, чтобы заработать кабинет с кондиционером, кофе-машиной и личным референтом, придется не до пенсии, а до последнего дня жизни. Все члены клана имеют право на долю в капитале семьи и получают дивидендный доход, соразмерный их влиянию, положению и вкладу в общее дело. Все чтят неписаный свод правил, который иностранцу, или лаоваю, как его насмешливо называли местные, кажется слишком вычурным и надуманным.

Здесь, в этой выжженной пустынным солнцем степи, не приходилось рассчитывать на справедливость законов. Каждый житель Нуркента знал, что законы пишут не в книжках, они произрастают из земли и проверяются временем, огнем и кровью. Городом правил не мэр, которого по сложившейся традиции переизбирали раз в пятилетку. В реальности городом правили кланы. И окончание хрупкого перемирия между влиятельными семьями грозило его жителям более суровыми и изматывающими

тяготами, чем любое стихийное бедствие. И, возможно, его сегодняшний необдуманный поступок, глупый каприз и станет толчком, вызвавшим сход лавины огромной разрушительной силы, сметающей все на своем пути.

Оглушенный эхом собственных мыслей, Тео подошел к окну и прислонился лбом к стеклу, на которое с другой стороны наваливалась рыхлой тьмой душная ночь, продырявленная тусклым светом звезд.

В дверь тихо постучали. На пороге стояла Ли Чи. На ее бледном лице отпечатались следы усталости.

— Как ты?

Тео слабо улыбнулся ответ, но когда она попыталась коснуться его щеки, на которой еще виднелось красное пятно от оплеухи, неосознанно отстранился.

— Все в норме.

— Прости. Я сильно переволновалась и на мгновение утратила контроль. Я очень сожалею.

— Да ничего, бывает. Сам виноват.

— Где ты пропадал все это время? Мои люди обшарили все улицы, примыкающие к рыночной площади.

— Когда раздался взрыв, я побежал вместе с толпой. Отсиделся в одной тихой лавочке без вывески. Потом долго шел пешком, пока не удалось наконец вызвать такси.

— Хорошо. Впредь, если понадобится выбраться в город, тебя будут сопровождать мои люди.

— Неужели все так плохо?

— Мы давно сидели на бочке с порохом. Что-то такое должно было случиться, рано или поздно. Безумные фанатики.

Ли Чи вымученно улыбнулась.

— В знак примирения я хочу передать тебе на хранение медальон, который принадлежит семье уже семь поколений. Он дорог мне. Обещай, что будешь всегда держать его при себе.

Тео кивнул. Ли Чи вложила в его ладонь медальон из потемневшего серебра на длинной цепочке.

— Поспи, до рассвета еще долго, — она легко коснулась его лба прохладными губами и вышла.

Тео лег на кровать, вертя в руках округлый медальон. На крышке была выбита уродливая жаба, которая в ханьских поверьях считалась символом богатства и процветания. Тео надавил пальцем на выпуклое изображение, и задняя крышка слегка отошла. Сдвинув ее, он увидел тонкую фиолетовую пластину, похожую на те, что были в коробке у Шныря. Неужели Ли Чи доверила ему хранить ее воспоминания? Возможно, о чем-то бесконечно дорогом и личном? Может быть,

о детстве, о котором она так неохотно рассказывает? Или о давней романтичной истории? Или… о его отце?.. Чужая тайна жгла ладони, тревожила и влекла.

# Глава 4

— Эй, брат, я знал, что ты вернешься, — расплылся в улыбке Шнырь, когда Тео переступил порог его комнатки, морщась от запаха вчерашних объедков и грязного белья. — Все возвращаются. Не думал, что тебе хватит силы воли, чтобы выждать целую неделю. Или отец упек тебя под домашний арест?

— Вроде того, — усмехнулся Тео. В последнее время его жизнь в особняке Ли и вправду больше походила на тюремное заключение, так что придумать благовидный предлог для поездки в город стоило немалого труда. — Слушай, у меня не так много времени…

Шнырь понимающе кивнул, запер дверь и потянулся за коробкой.

— Любой каприз за умеренную плату — девиз моего маленького бизнеса. Что выберешь на этот раз? Отвязную вечеринку?

— Нет. Я хотел бы загрузить свой диск.

— О, если тут что-то стоящее, готов сделать серьезную скидку на следующие сеансы за перезапись.

— Исключено.

— Там что, твой первый раз? Решил пересмотреть, чтобы учесть все промахи?.. Ладно-ладно, шучу, — примирительно поднял руки Шнырь. — Давай сюда свой диск.

Тео с трудом переборол желание выхватить микрочип из коротких пальцев Шныря с грязными, обкусанными ногтями. Наконец, тот загрузил его в шлем и, переключая дисплей, по-беличьи зацокал языком.

— Впервые встречаю такой объем памяти. И все забито под завязку. Здесь воспоминаний — как за целую жизнь, а может, даже не одну.

Тео надел устройство и опустил прозрачное забрало.

— Только записи никак не маркированы, даже не разбиты по хронометражу — сплошной поток. Попробую ткнуть наугад.

Тео закрыл глаза и медленно опустился на пол и сел, скрестив ноги по-турецки. Легкий приступ головокружения, как будто спускаешься в скоростном лифте с сотого этажа, быстро прошел.

*Я бегу. Бегу со всех ног. Теплый песок, просочившийся в старые разношенные кроссовки, которые достались мне от старшего брата, приятно щекочет голые ступни. Холщовая сумка, в которой лежит свежая лепешка и солоноватый сыр, при каждом шаге легко бьет по ногам. Весной было много дождей, но вот уже три недели*

*стоит жаркая сушь, и высокая трава, которая доходит до середины лодыжек, стала жесткой и колкой. Овцы пережевывают ее с безропотной обреченностью, как древесные опилки. От быстрого бега дыхание сбилось, сердце бешено колотится в груди. Я впервые так далеко от дома один, и, хотя хорошо знаю дорогу, за каждым камнем и сухим кустом мерещится что-то жуткое. Я взбираюсь на холм и сразу понимаю: что-то не так. Блеющая отара сбилась в плотный ком, а несколько овец так и остались лежать на земле. Собаки бестолково мечутся, высунув длинные розовые языки. Над одной из овец я замечаю склонившуюся фигуру отца. Не окликая его, подхожу чуть ближе и вижу, как поблескивает в его руке окровавленный нож. Овца, которая судорожно бьется под его коленом, дергается в последний раз и затихает.*

*— Что ты наделал? — шепчут мои губы.*

*Отец быстро оглядывается и, кажется, только сейчас замечает меня. В его почерневшем, одичалом, чужом лице — только злость и досада. Он оттирает лезвие о пучок сухой травы и поднимается.*

*— Ты как здесь оказался, Аскар? Где Азамат?*

*Но я молчу. Я смотрю на запрокинутую голову овцы, на ее закатившиеся глаза и вывалившийся из пасти огромный язык с тонкими фиолетовыми прожилками, на то место, где буроватая плотная шерсть окрасилась алым. Смотрю и не нахожу сил отвести взгляд.*

Тео сдернул шлем и вытер вспотевший лоб.

— Ну, что там?

— Не успел толком разобраться. Маленький мальчик, сын пастуха, расстроен, потому что увидел мертвую овцу.

Поймав насмешливый взгляд Штыря, Тео стушевался.

— В пересказе звучит ужасно глупо, согласен.

— Слушай, у меня вообще-то дел по горло. Так что расплачивайся и проваливай.

Тео достал старую платежную карту, которые до сих пор были в ходу в Нуркенте, но не поднес к терминалу, а задержал в воздухе, словно в задумчивости.

— Слушай, Шнырь. Продай мне шлем?

— Да ты что, обалдел?! Это ж мой заработок.

— Я готов заплатить столько, что хватит на то, чтобы раздобыть новый шлем, да еще и немного разжиться на сделке.

— Это не шлак, который можно найти на любом маркетплейсе. Вообще-то это списанная модель из лаборатории ханьской военной базы. Так что тебе, приятель, это не по карману.

— Просто назови свою цену.

Шнырь, усмехнувшись, нажал на терминале несколько клавиш. Увидев ряд нулей на экране, Тео нахмурился — действительно ли минутная прихоть стоит того, чтобы грохнуть почти все сбережения? — а потом решительно поднес карту. Шнырь, который, похоже, не ожидал такого поворота, опешил, а потом, сунув терминал за пазуху, раскланялся, как управляющий магазина модной одежды, и спросил:

— Упаковать в подарочную упаковку с бантом?

— Нет, вполне сойдет и вон та коробка из-под консервированного тунца.

В лавке аптекаря Тео набрал кореньев из разных ларей и ссыпал их сверху в коробку. На улице его дожидались двое скучающих охранников, вооруженных скорострельными пистолетами. Один из них мрачно сплюнул и открыл дверь припаркованного на обочине автомобиля.

— Что так долго?

— Живот внезапно прихватило.

— Так это ж аптека.

— Да с живительного отвара старого шарлатана и прихватило.

Сопровождающие переглянулись и рассмеялись. Один из них — кажется, его звали Чжен — даже снисходительно похлопал Тео по плечу. Всю дорогу он судорожно размышлял, как пронести шлем, минуя сканер. Импульсивная, лишенная всякого смысла покупка теперь казалась ему ребячеством, несусветной глупостью. Если Ли Чи узнает, что он раскрыл медальон и попытался посмотреть то, что записано на диске, она придет в ярость. И он окончательно потеряет ее доверие. Тео прокручивал в голове десятки вариантов того, как можно незаметно избавиться от коробки, но с все нарастающей тревогой отметал их один за другим из-за очевидной невыполнимости. Он сам загнал себя в ловушку. К концу поездки его лицо стало сине-зеленого оттенка от накатывающего волнами ужаса.

— Молодому господину опять нездоровится? — участливо поинтересовался Чжен.

— Традиционная ханьская медицина плохо лечит лаоваев, — с чудовищным акцентом изрек его напарник, и они, подхватив Тео под руки, быстро провели его мимо поста охраны.

Оставшись один в комнате, Тео быстро задвинул коробку под кровать и еле успел добежать до ванной, где его вырвало остатками обеда. Прижавшись лбом к холодному белоснежному кафелю, он проклинал себя за самонадеянность и дал зарок избавиться от коробки при первом же удобном случае.

Но ночью, ворочаясь без сна, не устоял перед соблазном еще хотя бы раз одним глазком заглянуть в чужие воспоминания. Его странно влекла история смуглого мальчишки с чуть раскосыми глазами. Он казался Тео смутно знакомым, словно их связывала незримая нить. А может, он просто завидовал свободе и ничем не омраченной радости жизни, с которой мальчишка бежал по бескрайней степи, в качающемся мареве запахов диких трав? Или же он завидовал тому, что в его ветхозаветном мире чувствовалось присутствие сурового, немногословного, скупого на похвалу отца, безропотной, ласковой матери, чьи руки никогда не знали покоя, и целой оравы братьев и сестер — и уже одно это давало ощущение устойчивости, неизменного порядка вещей? Жизнь этого мальчика просматривалась на десятки лет вперед, не суля тягостных испытаний и крутых виражей, он был кровными узами связан с этой землей, с выцветшим от зноя небом, с волнующимся под степными ветрами ковылем. Он умел радоваться простым вещам, потому что не знал об обманчивых миражах и соблазнах большого мира. Край его вселенной был вровень с линией горизонта, и этого было вполне достаточно, чтобы вместить все необходимое для счастья и полноты жизни.

Лука дрожащими пальцами вставил диск в разъем и надел шлем. С каждым разом грань между реальностью и картинкой, которую зрительные рецепторы считывали с экрана, становилась все более незаметной, почти призрачной.

*К двухэтажному зданию школы стекается молчаливый, печальный поток людей в темной одежде. Я не вижу никого из школьных приятелей. Вообще никого из детей. Мать отправила меня в школу, чтобы узнать, не там ли мой старший брат, который пропал со вчерашнего дня. Она сама уже оббежала всех соседей, а отец еще на рассвете ушел в город. В школьном дворе стоят несколько грузовиков с брезентовым кузовом.*

*Я достаю из кармана брюк замызганную марлевую повязку, надеваю ее и приоткрываю тяжелую дверь. В коридоре толпятся люди. Со всех сторон раздаются сдавленные рыдания и судорожные всхлипы. Спортзал с вытертыми крашеными досками и баскетбольными кольцами, где всегда гуляло гулкое веселое эхо, погружен в тишину. Большие окна под потолком затянуты темной тканью. В нос бьет трупный запах. Я с трудом сдерживаю рвотный позыв. Запах такой сильный, что, кажется, пойдет носом кровь. Он заполоняет все вокруг, разъедает глаза, проникает сквозь поры до самого нутра. Этот запах — и есть сама смерть. Из-за затемненных окон кажется, что день уже закончился, но ночь так и не настала — и это полное запредельной тоски безвременье отныне так и будет длиться до самого конца мира.*

*Вдоль стен на сдвинутых вместе столах из школьной столовой лежат тела, накрытые белыми простынями. Когда перед родственниками отбрасывают белое покрывало, взгляд успевает выхватить лиловый кровоподтек, страшную рану или проломленный череп. Из-за жары тела уродливо раздуваются, черты лица расплываются, утрачивая сходство с живым человеком, и только грязная, рваная, расползающаяся одежда позволяет родственникам опознать близких и тут же закрыть лицо ладонями, чтобы заглушить рыдания. Огоньки свечей, которые должны скрадывать трупный запах, трепещут и потрескивают. В сумраке спортзала они похожи на голодные злые отблески в зрачках стаи бродячих собак. Задыхаясь от смрада и ужаса, я едва успеваю выскочить за угол, где меня мучительно рвет горькой желчью.*

*На школьном крыльце лежат закрытые гробы. Мужчины грузят их в машины с затянутым брезентом кузовом. Женщины рыдают и кричат. Чтобы заполнить тягостные минуты, не дать гнетущей, непосильной скорби расползтись, как черной плесени, и поглотить весь мир, кто-то затягивает не то песню, не то заупокойную молитву, и нестройный хор голосов подхватывает ее. Родственники покойных, которые уже выплакали все слезы, бредут за медленно движущейся траурной колонной. Они двигаются заторможенно, механически, точно куклы, набитые тряпьем и опилками.*

*Потом я вижу в толпе у школы опрокинутое лицо отца. Я нерешительно подхожу и молча встаю рядом. Он не замечает меня. Я веду его домой под руку, как слепого.*

Тео сдернул шлем и вытер мокрое лицо. Распахнул фрамугу и по пояс высунулся в окно, жадно хватая ртом воздух. Бархатная тишина азиатской ночи мягко взяла его голову в ватные тиски. Ни дуновения ветерка, ни шепота листвы. Где-то вдали хрипло залаяла собака, ее собратья подхватили лай, разнесли по округе.

У Тео не получалось сбросить оцепенелое напряжение сжатой пружины, от которого задеревенели шея и плечи. «Это воспоминания незнакомого, постороннего человека, — мысленно повторял он раз за разом. — Чужая жизнь, полная тревог и потрясений. Мне нет дела до того, как и почему все это произошло. И что это были за люди. Они мертвы так давно, что их останки давно уже истлели, а холмы могил сравнялись с землей. Надо просто закрыть глаза, глубоко вздохнуть и забыть. Навсегда стереть из памяти. Запечатать диск в медальон и избавиться от шлема. Завтра же».

# Глава 5

На следующий день Ли Чи прислала Тео приглашение прогуляться по саду до завтрака. После бессонной ночи глаза Тео покраснели, как будто кто-то бросил ему в лицо горсть песка. Он с раздражением поежился от прохладной свежести раннего утра и ярких лучей солнца, которые дробились и сияли тысячей бликов на глади маленького пруда.

Ли Чи дожидалась его в тени старого кизилового дерева на берегу пруда, вся в белом, как водный дух. Чистый утренний свет омывал ее лицо, девически юное, с едва заметным румянцем. Заметив Тео, она ласково улыбнулась ему и протянула руки для приветствия.

— Светлый день, мой мальчик. И черные новости. Мое сердце разбито от горя. Я получила сообщение, что минувшей ночью мессер скончался.

— Мессер? — он не сразу понял, что речь идет об отце, настолько это предположение казалось диким, несуразным.

— К несчастью, тот новый штамм сычуаньского гриппа, который он подхватил в прошлом месяце… Лечение так и принесло выздоровления. Возможно, организм был слишком ослаблен чрезмерными нагрузками. Он был прирожденным правителем, который жил интересами своей страны и ставил общее благо превыше личных интересов.

Тео молчал, оглушенный новостью. Наконец он пробормотал:

— Я должен вернуться в Ганзу. Должен быть рядом с Вольфом.

Ли Чи помолчала, в задумчивости глядя на зеркальную гладь пруда.

— Ты очень привязан к нему, да?

— Отец всегда был…

— Я не о мессере Вагнере. О Вольфе.

Весть о внезапной кончине отца потрясла Тео. Первая невосполнимая потеря на пороге взросления. Ему отчаянно хотелось ощутить на правом плече руку Вольфа, услышать его глубокий спокойный голос. Вольф всегда был ему как отец. Ближе, чем отец, внимания и похвалы которого он бесплодно добивался все детство. Мессер вечно был занят неотложными делами, а у Вольфа всегда находилась свободная минутка, чтобы выслушать его путанный пересказ горестей и радостей ушедшего дня и подоткнуть одеяло, чтобы получился уютный теплый кокон. Он проявлял чудеса выдержки, в сотый раз разъясняя Тео сложную задачу по алгебре. Он учил его бриться, завязывать

галстук и правильно отвечать на рукопожатие. Он никогда не смеялся над его сонными заклинаниями для поиска брата — удочкой, которую он закидывал в медленную мутную реку, втайне рассчитывая выловить совсем иной, драгоценный улов. И, кажется, Вольф догадывался обо всем и не порицал его за это. И вообще он был единственным, кто хотя бы изредка разговаривал с ним о матери, разрешал произносить ее имя.

— Да. Вольф был рядом всегда, с самого детства.

— Скажи, а если бы тебе предстояло сделать выбор: он или я?

— Что?

— Чью сторону ты бы занял?

— Я… я не хочу выбирать. И разве мы — не одна семья?

— Конечно, мой мальчик, так и есть. Но видишь ли… между мной и Вольфом возникли некоторые разногласия относительно твоего воспитания. Он требовал, чтобы ты вернулся в Ганзу и приступил к занятиям. А я… я совсем не готова отпустить тебя. А теперь все еще сильнее запуталось: я бы хотела стать твоим опекуном до совершеннолетия, но вряд ли советник Вагнер одобрит это.

— Но… Я должен проститься с отцом.

— К сожалению, это невозможно. Уверена, когда первая боль утраты после смерти брата утихнет, советник Вагнер прислушается к доводам разума и мы придем к согласию. Пока же тебе лучше оставаться здесь. Обещаю, мы отправимся в Бремен сразу, как только все уляжется. Возможно, через месяц. Или ближе к весне.

Она легко провела рукой по щеке Тео и примирительно улыбнулась.

— Мы еще обязательно обсудим это, милый, но чуть позже, хорошо? Я должна идти: до завтрака мне еще нужно успеть просмотреть деловые письма и ответить на соболезнования.

Когда Ли Чи ушла, Тео смотрел на слепящую рябь пруда, пока не заслезились глаза. В неполные шестнадцать он унаследовал жезл мессера Ганзы. Но кто же он на самом деле, за вычетом фамилии и передавшегося по наследству дара читать мысли? Он знает английский, латынь, древнегреческий, а теперь еще и довольно сносно изъясняется на мандарине. Помнит даты и исход величайших сражений в мировой истории и имена полководцев, которые вели армии в бой. Неплохо играет в шахматы. Слегка разбирается в живописи и классической музыке — ровно настолько, чтобы поддержать светскую беседу.

Тео не мог избавиться от страха, что он не знает и не умеет ничего по-настоящему важного. Лука был прав, когда навал его цветком, выросшим в оранжерее. После долгих вечерних

разговоров с Лукой он осознал, сколько всего прошло мимо, пока он зубрил историю Древнего Мира и упражнялся в спряжениях неправильных глаголов. Он никогда не удил рыбу, не плавал в открытом море и не поднимался в горы. Вряд ли сумел бы перевязать рану, разжечь костер или сварить похлебку, даже если бы умирал с голоду. Он абсолютно не представляет, как зарабатывал бы на жизнь, возникни вдруг такая необходимость. Учебные аудитории были единственным местом, где он чувствовал твердую землю под ногами. Оказавшись за пределами стен резиденции Вагнеров, Тео был сметен лавиной новых впечатлений и не раз попадал в тупик из-за постыдного незнания самых простых вещей. Его детские годы с тем же успехом могли пройти в девятнадцатом веке: доступные ему развлечения, досуг и круг учебных дисциплин за это время изменились не так уж значительно. Достоин ли он стать мессером Ганзы?

В ту ночь, когда они с братом устроили пикник в дворцовом парке и запалили костер прямо под старым вязом, Лука вспоминал разные истории из своего детства — то ли стараясь отыскать хоть какие-то точки соприкосновения, то ли нарочно подчеркивая инаковость их судеб. Он рассказывал об уличных мальчишках, с которыми носился днями напролет, о разных чудаках, живших по соседству, о школьных экзаменах, первых случайных заработках и потасовках. Тео впитывал эти рассказы, не веря до конца, что вот этот настоящий, обычный подросток — его потерянный брат, проживший альтернативную жизнь где-то в параллельной реальности. И когда Лука спрашивал его о чем-то, он лишь пожимал плечами и виновато улыбался: в его альбоме с воспоминаниями не было и сотой доли столь же захватывающих историй. Несмотря на то, что они родились в один день, этот пережитый опыт словно бы делал Луку старше на десяток лет, позволял свысока смотреть на братца, которого с пеленок холили и лелеяли, как капризную орхидею в зимнем саду.

— Мне так одиноко, — прошептал Тео, и слова тихо затонули в глади старого пруда.

Впоследствии Тео пару раз пытался вернуться к разговору о своем возвращении в Ганзу, но Ли Чи, не противореча ему в открытую, отвечала уклончиво и не называла точных сроков. А в один из дней, когда он решил преподнести ей в подарок редкую орхидею, оказалось, что все его счета заблокированы.

— Это обычное дело до закрепления опекунства, — пояснила Ли Чи, когда он, пылая гневом, вошел в ее кабинет. — Да и на что тебе тратить деньги? Я обо всем позабочусь. А если тебе чего-то недостает, только скажи.

Он выдавил улыбку, чувствуя, как захлопнулась западня. То, что его держали в клетке на шелковой ленте, а не на железной цепи, не меняло сути. Он в полной власти Ли Чи — по крайней мере, до совершеннолетия, а двадцать один ему исполнится еще только через четыре с половиной года. Он чувствовал себя мухой, застывшей в окаменевшей смоле.

Поначалу путешествие в Срединную Азию казалось Тео сбывшейся детской мечтой. Ли Чи странствовала по континенту в комфортабельном экспрессе, богатство интерьеров которого не уступало дворцу арабского шейха. Ли Чи называла его «шагающим замком». Именно трансконтинентальная железнодорожная линия обеспечивала постоянный рост капитала и влияния клана Ли: непрерывный путь от Атлантики до Тихого океана, от Португалии до северных провинций Чжунго, с разветвлениями, охватывающими все мало-мальски заметные города. По первоначальному замыслу, интернациональный проект железной дороги должен был сплотить расползавшийся по швам континент. На деле же правительства разных стран годами препирались из-за финансирования, вагонного парка, ширины колеи, марки стали рельсов, формы стюардов и прочих пунктов соглашения. Так что на западе континента удалось построить всего пару тысяч километров. А вот на востоке линия ползла, как гусеница, медленно, но неуклонно прогрызая путь через пустынные степи, леса, болота, петляя вокруг озер и ныряя в тоннели под горными пиками. Линия оставалась международным проектом лишь формально, на бумаге. В первом совете директоров компании — по крайней мере, в представленном публике — одно кресло из двенадцати занимал акционер по фамилии Ли. Спустя тридцать лет представители клана заняли еще два кресла. А линия, словно набравший ход многотонный локомотив, по инерции все катила на запад, ветвилась, как вьюнок, цепляясь за каждый уступ. Не подверженная ни финансовым кризисам, ни потрясениям на биржевых площадках, словно и не замечая военных конфликтов, приграничных споров, карантинных ограничений, вызванных эпидемиями, профсоюзных забастовок и гражданских акций протеста. Когда разные концы замкнулись в единую линию, магистраль превратилась в обособленное государство. С собственным сводом правил и регламентов, финансовой мощью, бюрократическим аппаратом и армией работников, превышавшей численность населения многих европейских стран, готовых ради прибавки к жалованию и корпоративных льгот с легкостью отказаться и от прежнего гражданства, и от родного языка. Обладая такой мощью, совет директоров

трансконтинентальной линии выторговывал право беспрепятственного транзита грузов через большинство стран.

В каждом городе Ли Чи останавливалась самое большее на пару дней. Тео страшно нравилась эта кочевая жизнь, он привык засыпать под убаюкивающий перестук колес по рельсам, видеть за окном меняющийся каждый день пейзаж. Конечно, это было далеко от нарисованной воображением картины странствий вглубь континента, полных опасных приключений, азарта погони и ошеломляющих открытий. На самом деле распорядок его дня, как и обстановка, мало отличались от будничной скуки резиденции мессера Ганзы. Перед прибытием в Нуркент Ли Чи предупредила, что им, возможно, придется задержаться в городе на какое-то время, чтобы уладить семейные дела, но Тео не предполагал, что это затянется на долгие месяцы.

Он так и не смог полюбить город, который в одночасье вырос посреди пустынного предгорья, став одним из ключевых транспортных узлов. В этом месте не чувствовалось живого дыхания истории, как в старых европейских городах с узкими мощеными улочками, или пульсирующего биения жизни, как в футуристических мегаполисах на востоке империи. По большому счету, Нуркент, население которого давно перевалило за тридцать миллионов жителей, так и остался безымянной железнодорожной станцией, построенной с сугубо утилитарной целью и не несущей иных смыслов. Безликие однотипные строения, будто размноженные на многомерном принтере, широкие магистрали и улицы, запруженные серыми автомобилями и столь же невыразительными лицами людей, которые двигались единой тысячеглавой молчаливой массой — таким был Нуркент, который он видел из окна кортежа во время редких выездов в свите Ли Чи.

Вернувшись в свою комнату, Тео достал из-под кровати коробку, вынул шлем и провел рукой по его блестящей серебристой поверхности из нанопластика. А затем, подавив минутное сожаление, затолкал в рюкзак. Поверх он уложил аккуратно свернутое худи из серого флиса.

— Мне снова нужно наведаться в тот магазинчик с разными снадобьями. В последнее время я плохо сплю. И мучаюсь от головных болей.

Чжен равнодушно пожал плечами и двинулся к автомобилю. Отслеживая уже знакомый маршрут, Тео прокручивал в голове предстоящий разговор со Шнырем, пытаясь инстинктивно отыскать верную тональность. Его счета заблокированы, без ведома Ли Чи он не сможет потратить ни пфеннига. Он мог бы купить билет на самолет и поставить ее перед фактом — в конце

концов, он практически совершеннолетний. В крайнем случае улизнуть втихомолку и известить ее уже после приземления в Бремене. Конечно, не хотелось бы, чтобы в ее глазах это выглядело как предательство. Но она сама вынудила его искать обходные пути: любые попытки связаться с Вольфом были обрублены по ее прямому указанию, в этом не было никаких сомнений. Обо всем этом еще будет время хорошенько поразмыслить. Сейчас главное — убедить Шныря забрать шлем и вернуть деньги. Пусть не всю сумму, пусть хоть бы что-то. Главное — не выдать случайно, в каком отчаянном положении он оказался. Выставить все, как минутную блажь, которая быстро наскучила. Блефовать, не проявляя никакой заинтересованности в сделке.

Машина притормозила в облезлом переулке, который освещался слабым мерцающим светом вывески аптеки. Старая собака валялась в дорожной пыли, и даже не подняла голову, заслышав шаги Тео. Впрочем, и ему было не до уличного пса, на боку которого сквозь грязную шерсть проглядывала лишайная проплешина, покрытая бурой коростой.

Колокольчик над дверью испуганно звякнул. Колченогий табурет в дальнем углу, на котором обычно восседал старый аптекарь, безадресно щурясь в пространство раскосыми глазами, пустовал. Тео с облегчением проскользнул в закуток, где обитал Шнырь. Дверь в его каморку была полуоткрыта, хотя прежде, как отмечал Тео, он с маниакальной тревожностью запирал ее на все замки. Тео осторожно толкнул дверь, и она мягко уперлась во что-то тяжелое на полу.

— Шнырь, — ломким шепотом окликнул Тео. — Шнырь, ты тут?

Он протиснулся в узкую щель и тут же зажал руками рот, чтобы не закричать. Все в комнате, где и прежде не было особого порядка, было перевернуто вверх дном. На стуле в углу, скорбно склонив голову, сидел мастер Ху. Его руки были стянуты за спиной, голени примотаны клейкой лентой к ножкам стула, а изо рта торчал кляп. Он был мертв. Шнырь с разбитым лицом лежал на полу в луже собственной крови. Тео медленно попятился, пока не уперся спиной в дверной косяк. Он выскочил в проулок и огляделся, лихорадочно вспоминая, где припаркован автомобиль. И только сейчас сообразил: собака у крыльца издохла: ее пристрелили, и только слепому идиоту, как он, могло показаться, что она просто дрыхнет, разморенная полуденной жарой. Только слепому безмозглому идиоту. Тео быстро сел в машину и захлопнул дверь.

— Ну что, теперь будешь спать как убитый? — бросил через

плечо Чжен, лениво трогаясь с места.

— Как убитый, — эхом повторил Тео, обхватив руками лежавший на коленях рюкзак. — Поехали скорее.

# Глава 6

Ли Чи умчалась в Ганзу, а Тео остался под строгим надзором в резиденции. Он днями напролет бесцельно слонялся по опустевшему особняку и тихому саду.

В детстве ему отчаянно хотелось завести кого-то: молчаливую преданную собаку, которая теплым, покрытым мягкой шерстью боком будет приваливаться к его ногам, пока он читает или занимается. Которая будет раз за разом притаскивать обмусоленный мячик и облизывать его лицо, и уши, и ладони, когда он загрустит. Или своенравную кошку, которая будет круглые сутки наблюдать за ним прищуренными янтарными глазами, нежась в косом луче солнца на паркете. Или на худой конец черепаху с уродливой кожистой шеей, изогнутыми, как бумеранги, когтями и шероховатым панцирем. Любое живое, дышащее существо, лишь бы его сопение и возня разбавляли неизбывную тишину его комнаты.

Тео взялся перечитывать книги, которые прежде читал по рекомендации Вольфа, и находил странное утешение в узнавании сюжетных коллизий и отдельных фраз: в мире, где все изменилось, хоть что-то осталось на своих местах. Впрочем, он все чаще откладывал ридер, уставившись в пространство невидящим взглядом. В его голове созревал план бегства. Он и сам, в полной мере осознавая безнадежную обреченность замысла, рассматривал это, скорее, как интеллектуальное развлечение, игру в «А что, если..?», которой его научил старый советник Юнг. И каждый раз маршрут бесславно обрывался на безымянном таможенном пункте, где требовалось предъявить разрешение на выезд за пределы страны. Тео представлял жалкий вид, с которым он будет лепетать что-то невразумительное под тяжелыми взглядами вооруженных пограничников, и внутри все сжималось. О последующем за его поимкой разговором с Ли Чи он боялся даже думать, лежа без сна в темноте громадного пустого дома, такой чужой и чуткой, что его бунтарские мысли отдавались эхом в дальних комнатах.

Иногда он вынимал шлем. Намеренно не слишком часто, потому что его самого пугала растущая зависимость от новых доз чужих воспоминаний, которые отзывались в нем нежданным камертоном. Словно он день за днем проживал скрытую от всех, тайную жизнь, приобретая опыт, который прежде был непознанной территорией.

Ворочаясь как-то без сна — среди ночи разразилась страшная гроза, небо расчерчивали вспышки молний, на короткий миг

озаряя комнату бледным потусторонним светом, и лишь спустя мучительно долгое время раздавалось утробное рычание грома, — он вытянул из-под кровати коробку и достал шлем. От неловкого движения одна из боковых панелей из нанопластика слегка сдвинулась. Он подцепил ее ногтем и приподнял. Под панелью было несколько одинаковых кнопок и крошечный тумблер. Разумеется, никакого руководства по пользованию к шлему не прилагалось, Тео наугад понажимал кнопки, пощелкал тумблером, но, не замечая каких-либо видимых изменений, вернул панель на прежнее место.

Он натянул шлем и опустил прозрачное забрало. Особенно яркая вспышка молнии осветила комнату. Тео почувствовал резкий укол в основание черепа и потерял сознание.

Он очнулся на ледяном полу. Спина и плечи затекли от неудобной позы, а голова просто раскалывалась, словно накануне он снова выпил на спор ханьской подогретой водки. Тео стянул шлем и отшвырнул его в сторону. С трудом поднявшись, он прошлепал в ванную, действуя скорее на ощупь, чем полагаясь на зрение, и встал под прохладный душ.

— Где я?

Услышав хриплый, надтреснутый голос, Тео выронил душ и вжался в угол, пытаясь проморгаться. В ванной он был один, в этом не было никаких сомнений.

— Скажите, умоляю, где я?

— А ты… ты вообще кто?

— Аскар Каримов.

— Так. И какого черта ты делаешь в моей ванной, Аскар Каримов?

— Я не знаю, — в голосе чувствовалось неподдельное отчаяние. — Последнее, что я помню, — камеру в городской тюрьме Нуркента.

— Почему я тебя не вижу, а только слышу? Причем в своей голове?

— Я не знаю, — паника в голосе нарастала с каждой минутой.

Тео поспешно завернулся в полотенце.

— Стой, — сказал голос. — Вернись к зеркалу. Кажется, я тебя помню. Ты — тот светловолосый мальчишка, который стоял за спиной стервы Ли, когда меня показали ей, как загнанного зверя, прежде чем переправить в тюрьму.

— Ты — тот старик? А теперь давай вернемся к началу: как ты оказался в моей голове?

— Я пробыл в камере не очень долго — не знаю точно, сколько дней, потому что там была кромешная темень, только

иногда дверь открывалась, и на пол ставили плошку с комком разваренного риса и кружку затхлой воды. А потом меня вывели в светлую комнату, раздели, окатили водой, уложили на каталку, закрепив щиколотки и запястья ремнями, и повезли в операционную. Я ничего не соображал. Один из людей в белых халатах сделал инъекцию, и я провалился в сон. Кажется, я очень долго спал. Иногда мне снилось что-то из детства. А потом я проснулся тут.

Тео бросился к шлему. Он крутил его, пытаясь отколупать боковую панель, но она сидела плотно и не поддавалась. Руки его мелко подрагивали.

— Кажется, я видел похожий шлем. Там, в операционной.

— Будь любезен, помолчи хотя бы пять минут. Ты мешаешь мне думать.

Тео заметался по комнате в поисках остроконечного предмета, которым можно поддеть пластину на стыке. Устроил погром в ванной, вывалив на пол содержимое туалетного шкафчика: зубную щетку, нить, тюбик с пастой, безопасный станок, расческу, дезинфицирующее средство… До этой минуты он не замечал, что его окружают сплошь обтекаемые, эргономичные и абсолютно безопасные предметы, лишенные острых граней. Почти уже отчаявшись, Тео вспомнил про раритетную перьевую ручку из слоновой кости, которую Ли Чи подарила ему несколько месяцев назад. Она так и хранилась в узком подарочном футляре в верхнем ящике письменного стола.

Тео подцепил пластину стальным перышком и уставился на кнопки. Сейчас, при дневном свете, он заметил на оборотной стороне крышки иероглифы с краткой инструкцией. Тумблер следовало переключать при выгрузке личностной идентичности на цифровой носитель или обратной загрузке. И сейчас он был установлен в положении «загрузить». Тео похолодел. Получается, вчера, случайно переключив тумблер, он выгрузил сознание Аскара Каримова из микрочипа в собственную голову? А если бы рычажок переместился на полсантиметра левее, он бы сам перегрузился на диск к Аскару, оставив в комнате пустое, как манекен, тело?

Тео сел на пол и обхватил голову. Шлем выпал из его рук и покатился по полу. Диск. Там должен был остаться диск. Все еще можно отыграть назад. Он вскочил.

— Нет, пожалуйста, не делай этого! — словно прочитав его мысли, взмолился голос.

Тео сделал вид, что ничего не слышал, и упрямо сжал зубы.

— Послушай же, давай рассуждать здраво. Выгрузка сознания на внешний диск — слишком сложная операция, чтобы проводить

ее вот так, методом случайного тыка. Даже если ты найдешь диск и попытаешься это провернуть — где гарантия, что выгрузится именно моя идентичность, а не твоя?

— Что?! Как такое вообще возможно?

— Я не знаю, по какому принципу работают их адские механизмы. Но, рассуждая гипотетически, это вполне вероятно…

Защелка наконец поддалась. Микродиск был почерневший, искореженный, словно сквозь него прошла шаровая молния.

— Черт! Черт, черт, черт!

— Ситуация, конечно, патовая. Но не стоит слишком уж драматизировать.

— Замолчи, я не желаю тебя слушать!

— Я понимаю, что ты расстроен…

— Что? Расстроен?! Да я просто в ярости! Выходит, я буду слышать твой голос в голове до конца жизни?

— Я тоже не в восторге, чтобы ты знал. Я в твою голову не по своей воле залез.

— А если Ли Чи понадобится диск? Как я ей все это объясню?

— А вот это меня меньше всего заботит.

Тео обессиленно сел на кровать. На его лице читалась полная обреченность.

— Ли Чи вернется через неделю. Надо что-то придумать до этого времени. Если бы я только мог вернуться в Ганзу… Там лучшие врачи, они найдут выход.

— В Ганзу?

— Да, в Бремен.

— Далековато тебя занесло. Ганза — это почти другая планета. Но знаешь что: тебе несказанно повезло: я стану твоим проводником. Раз уж я в некотором роде обязан тебе спасением из забвения.

— Неужели ты всерьез рассчитываешь, что я тебе доверюсь? Осужденному террористу, который был приговорен к казни? От которого ничего не осталось, кроме голоса в моей голове?

— Кажется, выбор у тебя не слишком богатый. Почему бы и нет? Я знаю все тайные тропы, все блокпосты. Но учти, это не увеселительная прогулка, а долгий и тяжелый путь.

— Допустим. Говори.

— В первую очередь стоит позаботиться об экипировке. Проблема в том, что ты… Как бы это помягче сказать… Совсем не похож на местных. И поэтому, куда бы ни отправился, будешь притягивать все взгляды, как родимое пятно на проплешине. Так что придется хорошенько обмозговать все. Но для начала нужны хотя бы маломальские деньги.

— Мои счета заблокированы до тех пор, пока идет

переоформление опекунства.

— Давай посмотрим, что в этой комнате можно незаметно вынести и быстро продать на толкучке.

Следующие три дня были, пожалуй, самыми странными в жизни Тео. Аскар вылавливал из своей памяти какие-то имена, номера телефонов. Тео забрасывал удочку. Иногда в ответ раздавались лишь длинные гудки. Нередко обрывали разговор, едва заслышав имя Аскара. Но изредка Тео улыбалась удача. С рюкзаком за спиной он каждый вечер уходил на пробежку в парке. Весь квартал находился под негласной опекой клана, поэтому охрана не требовалась: никто не осмелился бы совершить преступление в трех шагах от резиденции Ли. Встретившись с очередным безымянным незнакомцем, Тео передавал сверток и прятал в карман несколько бумажных купюр, а иногда, наоборот, протягивал деньги и забирал сверток.

Тео прежде не держал в руках бумажных денег. Казалось странным, что эти разрисованные кусочки бумаги, мятые и порядком истрепанные, воспринимаются как эквивалент чего-то вещественного: еды, воды, крова. Главным преимуществом банкнот была полная анонимность: они прошли через тысячи рук — жадных, суетливых, потных от предчувствия быстрой наживы, выступили залогом в сотнях сомнительных сделок, их использовали при размене человеческих жизней на оружие. Бумага все стерпит.

Наконец, Аскар счел, что пора выдвигаться: Ли Чи могла вернуться со дня на день. Покидав в рюкзак несколько теплых вещей, запасную пару обуви, что-то из еды и бутылку с водой, Тео вышел из особняка и направился в сторону стадиона. Но на полпути свернул к автобусной станции. Он знал, что его хватятся примерно через час, а значит, времени в запасе практически не было.

Через сорок минут он примкнул к стайке туристов, дисциплинированно выстроившихся в очередь на посадку в двухэтажный автобус в ретростиле с панорамной крышей. На город уже опустились сумерки. Тео прислонился лбом к прохладному стеклу. В отражении его лицо приобрело странный цвет — вернее, казалось полностью лишенным красок, будто вылиняло до мутного сероватого оттенка. Хотя, наверное, дело было в свете фонарей, который захлестывал его лицо, окрашивая его то охристо желтым, то мертвенно-белым, пока автобус медленно катился по крайнему ряду запруженной магистрали.

# Глава 7

Пейзаж за окном был настолько однообразным, что казалось, автобус часами мерно покачивается на холостом ходу. Серо-зеленая плоскость степи тянулась до самого горизонта, иногда на протяжении многих километров отгороженная зачем-то от дороги колючей проволокой.

Смуглые люди на переездах и окраинах маленьких селений выглядели так, словно простояли под палящим солнцем в ожидании попутного рейса всю жизнь. С остатками неистребимой надежды они провожали туристический экспресс с зеркальными панорамными окнами долгим прищуренным взглядом. Маленькие дети изо всех сил размахивали руками, как будто мечтали перестать быть неодушевленным элементом пейзажа, во что бы то ни стало остаться в памяти пассажиров — незнакомых, равнодушных, утомленных скукой долгой дороги.

Иногда за окном мелькали похожие на игрушечные городки мусульманские кладбища, гораздо более яркие, чем настоящие селения, выгоревшие на солнце и припорошенные желтой пылью.

«Кажется, здесь со времен Чингисхана ничего не изменилось. Мир, каким он был до изобретения скоростного интернета, криптовалют и генной инженерии», — рассеянно подумал Лука.

«В чем-то ты прав. Восточный Туркестан ханьцы называют Синьцзяном, новым доминионом. Это зачарованная земля, которая пребывает в извечной полудреме. Область, которую Поднебесная впервые завоевала еще четыреста лет назад, издревле населяли уйгуры. Протянувшийся через пустыню Шелковый путь соединил несколько городов-оазисов, отделенных друг от друга многими днями караванных дорог. Значительные расстояния позволяли населявшим эти земли народам — уйгурам, киргизам, казахам, тибетцам и русским, — относительно мирно сосуществовать. Конечно, время от времени вспыхивали восстания против Пекина, который находился в географическом плане в полтора раза дальше, чем, к примеру, Багдад, и междоусобные войны. Иногда здесь сталкивались интересы великих держав, но все же большую часть времени эта земля проводила в благословенном забвении».

«Ты родом из этих мест?»

«Да, один из немногих, кто видел бурые барханы, поросшие жесткими колючками, на месте запруженных магистралей и перенаселенных кварталов. Кто слышал песни ветра степей там, где сейчас воздух разорван от гудков и шума двигателей автомобилей. Нуркент вырос в одночасье, как дурной сон, морок.

Я видел, как редело с каждым годом стадо, которое пас отец, а до этого — его отец и дед. После того как взорвали землю и построили завод, вода в реке проржавела. Глупые овцы пили ее и к вечеру падали замертво. А рядом разрастался Сухой порт. Каждый день по рельсам прибывали составы, тянувшие груженые вагоны до самого горизонта. Следом прибывали люди. Все новые и новые люди. Казалось, людской поток никогда не иссякнет. Я даже не знал, что в мире столько людей. Первых работников железной дороги и сортировочной станции Корпорация расселяла в образцовые кварталы с подстриженными газонами и яркими детскими площадками. Каждый служащий получал ключи от квартиры, где уже были не только мебель и ковры, но и посуда и постельное белье в шкафах. Из громкоговорителей на уличных столбах день напролет лился поток речей и праздничных песен — о грядущем счастье для всех и каждого, кто трудится усердно и честно. И все вокруг улыбались, радуясь свалившимся на их головы невиданной удаче и достатку. Но вскоре стало очевидно, что люди для Корпорации — всего лишь машины, не требующие обслуживания и ремонта, которые будут крутить шестеренки, пока не упадут замертво. Город все разрастался, как раковая опухоль. Застраивался каждый клочок. Земля стала больна, отравлена и обескровлена, и вряд ли нашлось бы в мире лекарство, чтобы очистить ее от яда. И тогда отец принял решение уходить из обжитых мест на новые земли. Мне было, наверное, тогда лет семь или около того».

Голос в голове умолк. Перед глазами Тео стояла картина: пропускной пункт на горном перевале — длинный барак с покатой крышей, обнесенный рваным ограждением из колючей проволоки. За высокой стойкой томился на посту сонный солдат. Дышать из-за высоты было трудно, разговаривать — тоже: выл ветер и заглушал слова. Разбитая двухколейная дорога спускалась в Синьцзян — заросшую колючим кустарником обширную гористую область, окружающую Такла-Макан, одну из самых больших песчаных пустынь Азии.

С обеих сторон шлагбаума стояли колонны грузовиков. Из империи в Срединную Азию и дальше на запад и север везли всевозможные товары: от исполинских бульдозеров до пуговиц, а в противоположную сторону выстраивались вереницы груженых лесовозов с соснами в три обхвата, фуры с металлическими трубами, тубами с медной проволокой, распиленными станками с остановившихся заводов. Перешагнув невидимую глазу, очерченную только в воздухе линию границы, ты не замечал особой разницы — разве что колючая проволока с ханьской стороны была менее ржавой, а солдаты несли вахту в новой будке

из стекла и светлого пластика.

«Кашгар, ближайший к киргизской границе город, на заре новой эры был забытым богом захолустьем, — помолчав, продолжил старик. — Торговые и туристические маршруты обходили его стороной, и по длинным, застеленным облезлой ковровой дорожкой коридорам гостиниц, открытых на месте бывших посольств, русского и английского, прогуливалось только эхо. Вокруг зданий мэрии, суда и полиции выросли безликие кварталы типовых новостроек. На центральной площади высилась статуя Вождя. За ее спиной виднелись остатки старинной городской стены, за которой Кашгар укрывал еще один, тайный, город. В нем жили не только по особому укладу, но и по собственному времени: когда работающие по пекинским часам ханьцы уже укладывались спать, чтобы наутро снова подняться спозаранку, в старом уйгурском центре только-только накрывали стол к ужину…»

Мысленным взглядом Тео видел, как пестрая толпа медленно выливалась из мечети, растекаясь по узким улочкам вокруг площади. Люди не спеша рассаживались у стоящих вдоль улиц столов или шли на ночной рынок, над которым курился ароматный дым мангалов и запах свежих лепешек. Они были одеты в халаты, сапоги до колена и высокие шапки с меховой оторочкой. Женщины щедро сурьмили брови и глаза, у мужчин, носивших окладистые бороды, на поясе висели изогнутые ножи. На рынке торговали коврами, пряностями, упряжью, глиняными кувшинами, мозаичными лампами из сплавленных цветных стеклышек и прочим скарбом. Тут же, посреди улицы, можно было побрить голову у цирюльника, купить снадобье от любой хвори или выпить чашку горького, сваренного в турке на тлеющих углях, кофе. Здесь кипела жизнь, ничуть не изменившаяся за последние триста лет. Тео как будто перенесся в зачарованный город из сказок «Тысячи и одной ночи».

«Мы прожили там несколько счастливых лет, — рассказывал старик. — Отец снова пас овец, мать и сестра делали сыр и пекли лепешки. Я заканчивал школу и после занятий подрабатывал помощником продавца в одну из букинистических лавок. Однажды перед самым закрытием ко мне прибежал встревоженный приятель — в соседнем городе полиция разогнала толпу, которая собралась на площади, возмущенная гибелью уйгурских рабочих в шахте. Беспорядки переросли в погромы. Власти арестовали сотни человек, некоторых приговорили к расстрелу. В отместку уйгуры устраивали теракты, бросая в толпу самодельные бомбы или захватывая полицейские участки. И это развязало властям руки. Теперь, прикрываясь

международной борьбой с террором, они были вольны идти на самые крайние меры. К тому времени Чайнатаун, появившийся на окраине старого города, уже разросся и охватил Кашгар плотным кольцом. В городе то и дело возникали перебои со светом и связью, на въездах поставили блокпосты с вооруженными солдатами: фактически он оказался отрезан от всего мира. Сообщения о вспышках недовольства и митингах тут же блокировались, а те, кто размещал информацию, попадали под арест. Это не заглушило ропот».

Перед глазами Тео встал город, опутан колючей проволокой. Повсюду были установлены камеры слежения — тысячеглазый недремлющий страж. В Пекине уже не притворялись, что ведут войну с фанатиками — экстремистами. Чтобы не тратить усилия и время на прополку поля от сорняков, власти готовы были применить химикаты, чтобы выжечь заразу на корню.

«Каждый день доносились слухи о новых арестах. Поводом могло стать что угодно: проявленная излишняя религиозность, ношение паранджи, слишком длинная борода, слишком традиционная одежда и данные детям арабские имена. Рано или поздно стучались в каждый дом. Ходили разговоры, что в пустыне за считаные дни выросли огромные лагеря с бронированными воротами, стенами, затянутыми колючей проволокой, и вооруженной охраной, куда отправлялись на перевоспитание все несогласные и слишком строптивые, — вспоминал Аскар. — Мать, которая как-то разом постарела после того, как забрали одного из старших братьев, убеждала меня уехать. Но я медлил, придумывая отговорки. Хоть я и был родом из других мест, я всем сердцем прикипел к этой бескрайней пустыне с гребнями песчаных дюн, странствующими озерами, снежными пиками на горизонте и спрятанными в извилистых ущельях ревущими реками. А сильнее всего — к бархатным карим глазам девушки, живущей на соседней улице».

Тео видел город, в котором уже ничто не напоминало о сказках из «Тысячи и одной ночи»: улицы опустели, как будто жителей выкосил смертельный вирус. Исчезли кузнецы и зазывалы, мастера, выстругивавшие резные бутыли из тыкв, уличные торговцы и запряженные осликами тележки, старики в вышитых тюбетейках, которые чинно пили чай из маленьких пиал. Рынок еще пульсировал, но там все чаще звучал ханьский язык, а на рукавах уйгурских лавочников появились красные повязки с иероглифами, свидетельствующие, что они получили государственную лицензию.

«Все мои школьные приятели разъехались: кто-то — на учебу, другие — на заработки. Я слонялся по улицам и не узнавал

умолкнувший город. На каждой улице, на каждом перекрестке теперь стоял обтянутый колючей проволокой полицейский пост. Видеокамеры повсюду — на крышах домов, фонарях, опорах транспарантов. Город разбили на зоны, и при переходе из одного квартала в другой следовало предъявить ID-карту, вывалить для досмотра содержимое рюкзака и карманов, просканировать ладони и зрачок. Это требовалось делать всякий раз, когда ты переступал порог банка, больницы, аптеки, супермаркета, — рассказывал старик. — Когда мне исполнилось пятнадцать, отец, как я ни старался переубедить его, с торжественным видом повел меня в ремесленный квартал. Все эти годы он то и дело напоминал о своем давнишнем обещании подарить мне изогнутый нож, который уйгуры носили на поясе. Он давно не выбирался в эту часть города и с удивлением смотрел на замки, висевшие на старинных резных дверях уцелевших мечетей. Отец хотел было заглянуть в лавку к знакомому скорняку, с которым они всякий раз торговались из-за мизерной уступки в цене чуть ли не до хрипоты и расставались, чрезвычайно довольные сделкой, но дверь и окна были заколочены. Услышав слово „пчак“, продавцы отшатывались, и только один антиквар вытащил из-под прилавка увесистую коробку. В ней лежали роскошные старинные рукояти — клинки были варварски срезаны болгаркой. Продавец сказал, что даже при покупке обычных кухонных ножей теперь лазерной гравировкой на лезвие наносился идентифицирующий владельца QR-код, а ножи в мясных лавках и в кухнях заведений приковывают цепочкой к стене».

Старик снова замолчал, собираясь с силами. Тео знал, как мучительны могут быть воспоминания, и не тревожил хода его мыслей.

«На обратном пути, который показался мне вдвое длиннее, нам повстречались трое полицейских, вооруженных, как обычно, дубинками с электрошокером, которые задержали группу молодых людей и вели их к полицейскому участку, расположенному поблизости. Арестованные шагали колонной, один за другим, держа руки на затылке. Мы остановились, чтобы молча наблюдать. Когда один из парней попытался пройти в дверь участка, его грубо усадили на землю. Остальные сами сели на корточки, лицом к стене — опустить руки вниз им не позволили. Через минуту-другую подъехали, вращая мигалками, три машины; задержанных затолкали внутрь, и улица опустела. Расспрашивать, что происходит, было некого, да и незачем. Их могли отпустить после допроса и воспитательной беседы, или отправить в суд, или препроводить в лагерь. С этого

дня отец, который даже после того, как забрали брата, старался бодриться, погрузился в отрешенное молчание».

Однажды, заглянув в дом, я застал его перед стареньким телевизором, который давно уже пылился без дела, потому что изображение постоянно двоилось и пропадало из-за помех. «Мы должны отвечать на новые вызовы: террористы и другие враждебные силы постоянно замышляют преступления против государственности, против народа, — изображение невзрачного человека с глубоким вкрадчивым голосом было подернуто мелкой рябью. — Следует организовать всеобъемлющий, круглосуточный, трехмерный контроль. Мы должны убедиться, что не осталось никаких слепых пятен, пробелов, ни одной незаполненной графы…».

Именно тогда, в тот самый момент, мне стало по-настоящему страшно. Я собрал кое-какие вещи и книги — все пожитки уместились в одном маленьком заплечном мешке — и уехал. Я не знал толком, куда еду — как можно дальше на север. Устроился на заработки, чтобы накопить денег на учебу. Поначалу звонил родителям каждую неделю. Но они отвечали все суше и немногословней, словно зачитывали допустимые варианты ответов с листа бумаги, а потом связь совсем прервалась: в трубке раздавались лишь длинные гудки, а сообщения оставались непрочитанными. Я понял, что остался один. Постарался вычеркнуть из памяти все, что было связано с Синьцзянем, и начать жизнь в чужой стране с чистого листа».

Тео вспомнил взрыв на рынке Нуркента. Засыпанных пылью, израненных осколками людей, которые разбегались, выкрикивая лишь одно слово: «Уйгуры!».

«Но вместо этого стал террористом», — с горькой иронией сказал он.

«Иногда ты выбираешь путь, но чаще путь сам выбирает тебя».

«Только давай без красивых и пустых фраз. Это все жалкие отговорки. Ты и твои сообщники закладывали бомбы, устраивали теракты, захватывали в заложники мирных жителей. Разве не так?»

«Ты прав».

Весь пыл Тео испарился: он совершенно не ожидал, что Аскар так спокойно признает свою вину, что не скажет ни слова в свое оправдание.

# Глава 8

На следующий день туристический автобус сделал короткую остановку на маленькой площади захолустного городка. Туристы бросились скупать грошовые сувениры, газированную воду и мятные леденцы. Сопровождающий молча раздал всем допотопные обшарпанные приемники с аудиогидом на разных языках. Тео нацепил наушники и безучастно смотрел в окно. На соседнее сиденье он положил порядком запылившийся рюкзак — не хватало еще болтливых попутчиков, в довесок к постоянной болтовне в собственной голове. Аскар с самого утра затаился, но он все равно чувствовал молчаливое присутствие чужого разума, и это раздражало, как заусенец. Только в сто — нет, в тысячу раз сильнее. Но в Ганзе найдут способ прочистить его мозги. Избавить от чуждого паразитирующего разума. Тео прикрыл глаза и почувствовал, как автобус мягко тронулся.

За окном все так же расстилался однообразный пейзаж: унылые низенькие холмы, неяркое солнце на блеклом небе. Внезапно дорогу, почти заслонив небо, обступили скалистые горы, сложенные из розового гранита. Автобус притормозил. Туристы, лениво потягиваясь и позевывая, высыпали наружу. Из-под камней журчал ручей, скрытый тростником и раскидистыми ивами. У самой воды виднелись заросли крапивы и мяты. Чуть поодаль стоял приземистый гостевой дом с крупной вывеской «Горячий обед недорого».

— Присмотритесь: у подножия кленов голубеют цветы зизифоры, пестреют шаровидные цветы большого дикого лука… Прогулка по ущелью порадует вас коллекцией наскальных рисунков. В ущельях на скалах встречаются изображения родовых знаков и горных козлов, — бормотал аудиогид.

Группа разбрелась в разные стороны. Сопровождающий безучастно сидел в тени автобуса, привалившись спиной к большому колесу, надвинув кепку на лицо. Когда Тео подошел и легко тронул его за плечо, он приоткрыл левый глаз.

— Я решил задержаться в этих местах. Переночую в мотеле и продолжу маршрут со следующей группой.

— Деньги за тур не возвращаем, — пожал плечами тот.

Тео зашел в забегаловку и заказал чая. Грузная официантка с ярко подведенными бровями поставила перед ним пиалу с мутной жидкостью цвета придорожной пыли. Тео попросил принести бутилированной воды.

Автобус, выпустив напоследок облачко сизого дыма, укатил. Официантка изобразила приветливую улыбку и предложила

осмотреть номер повышенной комфортности. Но Тео, рассчитавшись, быстро вышел.

Похоже, Аскар действительно неплохо знал эти места. Не прошло и часа, как Тео, следуя его указаниям держаться русла ручья, пересек ущелье и вышел на бескрайнее пустынное плато, покрытое клочками сухой жесткой травы. Он шел и шел, стараясь не особенно задумываться о том, как проведет ночь под открытым небом, посреди дикой пустоши, где, наверное, водятся какие-нибудь краснокнижные волки. А еще — редкие виды ядовитых змей, скорпионов и прочих смертельно опасных тварей. Иногда налетал ветер. Ветер из пустыни ни на что не похож, и его ни с чем не перепутать. Это как стоять под горячим феном с мелким-мелким песком. Как будто им на коже рисуют узор или что-то пишут крохотным шрифтом. Но что — разобрать невозможно. Иногда среди ровного, как обеденный стол, пространства возникали странные нагромождения валунов. Чернильные курганы отчетливо вырисовывались на фоне степной охры и бледного неба.

— Усыпальницы древних скифов, — сказал Аскар.

— Вот только мертвецов для полного счастья не хватало, — пробормотал Тео.

Солнце уже нещадно припекало. От поднимающегося от иссушенной земли синеватого марева пейзаж терял четкие очертания, слоился и плыл, как на картинах импрессионистов. В ушах шумело. Этот заунывный, однотонный, изматывающий звук то нарастал, то стихал, выматывая душу и рождая смутную, безотчетную тревогу. Посреди степи Тео увидел огромный бархан, изогнутый полумесяцем. При сильном порыве ветра он дымился от песчаной поземки, которая, перевалив гребень, оседала на крутом склоне, издавая гудение, напоминающее гул самолета.

Когда солнце почти склонилось к горизонту, стали попадаться крошечные оазисы из зарослей ив и лиловых тамарисков.

— Это Мынбулак, долина тысячи ключей. Заночуем здесь.

Около тихого родничка рос тростник, перешептывались на ветру небольшие заросли саксаула и колючего барбариса. После целого дня пути ноги гудели. Тео скинул кеды и, закусив губу, опустил ступни в ледяную воду. Там, где лопнули мозоли, пощипывало. Тео пожевал шоколадный батончик с мюсли и, накинув капюшон, лег.

Он проснулся среди ночи от дикого, сводящего судорогой холода. Как будто во сне он телепортировался из раскаленной солнцем степи прямиком в арктические льды. Тео достал

из рюкзака все, что было из одежды, но все равно стучал зубами до самого рассвета.

На еще один марш-бросок через безводную пустошь сил уже не оставалось. Голова раскалывалась, тело ныло. Но Аскар нещадно подгонял, высмеивал, что Тео растерял весь пыл и распустил нюни. Сам звук его голоса, скрипучего, с нескрываемой издевкой, царапал черепную коробку изнутри, заставляя морщиться от боли и ускорять шаг.

К полудню третьего дня Тео, поднявшись на пологий холм, увидел расплескавшееся у подножия море алых маков, а почти у горизонта, где в белесой дымке проглядывали очертания скалистых гор, поблескивало озеро.

— Капчагай. Закрой рот и нос тканью, чтобы не вдыхать аромат маков. И старайся держаться правее. Если идти в хорошем темпе, к закату выйдем к селению, где можно переночевать.

На пятый день пути степь с пожухлой травой, которая со звуком сминаемого листа бумаги шелестела на ветру, сменилась пустыней. Уже к полудню пустошь с бурым песком превратилась в оцепеневшее под солнцем безжизненное пространство. За это время Тео несколько раз встречались на пути безвестные селения. И хотя Аскар заверял, что он знает эти края, как собственное отражение в зеркале, и дальний обходной путь — единственный шанс остаться неузнанным, Тео не покидал страх, что он все дальше забирается вглубь зачарованной, неизведанной земли. Мысли живущих в этих краях людей, их обычаи, язык были непостижимы в той же степени, как если бы он прилетел с другой планеты.

В один из дней Тео напросился в попутчики к высохшему старику, который представился неуклюжим именем Бердикул и управлял старым фургоном. Выхаркивая клубы сизого дыма, ржавая колымага мелко подрагивала, как в лихорадке, спотыкаясь на ямах и рытвинах грунтовой дороги.

— Голоден? — спросил Бердикул, доставая из-под сиденья банку со странным содержимым, похожим на свалявшийся ком грязи.

Тео помотал головой.

— Голодная ворона и камень клюет. Напрасно отказываешься, — Бердикул, не глядя, повозил рукой в банке, зачерпнул пригоршню и отправил в рот. — Сухофрукты с медом в дороге — первое дело. Пожевал с утра — и до вечера сыт.

Мимо плыла пустыня: пески, пески, пески, плоские крыши редких селений, верблюд у старого колодца, буровая вышка, пересохшее русло реки, колючий кустарник и опять пески, пески, пески.

Бердикул покрутил колесико, прибавляя звук заунывного, под стать проплывающим пейзажам, радио, и начал тихо подпевать гундосым голосом, мерно покачиваясь в такт, как, должно быть, раскачивался между верблюжьих горбов его предок во главе каравана, бредущего по Великому шелковому пути.

— Пустыня — честная, не притворяется. Хочет убить человека — и не скрывает.

Бердикул пустился в пространные рассуждения, рассказывая, как с каждым годом блуждающие песчаные дюны захватывают все новые земли, как постепенно мелеют реки и солнце раскаляется. Из многих городов люди давно ушли: там теперь только пески и змеи. Пустынные ветра и яростные песчаные бури, ночной холод и дневной жар постепенно разъедают бетон и камни. Пустыня все побеждает, все пожирает, погребает под сыпучими грудами.

— А почему люди ушли?

— Мор был. Лихорадка. Жар — как будто сгораешь в невидимом пламени. А потом легкие превращались в труху, даже на маленький вдох не хватало. Как будто песком грудь и горло забило. Старики говорили, что чужаки принесли болезнь. Чужих тут никогда не привечали, а после и вовсе стали сторониться. Теперь во всех селениях выдерживают харан — десять дней от всякого приезжего держатся за три шага на солнечном свету и за пять — под крышей. Болезнь ушла, а обычай остался.

— Но вы же не побоялись взять меня в попутчики.

Бердикул хрипло рассмеялся, точно Тео на редкость удачно пошутил.

— Я уж так зажился, что и саму Смерть бы согласился подбросить, лишь бы во время пути байки ее послушать.

Тео усмехнулся и отвернулся к окну. Пустыня, непостижимая, раскаленная, порождающая миражи. Небо, натянутое над бескрайними раскаленными песками, побледнело, окаменело. Сквозь стекло слышался едва различимый посвист ветра, сдувавшего с горбатых барханов песчаную поземку.

Потом среди песков стали появляться проплешины, заросшие жесткой сухой травой и корявыми карликовыми кустами. Вдали сверкнула слепящая, точно затянутая тонким льдом, поверхность озера. Торчащие у берега коряги были похожи на сведенные последней судорогой руки мертвецов.

— Гиблое озеро. Не то что пить, ног не омыть — соль кожу до язв разъедает, — пояснил Бердикул. — Значит, скоро и соляная деревня покажется.

И действительно: Тео заметил изнуренных людей с тачками,

нагруженными грязно-белыми пластами, которые медленно брели вдоль обочины разбитой дороги. А потом показались и дома. Они стояли по обе стороны единственной улицы, а в промежутках открывалась уходящая к горизонту бурая пустошь. Постройки были такими низкими, что можно было, подняв руку, отломить кусок крыши из перепревшей травы, скрепленной высохшей глиной.

Проломы в стенах были завешены старыми тряпками, заложены обломками глиняных кирпичей. Там ютились люди, которые с опаской посматривали в сторону коптящего и грохочущего тарантаса. В пыли полуголые дети играли с огромными лохматыми собаками.

Редкие встречные, в основном старики, выглядели так, словно плоское выцветшее небо придавливало их к земле. Их покрытые морщинами, задубевшие на солнце лица были слишком изношенными, годящимися лишь для выражения усталости от бессмысленного изнурительного труда. Бердикул притормозил и опустил окно, впустив желтое облако песчаной пыли.

— Эй, брат, — обратился он к одной из безмолвных истощенных теней, — помню, прежде здесь был гостевой дом с дешевым ночлегом и радушным хозяином?

Тот, к кому он обращался, остановился и смерил его долгим взглядом.

— Адем йок, — наконец, глухо произнес он. — Никого нет.

— Может, ты, уважаемый, проявишь гостеприимство, как завещали предки, и приютишь нас с мальчонкой на ночь?

После паузы, растянувшейся на целую вечность, тот ответил: «Хорошо, если фаньчжю не против». Тео слышал, как медленно и тяжело ворочались его мысли, точно базальтовые валуны. Он улавливал безмерную усталость старика и стиснутое в кулак жилистое терпение, которое побуждало его толкать тачку с выпаренной из вод озера грязной солью. Тео вызвался было помочь, но старик отшатнулся от него, как испуганная громким выстрелом лошадь.

— Я же говорил: в этих краях держатся на три шага от приезжих, — сокрушенно покачал головой Бердикул. — Ладно, залезай в кабину, поползем следом тихим ходом.

Они затормозили у одного из кривобоких домов на окраине. Сквозь занавеску в дверном проеме выглянула сгорбленная старуха, но, увидев чужаков, тут же спряталась, как улитка в раковину.

Старик свалил влажную соль в большой чан на заднем дворе, а потом тоже зашел в дом. Оттуда донесся приглушенный сердитый спор. Наконец, он вышел и указал гостям на амбар, где

к столбику была привязана костлявая коза, а в углу хранились сухие кизяки и разная хозяйственная утварь. Старик достал несколько ветхих топчанов и бросил их прямо на земляной пол, посыпанный прелой соломой.

— В дом нельзя… Но здесь даже лучше. Воздух свежий, звезды видно. И над ухом никто не свербит. Я тут, бывает, и сам ночую. Когда невмоготу душно становится.

Бердикул понимающе улыбнулся. Старик ушел в дом, но вскоре вернулся с блюдом пресных лепешек, заварочным чайником и глиняными пиалами. Сложив пару кизяков, он разжег крошечный костер, который стелился теплым терпким дымом. Тео прилег на тюфяк, который пах прелой соломой, овчиной и кислым табаком, чувствуя, как его неудержимо клонит в сон. В небе уже проклюнулись первые звезды, повеяло прохладой. Старики, разлив по пиалам чай и посасывая трубки, пускающие сизый дым, тихо переговаривались. Тео, балансировавший на тонкой грани яви и сна, ощущал пустую просветленную ясность — кажется, вот-вот, и он постигнет тайный смысл всего сущего.

— Сын был и три дочери. Дочери вышли замуж, разлетелись. Сын уехал в город. Стал уважаемым человеком, открыл мастерскую, невесту присматривал, — голос старика, глухой, словно простуженный, просачивался в сознание, как дым костра. Отдельные слова вспыхивали, как угли, множась шепчущим эхом. — Потом пропал, совсем молчит. Я сказал старухе: «Поеду в город». Приехал — город большой, всюду люди. Кое-как нашел мастерскую. Только она была заколочена. Стал соседей расспрашивать: кто молчит, кто глаза отводит, а кто говорит: «Йок». «Пойми, этот человек йок, у него теперь другой дом». Я случайно встретил на улице его старого друга, который тоже вырос здесь, на соседней улице. Он сначала сделал вид, что не узнал меня, и собирался пройти мимо, но я схватил его за руку. Рассказал, что его матери в последнее время неможется, и пора бы уж навестить ее. Его взгляд все время блуждал, точно он высматривал кого-то в толпе. Потом я спросил про своего сына — не знает ли он, где тот сейчас. Он говорит: «Нет, я с ним не знаком…» А потом добавил: «Я и с вами не знаком, Тимур-акя. Простите, спешу по делам». И я отпустил его руку.

Старик с усилием вытягивал слова из тины давнишнего, застоявшегося ужаса. Бердикул качал головой, по-беличьи прицокивая языком.

— Воротился, сказал старухе, что сын стал зажиточным, в мастерской полно народу — нет времени на всякие глупости.

Старик закашлялся и вытер слезящиеся от дыма глаза.

Бердикул молчал, глядя в тлеющий костерок, его глаза с лукавым прищуром совсем скрылись в глубоких складках. Это молчание продолжало договаривать то, что прозвучало между слов, что было так хорошо знакомо и близко им обоим.

Старик и облезлый пес, притулившийся у его ног, одновременно подняли головы, прислушиваясь к дальнему ровному гудению мотора.

Вскоре во двор въехал небольшой автомобиль с округлыми формами, из которого резко выскочил столь же невысокий, округлый и веселый молодой человек.

— Дед Вон! Помоги разгрузить багаж, — крикнул он старику, направляясь к дому. Интонирование выдавало в нем уроженца южных провинций.

Старик, кряхтя, поднялся и поплелся выполнять поручение.

«Так это фаньчжю? — размышлял Тео, привстав на локте, чтобы рассмотреть прибывшего. — Почему он назвал старика ханьским именем?»

«В этих краях традиционные имена под запретом. Как и бороды», — сказал Аскар, молчавший почти сутки.

«Что вообще за история с фаньчжю?»

«Ты же сам слышал: сын этого старика, скорее всего, попал в лагерь для неблагонадежных. На перевоспитание».

«Что еще за лагерь?»

«Дивное местечко. Нечто среднее между интернатом для слабоумных и концлагерем».

«За что? Он что, тоже террорист, как ты?»

«Не думаю. Скорее всего, кто-то из лавочников по соседству позавидовал и накропал донос. Или он сам сболтнул лишнего в неподходящем месте. Теперь уже не имеет значения. Они проследили ближний круг и прислали в дом к родителям наблюдателя».

«Кто — они?»

«Просто — они».

«Так он что, фаньчжю — кто-то вроде шпиона?»

«Не совсем. Большинство фаньчжю мечтает сделать карьеру госслужащего. Отличники в учебе, идеологически подкованные, в свободное время они занимаются волонтерством, не боясь самой грязной работы. Ирония в том, что они даже не представляют, сколько тягот и волнений доставляет их пребывание хозяевам дома. Они всерьез полагают, что выполняют гражданский долг, сея семена просвещения среди темных и отсталых жителей дальних селений, погрязших в суевериях. Частота визитов фаньчжю зависит от степени благонадежности семьи и открытости принятому в Чжунго образу жизни.

Неотлучно наблюдая чужую жизнь, фаньчжю подмечают все и ежедневно заполняют подробные отчеты. Отказалась ли хозяйка приготовить шмат парной свинины, привезенной к ужину? Разговаривают ли в семье друг с другом на родном языке или на мандарине? Молятся ли? Держат ли пост? Пьют ли алкоголь? Поскольку за радушными улыбками может прятаться хитрость, специальное приложение подсказывает фаньчжю приемы, которые помогут выяснить правду: „Предложите хозяину дома после жаркого дня банку охлажденного пива. Поздоровайтесь за руку с незамужней девушкой, отметьте, вздрогнула ли она, как отреагировали на рукопожатие ее отец и братья?“ Чтобы узнать правду, приложение советует проверяющим втереться в доверие к маленьким детям и задавать им наводящие вопросы».

«Вряд ли этот добродушный толстяк способен отправить кого-то за решетку».

«Скорее всего, он, как и многие другие, понятия не имеет о том, что представляют собой лагеря перевоспитания. И думает, что это вроде школы, где отсталых деревенщин обучают навыкам современной жизни. Или что-то вроде рехаба, где избавляются от религиозной зависимости и суеверий».

«Мне кажется, ты преувеличиваешь. Кому какое дело до того, какому богу молятся выжившие из ума старики, добывающие соль из мертвого озера? Это все какая-то несусветная дичь. Такого просто не бывает, чтобы человека подвергли репрессиям только за то, что он носит бороду. Да и как уследить за всеми бородачами? Это же просто нелепица. Все равно что пытаться пересчитать и упорядочить молекулы в чашке воды».

# Глава 9

Тео проснулся чуть свет от протяжного настойчивого блеяния козы и звяканья жестяной посуды во дворе. Бердикул был уже на ногах и тихо переговаривался с хозяином, который снаряжал соляную тачку. Тео, позевывая от утренней прохлады, забрался в кабину, и фургон, вздрогнув, мерно затарахтел. За ветровым стеклом висела мутная пелена, в которой растворялись и глухие глинобитные заборы поселка, и вытянувшиеся, как свечи, тополя вдоль обочины дороги, и пустые поля, утыканные сухими стеблями неубранной прошлогодней травы, расстилавшиеся до темных гор.

Тео поглубже натянул капюшон. Он смотрел в окно, потеряв счет времени, ни о чем не задумываясь, будто спал наяву. Несколько раз фургон останавливался перед преградой из колючей проволоки и палок. Вооруженные люди в форме защитной расцветки проверяли документы, о чем-то расспрашивали, заглядывали в кузов. Бердикул терпеливо что-то втолковывал, согласно кивал, а напоследок протягивал ладонь для рукопожатия, чтобы передать свернутую купюру.

— Кто это?

— Сложно сказать. Люди, у которых есть оружие. А уж кому они служат — мне дела нет.

— Но почему власти не остановят этот беспредел?

— А где она, эта самая власть? В Караколе? В Жаркенте? Или, может, еще дальше — в Пекине? Маленькому человеку без разницы, кто сидит на троне в столице, до которой неделя пути. Главное, чтобы уж слишком не притесняли поборами. Истинная власть — всегда та, что рядом. Та, которая может рассудить спор с соседом за клочок земли, выдать в голодный год мешок муки или забрать последнюю козу. А остальное — не нашего ума забота.

Бердикул помолчал, а потом, словно продолжая мысленный монолог, добавил:

— Эта земля уже не раз расцветала и приходила в запустение. Это словно смена дней и ночей. Поселенцы распахивали скудную землю, выкорчевывали осыпавшиеся с вершин валуны. Затем приходили армии завоевателей, вытаптывали посевы и пастбища. Возделанные поля, орошенные кровью и опаленные огнем, дичали, покрывались солончаками. Потом долина медленно оживала, отстраивались заново города, прокладывались дороги, шли торговые караваны. И все повторялось вновь.

В горах пейзаж непрестанно менялся, словно кто-то складывал из обломков камней, речушки и высокого неба гигантский калейдоскоп — ломал, разглаживал, преломлял отражения, чтобы каждое мгновение возникала новая объемная панорама. Горы постоянно двигались, как задник театральной сцены: вершины то взмывали до самых облаков, то совсем пропадали из вида, ущелья раскрывались и схлопывались, скалы нависали над дорогой, грозя осыпаться камнепадом, и откатывались назад, как морские волны.

Тео прикрыл глаза, чувствуя, как медленно вызревает в темени лиловое пятно мигрени. На каждом крутом завитке серпантина подкатывала дурнота, от которой лоб покрывался липкой холодной испариной.

— Что, нехорошо? Это горная болезнь. Ничего, проскочим перевал — отпустит помаленьку.

Тео опустил было стекло, но от порыва ледяного разреженного воздуха тут же перехватило дыхание и заслезились глаза.

Старый фургончик, пробуксовывая и захлебываясь одышкой, упрямо взбирался по смутно намеченной дороге, стиснутой скалами. Вдруг горы будто раздвинулись, приоткрыв укромную долину. Между отвесных склонов текла быстрая шумливая речушка и теснилось маленькое селение, четко разделенное на солнечную и теневую половины. На левом, залитом светом, откосе среди зеленых крон виднелись беленые домики с плоскими крышами. Правая сторона, скрытая в лиловой тени, казалась сумрачной и неприветливой.

Пока Бердикул заправлял бак, Тео, который вышел размять ноги, заглянул через пыльную треснувшую витрину магазина при заправке. На полках залежались оцинкованные ведра, резиновые сапоги, мотки веревки, мотыги и прочий скарб. Тут же, под чахлой акацией сидел худой черный старик, перекладывая горстку разнокалиберных камушков.

— Он что, торгует булыжниками?

— Судьбу предсказывает, — ответил Бердикул.

Тео подошел ближе. Когда его тень упала на старика, тот напряженно всмотрелся в его лицо, точно силясь вспомнить давнего знакомого.

— Как твое имя?

— Лука.

Старик сгреб камешки в грязный кулак и легонько их подбросил. Поразмыслив какое-то время, он стал передвигать раскатившиеся камни, как при игре в шашки, что-то беззвучно бормоча.

— Ты родился под счастливой звездой. Судьба посылает тебе испытания, но если проявишь твердость духа, среди моря невзгод найдешь истинное сокровище.

Старик говорил по-киргизски, и странное дело: Тео, хоть и совсем не знал языка, каким-то образом улавливал общий смысл слов. Говорил предсказатель негромко, с долгими паузами, наполненными тишиной, и его слова падали, как темные камни в колодец без дна.

— Что ж, неплохо. А еще что-нибудь?

— Это все, что рассказали камни. Ты сам хозяин своей судьбы.

Тео усмехнулся. Обтекаемые, ничего не значащие слова. Обычный шарлатан, каких полно на любой ярмарке, которые всем без разбора сулят счастье и процветание. Ничего иного Тео и не ожидал, но все равно почувствовал разочарование. Он бросил предсказателю мелкую монетку и отвернулся.

— Только ведь это не ты.

— Что?

— Ты не Лука.

— Хм-м, ну допустим. И что же камни посулят мне?

Старик потянулся к камням, но отдернул руку.

— Так что? Подбрось еще раз?

— Нет, не получится.

— Почему? Не бойся, я заплачу. Двойную цену.

— Нет. Камни устали.

— Батарейки, что ли, сели? — усмехнулся Тео.

Раздосадованный, он вернулся в фургон, громко хлопнув дверцей. Машина, хорошенько прокашлявшись, тронулась. Черная фигура предсказателя в боковом зеркале качнулась и пропала.

Бердикул высадил его на окраине городка, название которого Тео так и не смог прочесть: накренившийся дорожный указатель заржавел и облупился. Он посмотрел вслед фургону, который медленно тащился к далекой пыльной линии, где белесое небо смешивалось с ржавой глиной, закинул на плечо тощий рюкзак и зашагал. Вокруг раскинулись комковатые глиняные поля, по которым гулял ветер, поднимая в воздух песчаные смерчи и заставляя их выплясывать по бесплодной равнине. На горизонте виднелись облезлые остовы многоэтажных зданий — причудливые обломки из стали и бетона, молчаливые, покинутые много поколений назад.

По кривым переулкам, где теснились маленькие домики с плоскими крышами, укрытые от чужих взглядов высоким глинобитным забором, Тео вышел к залитой солнцем пыльной площади. Несколько старух, замотанных в черное, торговали

пресным творогом и лепешками. Тут же, на покрывалах, расстеленных прямо на земле, были разложены жестяные кастрюли, связанные из разноцветного тряпья коврики, кувшины и разная кухонная утварь. Рядом с площадью располагалось двухэтажное здание — видимо, что-то вроде городской управы. В некоторых окнах вместо выбитых стекол были вставлены выцветшие куски фанеры. У здания толпились мужчины неопределенного возраста. Они молча с угрюмыми лицами ждали чего-то, прислонившись к облупленной стене или медленно раскачиваясь из стороны в сторону. Некоторые дремали, присев на корточки. Работяги, собравшиеся чуть свет на рыночной площади ради грошового заработка. Их лица не выражали ничего. Ни нетерпения. Ни недовольства судьбой. Ни скуки ожидания. Иногда из здания, которое казалось заброшенным, кто-то выходил и выкрикивал несколько гортанных слов. Ожидающие образовывали плотное кольцо и бестолково галдели, толкались, пытаясь пробиться вперед, а когда несколько людей скрывались в темном проеме, вновь разбредались, безучастные ко всему.

— Я ищу попутку до Кара-Чолока, — сказал Тео, не обращаясь ни к кому конкретно.

Никто не поднял головы, не взглянул в его сторону. Тео вновь овладело странное, двойственное чувство. Никогда прежде ему не доводилось столь обостренно ощущать материальность мира, как после бегства из Нуркента. Неприступные скалы, присыпанные снежной крошкой. Неистово синее небо. Разреженный воздух, который смерзался в звонкий, сияющий острыми гранями хрусталь. Грохот быстрой реки, которая вспенивала воду между огромными валунами. И вместе с тем, все, что окружало его в последние дни, казалось выдумкой, фантасмагорией. Его присутствие ничего не меняло в заведенном миропорядке, он был не в силах повлиять на ход событий, как если бы оказался внутри сна. Обитатели которого, тоже чувствуя его чужеродность, выключенность из привычного, вещественного мира, равнодушно скользили взглядом по его лицу. Тео развернулся и пошел прочь из города.

# Глава 10

— Дай монетку!

Уличный мальчишка сделал колесо, и вокруг его тощего тела заклубилась желтая пыль. Тео смотрел на чумазого попрошайку без эмоций: слишком много он видел их за несколько недель пути. Да и сам он, наверное, уже не так уж сильно отличался от них: исхудал, пропылился, а лицо и кисти рук совсем потемнели от загара. Впрочем, бродяжка истолковал его взгляд иначе — видимо, все же заподозрив в нем богатого туриста, искателя острых впечатлений и нехоженых троп, он еще раз прошелся колесом, как выученная трюкам ярмарочная обезьянка. Но Тео так и не потянулся к карману, чтобы бросить мелкую монетку. Мальчишка сел на корточки и не сводил с чужака внимательного, выжидательного взгляда. На покрытом грязными разводами лице появилось плутоватое выражение.

— Деньги-деньги? Дай монетку? — повторил он на мандарине, а потом, для верности, еще на нескольких языках, забавно коверкая слова. — Мама нет, папа нет.

Безостановочно произнося эту немудреную мантру, мальчишка, все также в полуприседе, медленно подбирался все ближе к Тео, не сводя с него взгляда, как заклинатель змей. Тео рассердился.

— Нет у меня денег.

— Мама нет? Папа нет? — не сдавался маленький попрошайка, хотя в его голосе уже не чувствовалось прежнего напора. Как будто он сам уже не до конца был уверен в фактах собственной биографии.

— Сказал же, уйди, — взмахнул рукой Тео, и пацаненок резво отпрыгнул, как будто снесенный порывом ветра, который породил этот жест. Заулюлюкав, он бросился наутек. Тео проводил его угрюмым взглядом. Он не соврал: деньги кончились еще вчера, когда он расплатился за бутылку воды, а в последний раз он ел, кажется, позавчера утром, когда наткнулся на поле, засеянное модифицированной соей. Стручки, покрытые жесткими рыжими волосками, еще не налились молочной спелостью, но он все равно жадно закидывал в рот пригоршни мучнистых горошин, пока не скрутило живот.

Кажется, он сбился с пути. Несколько дней назад они крепко повздорили с Аскаром. С тех пор тот молчал. И хорошо: Тео бесконечно устал от сварливого дребезжания его надтреснутого голоса в своей голове. Все равно от старика никакого проку. Как только он позволил этому грязному, безграмотному террористу

втянуть себя в эту нелепую авантюру.? Усомниться в великодушии и расположении Ли Чи, которая, вне всяких сомнений, простила бы ему любой проступок. Какой же несусветной глупостью было бегство из дворца, где любая его просьба исполнялась быстрее, чем он успевал ее произнести. Где, стоило повернуть кран, в раковину из белоснежного фаянса била, рассыпая брызги, упругая струя воды — чистой, прохладной, хрустальной, от которой так сладко перехватывало в горле. Теперь казалось немыслимым, что вода не иссякала. Что она лилась бы хоть весь день напролет — до тех пор, пока он сам не решит, что уже довольно. Казалось, не было на свете силы, которая заставила бы его завернуть кран.

Тео овладела тупая, безнадежная усталость. Голод почти перестал донимать. Вдоль дороги, по которой он медленно брел, поднимая клубы пыли, возвышались растения с разлапистыми перистыми листьями с зазубренными краями и мелкими белыми цветами, собранными в зонтики. Иногда они достигали исполинских размеров. Тео с трудом сорвал трубчатый полый стебель, чтобы отмахиваться от назойливой мошкары, но почти сразу отбросил: от сильного острого запаха, похожего на керосин, разболелась голова. Спустя какое-то время ладони опухли и начали ныть, как будто он голыми руками схватился за раскаленный прут. На коже проступили пузыри, полные желтоватой сукровицы.

Тео огляделся. Жизнь в селении замерла под гнетом полуденного зноя: куры не разгребали лапами дорожную пыль, не перебрехивались собаки, женщины, закутанные в темные плотные покрывала, не семенили к колодцу. Сухой ветер разносил едкий запах горящего навоза. Перед низким дверным проемом одного из домов, задернутого серой ветошью, на корточках сидел старик. Он машинально вытирал рукавом слезящиеся от дыма глаза, безотрывно глядя на костерок. Красные бобы медленно побулькивали в мятом котелке, постепенно развариваясь в вязкую похлебку. Тео сделал глубокий вдох и облизал потрескавшиеся губы. Он подошел и почтительно обратился к старику, но тот схватил варево и попятился от чужака.

Тео протянул обожженные ладони и попросил воды, стараясь, чтобы голос звучал убедительно. Из дома вышла моложавая, явно нездешняя женщина: высокая, голубоглазая, с небрежно заплетенными в косу светло-русыми волосами.

— О, да ты обжегся соком букши? — спросила она на беглом мандарине. — Как же тебя угораздило? Даже малые дети знают, как это опасно. Ну что ж, пойдем, обработаю мазью — ожоги

быстро не сойдут, но хотя бы боль поутихнет.

Она провела Тео в небольшую светлую комнату, где свежо и сладко пахло аптечными травами и настойками. Осмотрев ожоги на ладонях, она велела Тео закатать рукава, чтобы посмотреть, как далеко распространилось воспаление.

— Что, все плохо? — спросил он, заметив, как она нахмурилась.

— Нет, — поспешно ответила она. — Необычные у тебя татуировки. Я только однажды такое видела, давно.

— А что это за бурша?

— На самом деле названий у этого растения много: купырь, дягиль, боржавка, медвежья лапа. Но в этих краях его называют буршей. Если бы ты присмотрелся, то заметил бы, что весь стебель покрыл мельчайшими шипами. Попадая на кожу при ярком солнечном свете, яд вызывает сильнейшие ожоги, а иногда и удушье и паралич. Даже капля сока вызывает сонливость, которая затягивает в безвозвратную тьму. Яд бурши сжимает сердце и замедляет его биение, пока кровь не начинает ползти холодным сиропом и вскоре останавливается совсем. Так что ты еще легко отделался.

— Я видел целые заросли. Выше моего роста.

— В свое время буршу завезли как замену силосу, которой не страшны ни зной, ни засуха, ни ночные заморозки. Урожайность бешеная, и даже без подсева. Вокруг каждого селения выделили поля под новую культуру. Но оказалось, что бурша легко дичает, вырождается в ядовитый подвид.

— Почему же ее просто не вырубили?

— Это не обычный сорняк. Бурша и в природе отличается несусветной выживаемостью, приспосабливается к любой почве и быстро пускает корни, а биоинженерия приумножила это. Единственный способ избавиться от побегов — залить землю керосином и поджечь, а потом несколько раз перепахать поле — но и это не спасет, если где-то осталось хотя бы одно семя. Они прорастают в разное время и могут лежать в земле до двенадцати лет. На каждом растении — десятки тысяч семян, которые разлетаются с порывами ветра. А когда они попадают в почву и раскрываются, то выпускают эфирные масла, которые тормозят все остальные всходы. Так что год за годом возделанные поля исчезали под ползучей линией зарослей, люди снимались с насиженных мест, потому что земля перестала кормить их. А ведь когда-то здесь была плодородная долина…

Она обработала ожоги пахучей мазью, от которой у Тео тут же перехватило дыхание и заслезились глаза, и плотно перебинтовала его ладони.

— Ну, вот и готово.

— Извините, мне нечем заплатить, — ответил Тео по-немецки, пристально вглядываясь в ее лицо.

Она вздрогнула и отвернулась.

— Я много лет не разговаривала на родном языке. Откуда ты родом?

— Из Ганзы.

— Я бывала там когда-то, очень давно… Далеко же тебя занесло. Кара-Чолок находится в стороне от туристических маршрутов. В этих краях редко появляются чужаки, обходят нас стороной, как прокаженных, — боятся, что к одежде или обуви прицепится спорыш бурши.

— Да, я немного заплутал. Но мне даже нравится бродить вот так, без четкого маршрута. А как вы здесь оказались?

Она улыбнулась.

— Долгая история. Голоден? Кажется, Доду приготовил славную похлебку из бобов.

Тео остался в селении — на пару дней, пока не заживут ожоги, хотя это и вызвало яростный протест Аскара. Тео научился заглушать его возражения. Он словно разграничил большой дом собственного сознания на лабиринт маленьких комнат и узких коридоров и постепенно оттеснил чужой разум в дальний темный угол. Аскар бунтовал и отчаянно сопротивлялся, но в конечном счете если и не смирился с новым порядком, то молча затаился. Бывали благословенные часы и даже дни, когда Тео совершенно забывал о чужом голосе в своей голове.

Жизнь в захолустном селении, как оказалось, имела свои маленькие радости и яркие краски. Чтобы отблагодарить травницу за лечение, Тео выполнял разные мелкие поручения по хозяйству. На третий день она показала ему маленький огородик, укрытый живой изгородью.

— Что это за растения?

— О, это настоящее сокровище. Овощи в том самом виде, в котором их можно было встретить в любом огороде еще полсотни лет назад. Самые что ни на есть обыкновенные помидоры, огурцы, бобы, кабачки и морковь. Удивительно, правда?

— Но зачем? Без генной модификации культуры слишком зависимы от капризов погоды, вредителей и болезней. Только так и удалось искоренить голод.

— Да, но это лишь часть правды. Ты знаешь, прежде здесь была плодородная долина. Но однажды на посевы зерна обрушилось нашествие черных пилильщиков — крылатые мошки откладывали личинки в молодые колосья, и те прогрызали себе

путь вниз, пока иссохший стебель не надломился под порывом ветра, чтобы перезимовать в земле, подняться тучей в воздух и породить сонм прожорливых личинок. Сорванные плоды покрывала пузырчатая ржа, которая расползалась по кожуре и сочной мякоти, как раковая опухоль. А фруктовые сады поразила желтая чума — почти невидимая глазу тля опутывала паутиной деревья, скручивала листья в сухие ломкие комочки. С дождями приходила другая напасть — коррозия корней, которые сгнивали, превращаясь в зловонную слизь. Прожорливые насекомые пощадили только посевы бурши, семена которой по дешевке предлагала ханьская продовольственная корпорация. И это спасло скот и людей от голода. Но радость была преждевременной: бурша одичала и заполонила все вокруг.

— Да, я видел своими глазами — до самого горизонта.

— Вот, а между тем ханьская продкорпорация брала у разорившихся селян землю в аренду, чтобы выращивать запатентованные модифицированные сорта сои, пшеницы и кукурузы, устойчивые к вредителям и засухе. Местные считали за огромную удачу устроиться в поденщики на своей же земле и получать хотя бы грошовый заработок. Смотрители нередко закрывали глаза на то, что сборщики что-то клали в рот или за пазуху: это были мизерные потери на фоне колоссальных доходов.

— Получается, продкорпорация спасла местных от голодной смерти? Почему же вы говорите о них так, как будто это исчадия ада?

— Зерно, которое поставляет продкорпорация, стерильно. Его можно смолоть в муку и испечь лепешку, но колос, выросший из зерна, никогда не породит новые колосья. Это генетический тупик. Теперь приходится втридорога платить за то, что природа всегда отдавала даром, стоило проявить хоть немного терпения и труда. Природа мудра и не терпит вмешательств в естественный порядок вещей.

— И вы пытаетесь его вернуть?

— Только представь, что произойдет, если забросить несколько пригоршней опыленных семян к выхолощенным, безупречным, выведенным в лабораториях культурам? Если там затеряются зерна-диверсанты, готовые взорваться новой жизнью? Их потомство будет способно противостоять желтой чуме и прочим вредителям, вызревать в короткий срок и приносить высокий урожай. И породит все новые и новые поколения с тем же набором генов.

— Так вот чем вы тут занимаетесь?

— Чжунго завоевывает мир без хвастливого бряцанья

оружием. Он контролирует все торговые пути, и прежде всего — продовольствие. У голодного нет сил, чтобы сражаться. А всякий, кто протянет умирающему краюху хлеба, становится не врагом, а благодетелем. И кто в этот миг задумается о его выгоде?

— Уж не полагаете же вы всерьез, что это ханьские корпорации наслали на долину полчища вредителей?

Травница улыбнулась.

— На этот вопрос у меня нет ответа.

Каждое утро травница, которую звали Анна, незаметно вовлекала Тео в череду повседневных забот. Он выпалывал сорняки в огороде и таскал тяжелые ведра с колодца, сопровождал ее в долгих прогулках по предгорьям в поисках целебных трав и кореньев, смотрел, как вечером она доит капризную козу, умело перевязывает случайный порез или рассказывает старую легенду соседским ребятишкам, которые липли к ней, как мошкара к инжирному варенью. Перед закатом у дверей ее дома собирались их старшие братья — и для них тоже находились слова, иногда они не расходились, даже когда в небе уже парила надменная луна, — спорили, перебивая друг друга, горячились, подтрунивали. Анна расстилала на земле сшитое из пестрых лоскутов одеяло и выносила пиалы и сладости к чаю. Тео обычно садился на низком пороге, обхватив руками плечи. Доводы спорщиков казались ему по-детски наивными, и, странное дело, в этой незамутненной простоте они оказывались совершенно неопровержимыми. Он никогда не вмешивался в разговор, волны чужой речи обволакивали, укачивали. Оказавшись в сообществе аналоговых людей, которые разговаривают, смотрят в глаза, размахивают руками, хмурятся, улыбаются, хлопают по плечу, держатся за руки, он обостренно ощущал свою инаковость, инородность этому живому, пульсирующему миру, но это понимание рождало не тревогу, а грусть, знакомую каждому одинокому, рано повзрослевшему ребенку.

— Мальчишки высказывают очень смелые, фактически революционные идеи, — сказал он как-то Анне.

— Не я вложила эти идеи в их головы. У них есть свои глаза и уши. Они видят, как живут их родственники и соседи. Они учатся размышлять. Не думаю, что кто-то из них однажды решится примкнуть к освободительному движению. Это партизаны в глубоком тылу. Но, как мне видится, незаметный молчун представляет едва ли не большую угрозу для государства, которое мнит себя всевидящим оком. Это трещинки в Великой стене, куда ветер заносит семена диких степных трав.

В один из дней, когда Тео возился в доме с ворохом

срезанных веток с мелкими лавандовыми соцветиями, увязывая их в пучки для просушки, он увидел в окно, как по главной дороге, громко сигналя и поднимая клубы желтой пыли, промчался военный внедорожник. Стараясь держаться в тени домов, он пробрался к площади и увидел, что Акыл, который считался в селении кем-то вроде старейшины, передает большую корзину с лепешками, сыром и пузатыми бутылями военному, за спиной которого болтался автомат. Его выцветший, покрытый темными пятнами и белесыми разводами высохшего пота китель был расстегнут до середины груди, виднелась несвежая майка. Кто-то крепко ухватил Тео за предплечье и втянул глубже в тень. Это была Анна, которая низко, по-старушечьи повязала платок, спрятав под ним косу, и закуталась в темный балахон.

— Ты что здесь делаешь? Если патруль заметит тебя, беды не оберешься.

— Да я не высовываюсь. Кто это вообще такие?

— Надсмотрщики из лагеря. Наведываются в окрестные села, когда выдается выходной, и трясут дань. Кара-Чолок — на отшибе, сюда редко наезжают. Кажется, еще не успели надраться до потери памяти, так что, может, и пронесет на этот раз.

Человек в военной форме закинул корзину в багажник и обвел собравшихся на площади мутным взглядом. Криво усмехнувшись, он перекинул автомат на другое плечо.

— А что, старик, правду говорят, что в Кара-Чолоке самые красивые девушки?

— Правда, да только было то полвека назад, сейчас всем красавицам внуки лепешку жуют, потому что своих зубов не осталось.

Охранник пьяно рассмеялся и собрался было сесть в машину, как заметил в толпе босого мальчонку лет трех, который жамкал огурец. Тео узнал и пацаненка, и его отца — их большая шумливая семья жила через два дома от травницы. Которая и угостила мальчика. Анна проследила за его взглядом с чужим, окаменевшим лицом.

— Эй, пацан! Ну-ка, иди сюда. Иди-иди, не бойся. И папку веди, ага. А ты где огурчик взял? Я тоже хочу. Так осточертел тюремный харч — сил нет.

Мальчишка зачарованно смотрел на чужого взрослого, который так приветливо улыбался ему, в то время как отец крепко сжимал его руку.

— Ну что, покажешь, где растет? Только поживей соображай. Мы с приятелями сильно спешим. А то придется папаньку хорошенько расспросить. И порыскать по дворам — может, еще

что-нибудь вкусненькое припрятали.

Анна побелевшими пальцами сжала руку Тео.

— Если найдут огород… Выжгут все. Всех до единого загребут в лагерь.

Тео мягко отвел ее руку и поднялся.

— Стой! Ты куда?

Но он уже быстрым шагом шел к военному джипу.

— Ох, господин офицер, как же я рад повстречать цивилизованного человека в этой дикой глуши, — обратился он на безупречном мандарине к обескураженному охраннику.

— Ты кто вообще такой?

— Я подданный Ганзы и почетный гость клана Ли из Нуркента. Меня выкрали и собирались потребовать выкуп. К великому счастью, мне удалось сбежать. Я несколько дней плутал, пока не вышел к этим добрым людям. Жаль, что они не понимали ни слова, сколько я ни пытался втолковать. Воистину, судьба милосердна, раз теперь я под надежной защитой доблестного и бесстрашного ханьского гарнизона.

Выслушав его высокопарную речь, охранники заржали, как гиены.

— Я прошу вас незамедлительно доставить меня в то место, где я мог бы связаться с особняком клана Ли в Нуркенте и сообщить досточтимой госпоже Ли Чи о том, где я нахожусь. Полагаю, она была бы крайне разгневана, узнав даже о малейшем промедлении после стольких дней тревог и беспокойства.

Один из охранников, хмыкнув, грубо затолкал Тео в салон, где изнывало от скуки и жары еще несколько поддатых мордоворотов, и внедорожник резко сорвался с места.

# Глава 11

Тео вытолкали из машины во внутреннем дворе огромного, в семь этажей, замкнутого в кольцо здания из бетона. Охранники заперли его в одной из длинного ряда камер, разделенных железными прутьями. Из дальнего угла камеры несло нечистотами. После тесноты и духоты пропахшего прокисшим потом и перегаром салона джипа нестерпимо хотелось умыться и прополоскать горло. Тео повернул торчащий из стены вентиль крана и услышал свистящий хрип пустоты, рвущейся наружу из ржавых труб. Он сел на грязный, усыпанный лузгой пол и закрыл глаза.

Тео провел в клетке весь остаток дня и ночь, изнывая от жажды и голода, все сильнее раскручивая маятник тревожных мыслей. Он не раз пытался мысленно заговорить с Аскаром, но тот упорно отмалчивался: забился в темные закоулки подсознания и ощетинился. Тео нутром чувствовал исходящие от него вибрации беспредельного, животного ужаса, и это пугало сильнее абсурда, который лез из всех щелей окружающей действительности, как ядовитый туман с болот.

«Ничего, надо перетерпеть чуть-чуть. Ли Чи примчится сразу, как только узнает, где я. Ну, или если сильно злится и намеревается хорошенько проучить меня, отправит за мной кого-то из подручных. Уже завтра я буду спать на свой кровати в особняке клана Ли в Нуркенте. Уже завтра», — мысленно повторял Тео, как мантру, чтобы отогнать страхи, которые вились в спертом воздухе ночи, как рой назойливых мух.

Ближе к рассвету его разбудил шум множества приглушенных голосов и сердитые окрики. В следующие несколько часов прибывали все новые и новые партии. Люди стояли так тесно, что Тео чувствовал запах чужого несвежего дыхания.

Наконец, охранники вывели заключенных во внутренний дворик и разбили на несколько колонн. В подвальном отсеке здания, где пахло сыростью и плесенью, у заключенных забрали все личные вещи и одежду, потом их наскоро обрили и прогнали через обжигающие струи воды. В клубах рассеянного тумана различия в возрасте, росте и телосложении стерлись, заключенные стали неотличимы, как заготовки манекенов на заводе. Каждому выдали свернутую балахонистую робу и брюки сероватого цвета, а еще — резиновые шлепанцы с перемычкой между пальцами. Походка сразу стала шаркающей, стариковской. На груди и на спине балахона была приклеена метка с шестизначным номером.

Заключенных выстроили в шеренгу. Надзиратели прохаживались вдоль строя, лениво поигрывали дубинками с рожками электрошокера на конце. Их глаза были скрыты за темными очками с зеркальными стеклами, и Тео сложно было избавиться от ощущения, что буравящий взгляд нацелен исключительно на него и сканирует каждое его движение.

— Вам не посчастливилось оказаться в лагере «Примирение». Сейчас я перечислю несколько простых правил. Но главное, что вам следует уяснить прямо сейчас: мне очень, очень не нравится, когда босс недоволен. Поэтому сразу предупреждаю: ведите себя так, чтобы у него не возникло даже малейшего, ничтожного повода для недовольства. Иначе я превращу последние дни вашей жалкой жизни в ад.

Заключенные, ссутулившись, исподлобья бросали взгляды на надзирателей и ряды камер за их спинами.

— Итак, правила. Первое: в камере соблюдать тишину и порядок. Второе: четко выполнять приказы, не трепать языком и не зыркать по сторонам. Третье: есть и справлять нужду только в строго отведенное время, по команде, вместе с остальными заключенными. Четвертое: прямо сейчас выучите свой уродский номер, чтобы четко и внятно прокричать его на перекличке. Пятое: обращаться к охранникам «господин надзиратель» — и рекомендую хорошенько подумать прежде, чем раскрыть рот и вякнуть что-то. Вопросы?

— Господин надзиратель, видимо, произошла какая-то нелепая ошибка. Я — гражданин Ганзейского союза, обычный турист и не совершал никакого преступления, — голос Тео срывался, словно он пытался выкрикивать слова против сильного ветра. — На каком основании я задержан?

По шеренге прокатился неясный гул. Один из охранников подошел и, одним ударом под дых сбив его с ног, пинками заставил подняться.

— Еще вопросы?.. Нет? Ну, и отлично. А теперь перекличка.

Тео и еще двух заключенных по лабиринту лестниц и коридоров привели к отсеку, на стене которого был нарисован иероглиф, обозначающий цифру четыре. «Это плохой знак», — машинально отметил он и тут же, усмехнувшись, мысленно одернул себя. — Опомнись, наконец. Здесь все — плохой знак».

«Единственная здравая мысль за последнюю неделю», — прошипел Аскар.

Впервые, услышав чужой сердитый голос в собственной голове, Тео просиял.

«Я боялся, ты никогда больше не появишься. Думал, ты страшно злишься».

«С чего бы мне злиться?.. Ты всего лишь наплевал на мои советы, непонятно зачем торчал в забытой богом дыре, ковыряясь в огороде местной знахарки и слушая ее побасенки, а потом очертя голову бросился геройствовать».

«Ну перестань, Аскар. Нельзя было иначе. Они бы выжгли там все. И всех».

«И ты принес себя в жертву, да? Как благородно! Думаешь, хоть кто-то вспомнит о тебе добрым словом?».

«Это неважно».

«А вот тут ты прав: это уже совершенно не важно».

«Скажи лучше, ты уже бывал здесь?».

«Не здесь, но в похожем месте».

«Это тюрьма?».

«Нет. Это лагерь перевоспитания. Здесь не отбывают срок за преступления, а становятся добропорядочными гражданами. Так что старайся лишний раз не нарываться на неприятности. А в идеале — вообще никак не выделяться из толпы».

«Хорошая шутка. Как отсюда выбраться?».

«Решение об освобождении выносит искусственный интеллект, анализируя записи с камер, отчеты охранников и экзаменационные баллы. Кто-то проходит успешную аттестацию за пару недель, кто-то — задерживается на месяцы, кто-то — пропадает навсегда. На твоем месте я бы поразмыслил о том, как прорваться к начальнику тюрьмы, чтобы объяснить, что ты — важная шишка и клан Ли щедро заплатит за любую информацию о том, где ты находишься».

В залитой слепящим белым светом камере на узких нарах, подвешенных к стенам, сидели заключенные. Они смотрели прямо перед собой, но взгляд их был обращен внутрь. Они не подняли глаза, когда в камеру ввели новых заключенных — сидели, неестественно ровно держа спину и опустив ладони на колени, безучастные, словно восковые статуи.

Охранник слегка толкнул Тео между лопаток. Сидящие на скамье молча отодвинулись, освобождая место. Охранник обвел камеру прищуренным равнодушным взглядом.

— Не разговаривать. Не смотреть по сторонам. Не шевелиться. Не спать.

Дверь захлопнулась, тихо пиликнул магнитный замок. Тео услышал удаляющиеся шаги. Камера погрузилась в душную, вязкую тишину. Страх неизвестности загустевал в неумолимую реальность. Время споткнулось и остановилось. Часы, минуты и секунды перестали что-либо значить. Заключенным раздали по комку слипшегося риса и горстке вялой квашеной капусты. Тео почувствовал во рту сильный лекарственный привкус, но был

слишком голоден, чтобы привередничать.

Потом из динамика в углу камеры раздался бодрый марш. Заключенные подскочили и вытянулись в струнку. Тео тоже поднялся, радуясь возможности размять затекшие ноги.

Музыка смолкла и все, как по команде сели, сложив руки на коленях. Динамик хорошо поставленным голосом с театральными паузами начал выплевывать стихи и пословицы на мандарине. Заключенные, большинство из которых, как догадался Тео, не знали языка, механически повторяли их, чудовищно коверкая слова. Затем все снова встали, чтобы распевать гимны, прославляющие мудрость правителя, ведущего народ к процветанию.

Перед сном им снова раздали по шарику риса и стакану мутной воды со странным привкусом. На Тео навалилась смертельная усталость. Безвоздушное, законсервированное в полной тишине бездействие изматывало сильнее, чем долгий переход через горный перевал. Заключенные достали из-под скамеек, на которых провели весь день, свернутые в рулон циновки и расстелили их на полу. Один из них поставил посреди комнаты шаткий складной табурет и сел.

Лампа в камере немного сбавила накал, но не погасла. Тео закрыл глаза, не в силах бороться со сном. Ему казалось, что он только-только закрыл глаза, когда тот, с табурета, грубо растолкал его.

— Твое дежурство. Сменишься через два часа.

Тео, спотыкаясь и боясь нечаянно наступить на кого-то из спящих, добрел до табурета. Веки слипались.

— Номер 765882, соблюдайте дисциплину, — раздалось по громкой связи.

Тео подбросило. Еще через два часа раздался негромкий сигнал — время его дежурства истекло. Пошатываясь от усталости, он наугад растолкал одного из заключенных и бухнулся на его место, пытаясь удержать, вобрать ускользающее тепло нагретой чужим телом циновки.

Внезапно тишину прорезал пронзительный свист. «Подъем! Построиться на перекличку!». Дверь камеры отъехала в сторону. Ослепленные ярким светом заключенные, зябко поеживаясь, выстроились у стены и машинально рассчитались по номерам. Надзиратель, накачанный бугай с бычьей шеей, дубинкой приподнимал за подбородок опущенные головы, толкал в плечо, заставляя выпрямиться тех, кто спал на ходу. На его губах играла недобрая ухмылка.

— Никаких разговоров! Хотите всю ночь тут проторчать? Так и будет, если не будете вести себя как следует.

— Рассчитаться по номерам, — приказал его напарник, невысокий и худощавый. — Я хочу, чтобы вы сделали это без запинки и так громко, чтобы услышали в самом хранимом богами Пекине.

Заключенные подчинились.

— Не слышу. Еще раз, — в голосе бугая появилась сдерживаемая ярость.

— Живее, спящие красавицы! — издевательски пропел мелкий.

В дальнем конце шеренги прозвучали несколько выкриков, но надзиратель снова оборвал перекличку.

— Стоп! Это что, громко? Может, кто-то не расслышал приказ? Я сказал «громко», и я сказал «четко»!

Когда последний в строю выкрикнул свой номер, закрыв глаза от натуги, мелкий уже придумал новое развлечение.

— А теперь посмотрим, смогут ли они назвать свои номера в обратном порядке.

Между надзирателями словно шло негласное соревнование, они выпендривались друг перед другом на глазах заключенных, заставляя их устраивать перекличку вновь и вновь, повторять номера нараспев, во время отжиманий или прыжков. Спустя час измученные заключенные уже валились с ног. Наконец, надзирателям наскучило, и бугай приказал вернуться в камеры и лечь спать. До сирены, которая служила сигналом для подъема, оставалась всего пара часов, и Тео, несмотря на смертельную усталость, так и не смог уже сомкнуть глаз.

В половине шестого раздался звук сирены, и заключенные, вялые и угрюмые, одергивая смятые робы, скатали циновки и снова вышли на перекличку. После ночи, показавшейся бесконечной, наступил новый день — бессмысленно утомительный и тоскливый.

Надзиратели — не из ночной смены, а свежевыбритые и полные рвения — тычками и окриками выстроили всех в ровную шеренгу. Заключенные по очереди выкрикивали свои номера.

Начальник смены, который наблюдал за перекличкой со скучающей отстраненностью, медленно прошел вдоль строя заключенных, точно генерал, устроивший смотр войск. Не удостаивая взглядом застывших людей в серых робах, он бросал в пустоту едкие замечания, выражая недовольство неопрятностью или болезненным видом заключенных, дурным застоявшимся запахом немытого тела.

— Вы наглядно продемонстрировали, что не способны быть добропорядочными гражданами нашей великой страны, нести

ответственность и честно исполнять долг. Здесь, в исправительном заведении, вам дается последний шанс усвоить эти простые правила. Правила поведения вывешены в каждой камере — вы должны заучить их наизусть. Если вы будете соблюдать эти правила и продемонстрируете усердие и рвение на пути к исправлению, то будете вспоминать дни, проведенные в «Примирении», с теплотой и искренней благодарностью в сердце. Если же вы проявите строптивость и нерадивость, мы будем вынуждены применить строгие воспитательные меры.

— Все ясно? А теперь проверим, как вы заучили правила лагеря, — гаркнул надзиратель.

Заключенные стали выкрикивать правила, четко отделяя слова. Надзиратель похлопывал дубинкой по раскрытой ладони, словно отсчитывая слоги. Новички, как и Тео, поступившие в лагерь только вчера и еще не успевшие запомнить все, косясь на соседа, синхронно раскрывали беззвучный рот. Не вполне удовлетворенный, надзиратель выбрал наугад нескольких заключенных из ряда, и те еще раз прокричали правила, преувеличенно бодро и громко.

Выдав на прощанье несколько указаний, начальник смены ушел, и рассерженные надзиратели еще битый час измывались над заключенными, заставляя их отжиматься от пола, приседать, подпрыгивать, ползать гусиным шагом и выкрикивать свои номера, снова и снова, до полного отупения и саднящей хрипоты.

Этот день и следующие дни и ночи слились в один нескончаемый ночной кошмар. Окон в камерах не было, лампы горели круглые сутки, лишь слегка приглушая яркость во время отбоя, и у Тео совершенно пропало ощущение времени, понимание, когда на смену одному дню приходит другой. Переклички нужны были вовсе не затем, чтобы в начале и в конце дня проверить, все ли заключенные на месте, превращались в изматывающие, полные изощренных издевательств марафоны. Бег сбивчивой, запинающейся вереницей по внутреннему дворику, с хлопками, прыжками и отжиманиями. Мучительные хоровые распевки патриотических песен и гимнов. Лекции по истории Чжунго с дотошным перечислением правящих династий и императоров. Комки переваренного слипшегося риса на обед и ужин, иногда — с пучком кимчи. К хаотичному, не поддающемуся логике и здравому смыслу чередованию этих занятий свелась вся жизнь в «Примирении». От помешательства и провала отчаянья Тео спасали только мысленные разговоры с Аскаром. Изредка тот рассказывал что-то о своем детстве, иногда давал совет, но чаще — высмеивал его изнеженность, неготовность дать отпор, полнейшее незнание законов выживания

в людской стае, и, играя на его чувствах, давал силы прожить еще один день — из чистого упрямства.

Примерно раз в месяц заключенным разрешалось принять участие в тестировании, где требовалось подтвердить знание мандарина, истории и современного устройства Чжунго. Тем, кто набирал достаточно высокий балл, предстояло выдержать главное испытание — собеседование перед аттестационной комиссией, председательствовал в которой сам начальник лагеря «Примирение».

Это его голос звучал каждый день из динамиков перед отбоем — вкрадчивый, глубокий, проникновенный. Воочию его обладателя Тео увидел только спустя две недели. Всех заключенных согнали на внутренний двор и битый час томили под палящим солнцем на торжественном построении в честь праздника государственного флага. Начальник тюрьмы, господин Тао, выступил с затянутой пафосной речью. Невысокий, с намечающейся проплешиной на макушке, в твидовом пиджаке и галстуке, он был похож на директора элитного колледжа для золотой молодежи.

Тео с рвением взялся за подготовку к экзамену — ему, в отличие от сокамерников, многие из которых совсем не разбирали иероглифов и знали лишь самые простые фразы на мандарине, зубрежка давалась почти без усилий.

Орынбек, паренек из затерянного в горах аула, который попал в лагерь в одно время с ним, чуть ли не на стену лез от тоски и ярости, силясь заучить то, что казалось полной бессмыслицей, пустым нагромождением странных звуков. На тренировочных срезах он комкал и бросал на пол листы, топтал их ногами, страшно кричал, набрасываясь с кулаками на сокамерников, которые пытались его урезонить. В камеру вбегали надсмотрщики и, вырубив его шокерами, утаскивали на несколько суток в карцер. В суматохе Тео незаметно поднимал смятый лист, разглаживал, выполнял задания, намеренно допуская пару незначительных помарок, и подкладывал в общую стопку.

— Ну, скажи, зачем ты вечно лезешь на рожон, Орынбек? — спросил он как-то после отбоя.

— Там, дома, осталась мать, которая совсем плохо ходит и почти не видит. И невеста.

— Будешь бузить, никогда не вернешься домой.

— Им меня не сломать.

Аскар в голове Тео издал саркастический смешок. Тео повернулся на другой бок и закрыл глаза, чувствуя, как наваливается смертельная усталость. Когда до тестирования

оставалась всего пара недель, он придумал несколько простых жестов, чтобы подсказать Орынбеку правильные ответы.

Когда пришли результаты теста, Тео не поверил своим глазам: он завалил экзамен, будто давал ответы наугад, полагаясь только на счастливый случай. Достаточно высокий балл, позволяющий записаться на собеседование, получил только полуглухой старик, который и двух слов на мандарине не знал, и, что было совершенно непостижимым, Орынбек.

«Как это вообще возможно?!».

«Все предельно логично. Старик безвреден для государственного строя и бесполезен как биоматериал. Держать его тут и дальше — значит, понапрасну расходовать рис и занимать циновку».

«Что ты сказал? Как… биоматериал?».

«Про лагеря вроде „Примирения“ ходят разные слухи, — неохотно ответил Аскар. — Доподлинно мне об этом не известно, но я слышал от нескольких бывших заключенных, что если из крупной клиники поступает запрос на трансплантацию печени или сетчатки, то подходящий донорский орган, как правило, находится в течение нескольких дней».

«Полная чушь. Необходимость в донорских органах давно отпала благодаря биотехнологиям. Все можно вырастить в лаборатории или напечатать на биопринтере».

«Да, но это время и деньги».

«Так ты считаешь, что Орынбека…», — Тео не смог закончить, сформулировать вопрос, настолько это предположение казалось диким, варварским.

«Я ничего не утверждаю, а лишь говорю, что результаты тестирования наталкивают на определенные мысли».

«Мне следует как-то предостеречь его?».

«Ни в коем случае. Прав я или ошибаюсь, это знание ничего не изменит, только умножит его тревоги и страхи. Человек живет надеждой».

В этот момент Орынбек, которого сокамерники окружили в плотное кольцо — теребили, хлопали по плечу, поздравляли — наконец, вырвался, чтобы заключить Тео в медвежьи объятья.

— Это все ты! Без тебя я бы тут пропал. Спасибо, брат! Если бог подарит мне сына, а назову его в твою честь, — пророкотал он ему в ухо.

— Да брось. Я тут ни при чем, — пробормотал Тео.

На следующее утро после переклички все в камере выстроились, чтобы проводить старика и Орынбека на собеседование и крикнуть последние напутствия. В тот день время тянулось особенно медленно. При каждом шорохе Тео

вскидывал глаза на дверь, но они так и не вернулись. В камере радостно перешептывались — значит, все прошло успешно, и они уже на свободе, на пути к дому. Перед отбоем надзиратели втолкнули в камеру двух новеньких — сумрачного мужчину, гладко выбритые щеки и череп которого отливали сизым, и худенького невысокого паренька, почти мальчишку, который испуганно выглядывал из-за его спины. Один из сокамерников молча указал на свободные циновки, которые лежали, свернутые в рулон, под скамьей. Тот, что постарше, так же молча кивнул и расстелил их.

В камерах приглушили свет. Прошло около часа. Тео лежал с широко открытыми глазами. Он слышал, как новый паренек приглушенно поскуливает и всхлипывает. Уверенность Тео, что ему удастся когда-нибудь вырваться из лагеря, вытекала, как остывший чай из треснувшей чашки.

Среди ночи в камеру ввалились надзиратели. Наступая грубыми ботинками на спящих, они пробирались по камере, как по бахче. Никто из заключенных не издал и звука — все затаили дыхание. Тео тоже притворялся спящим, хотя сердце заходилось.

— Этот что ли? — спросил один из надсмотрщиков.

— Кто б знал. Все на одно рыло, не разберешь.

Один из них несильно пнул Тео.

— Эй, ты, встал. Живее! Назови свой номер.

Тео подчинился. Трое надзирателей вытолкали его из камеры, защелкнули на запястьях и лодыжках магнитные браслеты и вывели наружу. Ночной воздух показался Тео полотном, сотканным из запахов свежего ветра, раскаленных полуденным зноем камней и дикорастущих трав, из серебряного свечения далеких звезд и шороха листвы. Но уже через пару мгновений они вновь оказались внутри душной утробы тюрьмы. Может, воздух в этом крыле и не был столь же спертым и едким, как в камерах, но Тео все равно чувствовал въевшуюся в поры каменного здания привычную вонь немытых тел и дурной еды.

Перед дверью в самом конце длинного коридора один из надзирателей остановил его, ударив в бок резиновой дубинкой. Его напарник осторожно постучал и сунулся с докладом.

В комнате за простым столом сидел директор лагеря. Из лампы струился тусклый свет, желтоватый и липкий, как подсолнечное масло. Тео усадили напротив, стянув запястья за спиной.

— Так-так. Вот, значит, юный гений, который безошибочно выполнил тест.

— Нет, это не я, это другой парень из нашей камеры,

Орынбек. — Разве?

Бросив взгляд на побелевшее от испуга лицо Тео, начальник лагеря добродушно рассмеялся.

— Снимите с него браслеты. Полагаю, он не опасен.

— Огромное спасибо, господин Тао.

Тео был наслышан о том, как он обходится с заключенными, чтобы обмануться внешностью респектабельного чудаковатого профессора. Он без усилий видел его насквозь: когда-то он был мелким служащим, целыми днями терпел выходки и капризы начальника-самодура, подчинялся, сдерживался, лебезил, молчал и непрестанно улыбался. И теперь, когда дорвался до власти, развернулся, как река, вышедшая из берегов. Наслаждается, смакует власть как редкое, изысканное блюдо.

— Расскажи, за что ты попал в лагерь?

— Дело в том, что произошла ужасная ошибка…

— Ну разумеется, — начальник лагеря налил еще одну кружку чая и гостеприимно пододвинул к Тео блюдо с лоснящимися под светом лампы кусками халвы. Тео из вежливости не стал отказываться от угощения, и его рот наполнился клейкой масляной сладостью.

— Да, я страшно сглупил. Самонадеянно отправился в путешествие по стране, не предупредив опекуна, не зная местных обычаев и законов. Госпожа Ли Чи, мой опекун, семья которой является одной из самых уважаемых в Нуркенте, вероятно, с ума сходит от волнения. Если бы я мог попросить вас связаться с ней, это недоразумение сразу бы разрешилось. Уверен, клан Ли не преминет щедро отплатить за беспокойство.

Начальник лагеря задумчиво постучал пальцами по столу.

— Я иностранец, мне нет дела до внутренней политики Чжунго. Я не собираюсь никому рассказывать о том, что происходит в лагере…

— А что происходит в лагере? — приподнял бровь господин Тао.

— Ничего, я вовсе не хотел сказать… — пробормотал Тео, мгновенно уловив смену его настроения.

— Нет уж, извольте, поделитесь наблюдениями, это необычайно интересно.

— Насколько я успел заметить, большинство заключенных…

— Воспитанников, — тут же поправил начальник лагеря. — «Примирение» — не тюрьма, здесь нет заключенных.

— Воспитанников, — послушно повторил Тео. — Так вот, большинство не вполне понимают, за что оказались в лагере, и как заслужить право вернуться домой, по которому тоскуют день и ночь.

— А разве здесь плохо? Крыша над головой, полноценный сбалансированный рацион, регулярные медицинские осмотры — что, заметь, было далеко не у каждого в родном ауле. Но главное — качественное образование, которое пригодится в жизни. И все — на полном гособеспечении, благодаря исключительной мудрости и неусыпной заботе Великого Предводителя.

— Да, но… Если людей удерживают против воли, это тюрьма.

— Вот она — черная неблагодарность. Уйгуры, киргизы, казахи, бог знает, кто еще. Как та сорная трава… Не помню, как называется… Повсюду растет, на голых камнях даже. Без дождей, без солнца. Неприметная, мелкая, по земле стелется. Но живучая: чем больше топчешь, тем сильнее разрастается… Разве «Примирение» — это тюрьма? — начальник лагеря поднял взгляд на одного из сопровождавших Тео надзирателей.

— Никак нет, господин начальник лагеря!

— Вот и я о том же. Ладно, будь по-твоему.

Нажав кнопку устройства на рабочем столе, начальник лагеря коротко приказал: «Свяжите меня с особняком Ли в Нурканте. Да, прямо сейчас». В ожидании ответа он задумчиво барабанил пальцами по столу, не сводя внимательного взгляда с Тео.

Затем послышалось шуршание и мужской голос произнес на чистом мандаринском, отчетливо интонируя:

— Добрый вечер, господин Тао. Меня зовут Ли Бо. К сожалению, госпожи Ли Чи сейчас нет в Нурканте, и связаться с ней вряд ли получится: она в Ганзе, на траурной церемонии похорон Вольфганга Вагнера. Однако я обязательно передам ей всю информацию.

Тео вцепился в стул так, что побелели костяшки пальцев. Он пытался вдохнуть, но грудь сжал мучительный спазм. «Вольф мертв. Вольф мертв. Вольф мертв», — похоронным набатом стучало в его голове.

— Один из воспитанников лагеря «Примирение», который находится под моим неусыпным контролем, смеет утверждать, что является почетным гостем клана Ли. И что госпожа Ли Чи, являясь его опекуном до достижения совершеннолетия, может поручиться за его благонамеренное поведение и образ мыслей.

— Минуту, пожалуйста, — отчеканил вышколенный голос.

«Вольф умер. Мой Вольф. Умер».

— Господин Тао, благодарю вас за ожидание. Пасынок Ли Чи был похищен и зверски убит террористами-уйгурами. Тот, кто выдает его за него, отъявленный мошенник, который не имеет ни капли сострадания в каменном сердце, раз бередит свежую рану скорбящей госпожи, которая к тому же недавно овдовела.

«Как легко она предала. Отреклась. Бросила в тюрьме. Потому что я был бы помехой. Теперь Ли Чи будет править Ганзой, — отстраненно подумал Тео, не испытывая ни злости, ни удивления, ни печали. — Не все ли равно? Раз Вольфа больше нет».

— Простите великодушно за поздний звонок и беспокойство. Передайте мои глубочайшие извинения и соболезнования госпоже Ли Чи в ее горе. Доброй ночи! — начальник лагеря медленно поднял на Тео налитые кровью глаза. — В карцер этого умника. Чтобы в голове маленько прояснилось.

# Глава 12

«Вольфа нет». «Отреклась». «Он никогда не болел». «Вольфа больше нет». «Меня больше нет». Дикая мешанина слов безостановочно крутилась в голове Тео, когда надзиратели волокли его в карцер. Когда били. Слова вспыхивали в сознании с каждой новой яркой вспышкой боли, которую сменяла еще одна, и еще, и еще. «Отец умер». «Вольфа больше нет». «Никого не осталось». «Змея». «Лука был прав». «Слепой, наивный дурак».

Надзиратели, вдоволь поглумившись над Тео, ушли, оставив его, избитого и окровавленного, на грязном полу карцера. Напоследок один из них склонился и, приложив дубинку, оглушил его напоследок разрядом тока. Боль была такой, что все тело превратилось в один истончившийся оголенный нерв, так что, казалось, упади сверху капля воды, он зашипит и заискрит, как оборванный кабель под высоким напряжением.

— Уроды. Нелюди, — Тео перекатился на бок и выхаркнул кровь.

«Люди. Поразительно, но самые позорные, отталкивающие акты немотивированной жестокости совершают не серийные маньяки, а поразительно обычные, ничем не примечательные люди, стиснутые обстоятельствами».

«Ничто на свете не может оправдать звериную жестокость».

«О нет, ты не прав. Глубокое, но скрытое влияние нескольких ситуационных переменных может оказаться сильнее воли человека и подавить способность к сопротивлению. Хотя, стоит оговориться, что люди весьма охотно „поддаются искушению“ и слепо исполняют приказы, совершая поступки, о которых прежде не могли и помыслить. Силовое поле власти искривляет их моральные установки».

Тео сидел на полу маленькой одиночной камеры, обхватив руками колени и пытаясь абстрагироваться от ноющей боли во всем теле, от мучительных мыслей о смерти Вольфа, о лжи и предательстве Ли Чи, о том, что ждет дальше его самого, и сконцентрироваться только на голосе, звучащем в его голове. Глубоком, спокойном голосе, который рассуждал о справедливости и человеческих заблуждениях.

«Ну да, конечно. А за стенами тюрьмы эти ублюдки — славные парни».

«Ты бы удивился, если бы узнал, как форма, которую они надевают, заступая на смену, меняет мышление, восприятие действительности… Это нечто вроде катаракты мозга, мешающей ясно мыслить и заставляющей считать, что заключенные — это

не вполне люди. Они видят в них лишь нарушителей порядка, которые, вне всяких сомнений, заслуживают страданий и унижения. Если верить Сократу, злых людей вообще не бывает. Все люди стремятся к добру, но по — разному его понимают».

«Так легко оправдать любую жестокость…», — Тео осторожно коснулся рассеченной брови — засохшая кровь противно стягивала кожу.

«Зло не перестает быть злом. Стирать личность других людей, намеренно причинять боль, морить голодом и оскорблять — зло. Но не меньшее зло и беспрекословно повиноваться, опускать глаза и молчать, находить разумные оправдания собственным неблаговидным поступкам, совершенным из трусости. Однажды осознав, что добро и зло неразрывно связаны, уже невозможно видеть одно без другого. Мне бы даже хотелось, чтобы мир снова обрел понятную и однозначную монохромность. Но теперь он полон теней, полутонов и цветовых акцентов. Мир наполнен и добром, и злом — так всегда было и всегда будет. Эти границы проницаемы и расплывчаты. Ангелы могут стать демонами, злодеи — героями, борцы за свободу — угнетателями. Как уже не раз было в истории, горячее и искреннее стремление искоренить зло приводило к злодеяниям таких масштабов, каких прежде не видел мир».

«Я не философ. И сейчас мы рассуждаем не об абстрактных добродетелях и пороках, а о совершенно конкретных отморозках, которые упиваются безнаказанностью».

«Всегда полезно представить себя на месте другого человека».

«Что? Я бы никогда, никогда…»

«Не спеши зарекаться. Мы слишком высокого мнения о собственных добродетелях, слишком часто засматриваемся на сияющие в небе безупречные, холодные звезды, вместо того, чтобы взглянуть вниз, на скользкую дорогу под ногами. Мысль о том, что хороших людей от плохих отделяет непреодолимая пропасть, успокаивающе приятна. Черно-белое разделение мира снимает с „хороших“ людей бремя ответственности: мол, им все равно не под силу изменить расклад».

«К чему ты ведешь?»

«Я лишь пытаюсь втолковать, что в атмосфере всеобщего страха и культивируемой ненависти разумные люди подчас совершают абсурдные, непостижимые поступки, свободно мыслящие — бездумно подчиняются бессмысленным приказам, мирные — берут в руки оружие и камни. Надзиратели в лагере так же несвободны, как и заключенные. Они прохаживаются ночь напролет по тюремному блоку, постукивая дубинками по запертым дверям камер и прутьям решеток, и на самом деле

точно так же отбывают здесь срок, потому что их свобода покинуть это место иллюзорна и призрачна. Там, в большом мире уже не найдется места для их искалеченного жестокостью и слепым повиновением разума».

Тео промолчал, осторожно ощупывая кончиком языка соленую изнанку разбитой губы.

«Знаешь, после того ужасного истребления нации, свидетелем которого я стал на родине, я был одержим идеей исследовать, как обычные, нормальные люди вовлекаются в злодеяния, совершенно чуждые их моральным принципам и жизненным ценностям. И, копаясь в архивах военных преступлений времен нацистской Германии, выяснил примечательный факт. В это сложно поверить, но колоссальное, не вмещающееся в сознание число жертв Холокоста были уничтожены за очень короткий промежуток времени — чуть менее года. «Окончательное решение» еврейского вопроса было запущено с привлечением летучих отрядов массового уничтожения в Польше. Геноцид требовал мобилизации огромной машины смерти, и это происходило в 1942 году, когда для удержания позиций немецкой армии требовались все новые силы. Большинство евреев в Польше жили в маленьких городах и селах, и я задался закономерным вопросом: где же в столь сложное время германское верховное командование находило людей для массовых расправ в тылу? И я нашел ответ. В архивах хранились документы о Сто первом резервном батальоне, в котором служило около пятисот солдат из Гамбурга. Это были пожилые отцы семейств, как правило, выходцы из рабочего класса, с весьма скромным достатком и, разумеется, без всякого опыта службы в военной полиции. Этих вот добропорядочных бюргеров забрили в новобранцы и закинули в Польшу, даже не потрудившись растолковать суть предстоящей секретной операции: тотального истребления евреев. И всего за четыре месяца эти доблестные борцы с еврейской угрозой методично и добросовестно расстреляли тридцать восемь тысяч человек, а еще сорок пять тысяч отправили эшелонами в концлагерь в Треблинке.

В архивах сохранились записи о том, что поначалу многие отказывалась принимать участие в массовых расстрелах мирного населения: женщин, стариков и детей. Но постепенно, поддавшись на увещевания товарищей по службе, втянулись, воспринимая обязанности палачей как не слишком приятную, тяжелую, но полезную для общества миссию. Не прошло и пары месяцев, как многие уже с гордостью позировали для «трофейных» снимков на фоне груд мертвых тел.

Понимаешь, этих людей никто специально не отбирал

на роль истребителей, они не горели желанием выполнять работу палача, у них не было ни личной неприязни, ни карьерных соображений, ни финансовой выгоды участвовать в расстрелах. Они были настолько «обычными», насколько это вообще возможно, пока не оказались в незнакомой обстановке, в заранее смоделированной ситуации, получив официальное разрешение на истребление людей, которых власть назначила на роль врагов нации. Эмоции в сторону, моральный долг, железная дисциплина и слепое подчинение ради процветания родной страны…».

Единственная тусклая лампочка, которая болталась под потолком, равномерно помаргивала. То ли отходил контакт в патроне, то ли напряжение было не стабильным, то ли это было намеренной изощренной пыткой для заключенных карцера. Если свет мигает с очень короткими промежутками, мозг игнорирует секундные провалы в темноту, домысливая, как бы достраивая реальность в момент ее исчезновения, и все глубже погружается в смятенную тревожность.

«Прошлое нельзя сломать, уничтожить, стереть с лица земли и из памяти: все возвращается по спирали, чтобы человечество крепко усвоило плохо вызубренный урок. И если вдруг человек возгордится, считая, что полностью изжил дурные привычки, постыдные страхи, неоправданную, звериную жестокость и вымышленные больным разумом теории, все тут же возвращается в прежнюю разбитую колею».

В дверь тихо, по-мышиному, поскреблись. У Тео волосы зашевелились на затылке, словно от прикосновения ножа.

— Эй! Как ты там? — голос был молодой, мальчишеский, и говорил на родном языке Тео, но странным образом неуловимо коверкая слова. — Эй, Лука, молчи-нет. Это я, Флик. Ты живой там?

Тео с бешено колотящимся сердцем подполз к двери. «Только не вздумай признаться, что он обознался. Раз этот малец там, снаружи, он не заключенный. А значит, он может оказаться полезным», — быстро зашептал Аскар, как будто тот, кто был за дверью, мог услышать его.

— Э-э-э, да. Флик, дружище! Как ты здесь оказался?

— О, это долгая история, брат. Ш-ш-ш, тихо. Я-вернись. Скоро.

«Кто это? Ты что, знаешь, о ком он говорит?».

«Да. Это просто поразительно. Это приятель моего брата Луки по прозвищу Флик. Из Гамбурга. Лука рассказывал разные истории, которые с ними приключались. С ума сойти».

«Ты не говорил, что у тебя есть брат».

«Ты не спрашивал».

Флик действительно быстро вернулся. После долгих расспросов Тео выведал всю недолгую историю его странствий. Вместе с остальными жителями района их семью выслали в временный лагерь для переселенцев где-тона восточной границе. Однажды отец вернулся со сходки воодушевленным — в таком приподнятом настроении Флик не видел его уже много месяцев. По слухам, Чжунго стремительно осваивал обширные пустынные территории, прилегающие к империи с северо-запада. И первым поселенцам предлагались гражданство, земля и даже пособие от государства. Мать поначалу отказывалась пускаться в такой долгий путь, отговаривала, убеждала, рыдала, но вынуждена была смириться. Их вместе с несколькими сотнями переселенцев погрузили в закрытые вагоны и пять суток везли в неизвестном направлении.

На новом месте все было другим, незнакомым: климат, пейзаж, а главное, заведенные порядки, которые пришлось усвоить всем без исключения. Все россказни про сладкую и беззаботную жизнь на неосвоенных землях, разумеется, оказались детскими сказками. Поселенцам пришлось жить в бараках и вкалывать на полях от зари до зари. Все прибывшие получили специальные браслеты, на которые было установлено приложение Jingwang — «Третий глаз». Оно сканировало и передавало нейросети всё, что они читали, писали, говорили, все контакты и передвижения. Подозрительным считалось все: если у человека дома много книг или большие запасы продуктов, если он использует электричества больше нормы, провел ночь не по прописке без разрешения полиции, оказался на какое — то время вне доступа. Любое из нарушений могло стать основанием для задержания и допроса. Все переселенцы, от подростков до стариков, были обязаны сдать подробный биометрический и ДНК тест — фотографии лица в разных ракурсах, анализ крови, отпечатки пальцев, скан сетчатки глаза, запись голоса и образцы волос.

Каждый шаг фиксировался Jingwang: алгоритмы анализировали не только действия, но и помыслы, чтобы спрогнозировать каждый поступок — даже тот, который сам от себя не ждешь. Алгоритмы постоянно, непрерывно анализируют, сопоставляют, вносят коррективы, простраивают линии поведения. Присваивают жизни числа, проценты и вероятности. Знают даже то, на что ты решишься только в самом крайнем случае, причем задолго до того, как ты об этом задумаешься. И когда однажды ты совершаешь поступок, в котором можно усмотреть хотя бы малейший намек на бунт, в тот же миг тебя забирают и исправляют, прежде чем ты

созреешь для настоящего нарушения.

Несмотря на бродившие среди заключенных страшилки, «Примирение» не был лагерем смерти. Не был заточен на тотальное истребление инакомыслящих. Он, как гигантский кухонный комбайн, был нацелен на то, чтобы перемолоть разнородные фрагменты разных народностей в однородный фарш, легко поддающийся формовке. Обвыкнешься — не сдохнешь, а не сдохнешь — обвыкнешься, иного пути нет.

— Почему ты не в камере?

— Я заработай свобода. Я усердно учись, правила соблюдай, экзамен сдавай.

— Почему же ты до сих пор в «Примирении»?

— Мой семья тут. Весь, что остался. Уйду — погибай все.

— И что, ты стал кем-то вроде надзирателя?

— Нет, я просто мал-мал подсоблять, всякое-разное делать…

— К примеру, лупцевать заключенных? Бить током?

— Нет, никогда!

— Ты, может, и нет. Но они… Ты же все это знаешь, видишь. И ты им прислуживаешь.

Флик, волнуясь, сбивчиво оправдывался: в Ганзе его отец никогда на людях не показывал ни родного языка, ни обычаев — еще до всего, что потом началось. Потому что есть закон: не хвастать тем, кто ты есть, откуда родом, во что веруешь, не болтать зря, но если спросят, отвечать честно и прямо, не ловчить. Но если сказать правду — равносильно тому, чтобы собственной рукой подписать себе смертный приговор, то не зазорно и промолчать. Главное — помнить, кто ты есть.

— Мягкому суждено жить, а твердому — умереть. Так говорил мой отец.

— Удобная позиция, ничего не скажешь, — хмыкнул Тео. — Творить всякие непотребства и считать себя при этом чистеньким — для маскировки же, не со зла.

За дверью раздался тихий звук уходящих шагов.

«Поздравляю, кажется, ты оттолкнул единственного, кто мог стать твоим союзником», — саркастически сказал Аскар.

«Ну и пусть. Он ничего не стоит, раз примкнул к этим…».

«Нелюдям, да. Ты уже говорил».

Тео просидел в карцере три дня, и в следующие два месяца оказывался там еще с десяток раз — обычно на день-два, иногда — на более долгий срок. Он научился различать потаенные звуки: дальних тихих скрипов, вздохов, бормотания, мышиного писка и шороха их крылатых собратьев. И крадущихся шагов Флика. Его сбивчивые рассказы или даже молчаливое присутствие за дверью помогали справляться с приступами

клаустрофобии и паническими атаками, голодом, усталостью, болью, страхом, яростью. Тео переродился. Владевшее им отчаяние сменилось ощущением полной неуязвимости. Казалось, все, что было в нем мягкого и наносного, обгорело, остался один обнаженный стальной каркас, почти невесомый, но несокрушимый.

Эта трансформация почти не находила внешних проявлений — он не дерзил надзирателям, не задавал вопросов, не нарушал режим, да и вообще редко произносил хоть что-то и после ухода Орынбека ни с кем не стремился сблизиться. Еще какое-то время после того злополучного вечера надзиратели не давали ему прохода: цеплялись по каждому поводу, сыпали оскорбления и словно бы мимоходом отвешивали тычки. Тео превратился в учебный каталог ссадин и припухших синяков разной степени интенсивности цвета, каждый из которых настойчиво напоминал о себе при каждом вдохе, каждом неловком движении. Но поскольку Тео не проявлял ни явного сопротивления, которое хотелось бы сломить во что бы то ни стало, ни панического трепыхания затравленного кролика, который бы только еще сильнее подзадоривал мучителей, со временем они нашли новую мишень для издевательств.

# Глава 13

Спустя четыре месяца из заключенных, которых Тео увидел в камере в первый день, осталось лишь трое, остальные заслужили высокие баллы и получили амнистию. Предательские мысли о том, что их исчезновение могло означать что-то иное, Тео бесповоротно отметал.

Он отчаянно надеялся, что когда-нибудь наступит и его черед, и в то же время терзался страхами и догадками. Высокая оценка за тест стала и громадной, с трудом осмысливаемой радостью, и напряжением, полным липкого, тревожного страха и дурных предчувствий.

После того, как в лагерь прибыла особенно большая партия, на перекличке снова выступил начальник лагеря. Он повторил речь, которую Тео уже слышал, — с заученными интонациями и паузами, которые придавали особую весомость словам. Проводя взглядом по строю обритых наголо, облаченных в робы заключенных, он узнал Тео, хотя тот быстро опустил глаза, и нахмурился.

На следующий день в его камеру зашли двое охранников, которые под конвоем отвели его в дальний больничный корпус. По слухам, он был отведен для тяжелых инфекционных больных.

— Медосмотр, — сухо бросил человек в противовирусной спецодежде с герметичной прозрачной маской на лице.

Тео загнали в душ. Подрагивая от холода и волнения, он позволил взять кровь на анализ, измерить его рост и вес, проверить рефлексы. Затем ему сделали укол и тело перестало слушаться, стало безвольным и сонным. Люди в медицинских костюмах уложили Тео на операционный стол, крепко зафиксировав ремнями голову, грудь, запястья и лодыжки. От прикосновения чужих чутких пальцев в холодных перчатках его потряхивало, как от легких ударов током.

Один из врачей подключил к его голове и пальцам какие-то датчики, соединенные запутанной сетью проводов. Черные экраны на стенах мигнули и вновь погасли.

— В чем дело? — услышал Тео чей-то встревоженный голос, который говорил на мандарине.

— Странно. Показывает перегрузку.

— Может, на фоне повышенной эмоциональной восприимчивости?

— Седативное?

— Нет, нужен ясный разум. Просто успокой пациента.

— Как?

— Не знаю. Скажи что-нибудь. Пульс уже сто двадцать семь.

Один из врачей склонился над Тео, пытаясь дружелюбно улыбнуться. Но из-за стягивающего лицо прозрачного вакуумного щитка улыбка казалась похожей на оскал озлобленного пса.

— Не больно, не бойся, — проговорил он на одном из местных наречий, которое Тео научился мало-мальски разбирать в лагере. — Только заглянуть в воспоминания — чуть-чуть — и все. Не больно!

Тео заметался на кушетке.

— А, уйди, ты вечно все только портишь.

«Аскар. Аскар!»

«Я здесь».

«Им это под силу? Залезть ко мне в голову и вытянуть все воспоминания?».

«Да».

«И о деревне?».

«Да».

«И о тебе?..».

Молчание Аскара было красноречивее любых слов. Через несколько часов Система получит имена и лица всех, кого Тео знал, прямо из его головы. Машина примет необходимые меры по излечению и проведет превентивные профилактические процедуры от всех известных видов расстройств сложного биологического аппарата. Через несколько часов он предаст всех, кто стал ему по-настоящему дорог, и выйдет наружу — проверенным, исправленным и беззастенчиво благонадежным. Вылущенным, как орех.

— Эй, взгляни, тут что-то не так.

— Не паникуй.

В черных экранах, закрывавших все стены, нелепо и жалко белела распятая на хирургическом столе фигура, раздробленная множественными отражениями. Несколько человек, похожие в белых хирургических костюмах на нескладных снеговиков, двигались по операционной, как механические куколки в рождественском домике.

— Давление и пульс нестабильны.

По экранам, расположенным в ряд, ползли неровные столбцы цифровых кодов. Незаметно в арифметические ряды вплелись буквы, нарушив логичную стройность вычислений. Буквы подменяли цифры и постепенно складывались в обрывочные слова. Изумленные медики подняли головы и завороженно смотрели на экраны.

— Он что, в сознании?! Эй, парень!

— Сколько ты вколол?

— По инструкции.

Постепенно пульсирующий шрифт на экранах вытеснил все прочие символы.

«Свобода публичных высказываний, право на тайну переписки, неприкосновенность дома, свободу передвижений — все это вторично. Лишь одно право неоспоримо: то, что проводит нерушимую границу по коже и гласит, что все, что внутри — личное дело человека и ничье больше. Право не свидетельствовать в суде против себя. Право верить в то, что считаешь истинным. Право мыслить иначе, чем одобрено большинством. Все это лишь подпункты простого утверждения: я — это я, и я — не ваша собственность».

— Что это?

— Не знаю, никогда такого не видел.

— Заткнитесь оба! Проверьте датчики!

Тео мысленно повторял чужие слова, смелые и честные, чтобы навсегда запомнить их. В больничном коридоре гулко хлопали двери, приближался топот ног и взволнованные голоса.

«Три, два, один. Вы не проникните в мою голову».

Слова пульсировали на экране, постепенно затухая.

«В прежние времена было много героев, но еще больше — сказок о них», — прошептал чужой, но странно знакомый голос.

— Остановка сердца.

# Послесловие от автора

С весны 2017 года правительство Синьцзян-Уйгурского автономного района Китая проводит особую политику в отношении этнических меньшинств: уйгуров, казахов, киргизов и дунган, отсылая их в лагеря, призванные искоренить этническую и религиозную идентичность и подчинить идеалам Коммунистической партии Китая. По некоторым оценкам, в исправительных лагерях содержится более миллиона заключенных.

В информационной базе, где собраны свидетельства друзей и родственников пропавших без вести, на момент создания рукописи в открытый доступ было выложено 4787 записей.